Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА

НОВАЯ ПОВЕСТЬ О ПРЕСЛАВНОМ РОСИЙСКОМ ЦАРСТВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

НОВАЯ ПОВЕСТЬ О ПРЕСЛАВНОМ РОСИЙСКОМ ЦАРСТВЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА

НОВАЯ ПОВЕСТЬ О ПРЕСЛАВНОМ РОСИЙСКОМ ЦАРСТВЕ И СОВРЕМЕННАЯ ЕЙ АГИТАЦИОННАЯ ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1960

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с 90-х годов XVI в. и в течение первых десятилетий XVII в., в годы, ознаменованные для Русского государства обострением классовой борьбы и ростом национального самосознания в процессе сопротивления интервентам, сложились благоприятные условия для расцвета агитационной литературы и письменности, используемых в качестве идеологического оружия в руках боровшихся. Общность агитационных целей обусловливала гораздо более активное, чем в XVI в., сближение литературы и некоторых документальных памятников, доходившее иногда «до того, что трудно бывает провести границу между собственно литературным и документальным изложением темы».[1]

События начала XVII в., связанные с первой крестьянской войной под руководством И. И. Болотникова, с борьбой различных претендентов на московский престол, которая развернулась после прекращения династии Ивана Калиты, и с возникновением народно-освободительного движения против польско-шведской интервенции, втянули в обсуждение злободневных вопросов современности и литературу и такие формы деловой письменности, как грамоты, воззвания, челобитные. Вся эта своеобразная публицистика ярко тенденциозна. В ней отчетливо проступает различие в оценках событий борющимися сторонами и обнаруживается, какую силу в представлении участников борьбы приобрело в то время убеждающее слово. И литература в собственном смысле, и деловая письменность,

---

[1] В. П. Адрианова-Перетц. Литература 1580-х—1610-х годов. Возникновение и расцвет историко-публицистической повести. — В кн.: История русской литературы, т. I (Литература X—XVIII веков). Редколлегия: В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, В. Д. Кузьмина, К. В. Пигарев, А. Н. Робинсон, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 257—258. (В дальнейшем — Адрианова-Перетц. Возникновение и расцвет. . . повести).

поскольку они обсуждали злободневные события, становились агитационными средствами.

Когда в ответ на действия интервентов началась народно-освободительная война, ее организаторы также признали необходимым воздействовать на общественное мнение, убеждать патриотов в том, что их прямой долг — объединиться для борьбы. Деловая переписка между городами, примкнувшими к народному движению против интервентов, и литература, создававшаяся в лагере патриотов, приобрели агитационный характер. Обличение врагов и патриотические призывы к борьбе зазвучали даже в «отписках» и «грамотках», непосредственной темой которых были чисто практические вопросы организации и сплочения народных сил, согласования планов военных действий, сбора ратников и средств для их содержания, и вместе с тем информация о положении дел в стране.

К концу первого—началу второго десятилетия XVII в., ко времени борьбы за освобождение Русского государства и его столицы от интервентов относится группа близких между собою и очень своеобразных агитационных произведений патриотического содержания, связанных некоторыми общими нитями с агитационными памятниками деловой письменности и литературой: воззвание москвичей, воззвание от имени жителей Смоленска (так называемая «смоленская» «грамотка») и «Новая повесть о преславном Росийском царстве и великом государстве Московском» с ее призывами к восстанию против врагов. Все эти три памятника уже не раз привлекали внимание историков и литературоведов. Некоторые исследователи при этом рассматривали не только московское воззвание и «грамотку» смольнян, но и «Новую повесть» как памятник деловой письменности агитационного характера, отмечая, впрочем, что последняя литературно обработана, и определяя ее как «послание», «подметное письмо», «прокламацию», «воззвание».

В исследованиях 1930—1950-х годов сделан ряд ценных наблюдений над тем, как в XVI—XVII вв. деловая письменность обогащала литературу, как происходил процесс их взаимовоздействия.[2] Внимание исследователей сосредоточивалось

---

[2] Основную литературу по этому вопросу см.: А. С. Орлов. Стенограмма лекций по истории древней русской литературы, читанных в 1934—1935 гг. в Ленинградском институте философии, литературы и истории, кн. 1, лекция 1, стр. 3—5. (Литографированный курс); А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII веков. Изд. АН СССР, М., 1945, стр. 6—7, 9—10 и др.; В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. Ред. А. С. Орлов, Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, 261 стр. (пародирование формы челобитной,

преимущественно на публицистической литературе времени Ивана Грозного и на историко-публицистических повестях конца первого—начала второго десятилетия XVII в. Из более поздних памятников дали материал для освещения вопроса

лечебника, азбуки и др.). См. также: В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века. Тексты, статья и комментарии. Отв. ред. Д. С. Лихачев, Изд. АН СССР, М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), 292 стр.; статьи В. П. Адриановой-Перетц, Б. М. Боровского, С. К. Шамбинаго и других в кн.: История русской литературы, т. 2, ч. 2. Литература 1590—1690 гг. Ред. А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий, Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 7—9,11,17—21, 36—38, 45—47 и др. (В дальнейшем — История русской литературы); А. Н. Робинсон. Из наблюдений над стилем поэтической повести об Азове. — Ученые записки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, вып. 118, Труды Кафедры русской литературы, кн. 2, Изд. Университета, М., 1946, стр. 45—51 и др.; А. Н. Робинсон. Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков 1642 г. — ТОДРЛ, т. VI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 24—59; А. Н. Робинсон. Жанр поэтической повести об Азове. — ТОДРЛ, т. VII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 98—130; А. Н. Робинсон. Повести об Азовском взятии и осадном сидении. — В кн.: Воинские повести древней Руси. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, Изд. АН СССР, М., 1949 (серия «Литературные памятники»), стр. 166—243; статьи Д. С. Лихачева «Иван Грозный — писатель» и Я. С. Лурье «Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV» в кн.: Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, перевод и комментарии Я. С. Лурье, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 452—467, 508—509, 533, 537—544; Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц, Изд. АН СССР, М.—Л. 1952, стр. 111—118; Д. С. Лихачев. Повести русских послов как памятники литературы. — Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 319—346. Я. С. Лурье. Новые списки «Царева государева послания во все его Российское царство». — ТОДРЛ, т. X, Изд. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 305—309; статьи Д. С. Лихачева «Пересветов и его литературная современность» и Л. Н. Пушкарева «И. Пересветов и его связи с русской литературной традицией» в кн.: Сочинения И. Пересветова. Подгот. текст А. А. Зимин, под ред. Д. С. Лихачева, М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 52—55, 57—77; М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — ТОДРЛ, т. XI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 218—254; В. В. Данилов. Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства XVII века. — ТОДРЛ, т. XI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 209—217; В. П. Адрианова-Перетц. К вопросу о начальном периоде формирования национальной русской литературы. — В кн.: Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сборник статей, Изд. АН СССР М., 1956, стр. 19—24; В. П. Адрианова-Перетц. Литература 1580—1610-х годов («Возникновение и расцвет историко-публицистической повести» и «Литература 1620-х—1640-х годов. Зарождение демократической литературы. Первые опыты биографической повести»). — В кн.: История русской литературы, т. I (Литература X—XVIII веков). Редкол-

о связи литературы с документальной письменностью повести об Азове. Среди же повестей начала XVII в. особенно заметной связью с деловой письменностью историками и литературоведами выделялась «Новая повесть о преславном Росийском царстве». Именно этой связью и было обусловлено то или иное определение жанра данного произведения.

Первые исследователи «Новой повести» определяли ее как «послание», либо писанное «из Кремля каким-то женатым лицом, вероятно, под Смоленск»,[3] либо как одно из «троицких посланий» (из Троице-Сергиева монастыря).[4] По мнению С. Ф. Платонова, «Новая повесть» — «единственный образчик» «подметного письма», хотя и не лишенного «литературных достоинств».[5]

легия: В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, В. Д. Кузьмина, К. В. Пигарев, А. Н. Робинсон, Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 257—310; А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Отв. ред. А. И. Белецкий, Изд. Университета. Киев, 1958 (Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко), 184 стр. (В дальнейшем — Назаревский. Очерки).

[3] С. И. Кедров. Авраамий Палицын. — ЧОИДР, кн. IV, М., 1880 стр. 62. Согласно догадке П. Н. Милюкова, повесть написана «по поручению» патриарха Гермогена (см. рецензию на кн. С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник», опубликованную в ЖМНП в 1887 г. за октябрь—ноябрь—декабрь. — Русская мысль, М., 1888, кн. III (Библиографический отдел), стр. 161.

[4] Архим. Леонид. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкие Сергиевы лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1874 г. — ЧОИДР, кн. III, М., 1884 (Материалы историко-литературные), стр. 196. Д. Скворцов предполагает в авторе либо «очевидца-москвича, приехавшего в Троицу, либо выходца из-под Троицы» и улавливает в его «послании» влияние троицкого архим. Дионисия. (Д. Скворцов. Дионисий Зобниковский, архимандрит Троицкого-Сергиева монастыря (ныне лавры). Историческое исследование. Тверь, 1890, стр. 70—71).

[5] С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888, стр. 87—89. (В дальнейшем — Платонов. Древнерусские сказания; см. также эту работу во 2-м изд. «Сочинений» С. Ф. Платонова, т. II, СПб., 1913, стр. 109—130). Кроме названной, исследованию «Новой повести» посвящено еще несколько работ С. Ф. Платонова: С. Ф. Платонов. Новая повесть о Смутном времени XVII века. — ЖМНП, 1886, январь, ч. 243, стр. 50—67 (а также в кн.: Статьи по русской истории (1883—1902). СПб., 1903, стр. 50—76, или во 2-м изд. «Сочинений» С. Ф. Платонова, т. I, СПб., 1912); С. Ф. Платонов. О двух грамотах 1611 года (1897). — В кн.: Статьи по русской истории. СПб., 1903, стр. 193—198 (или во 2-м изд. «Сочинений» С. Ф. Платонова, т. I, СПб., 1912, а также в кн.: Сборник статей в честь И. В. Помяловского к 30-летней годовщине его ученой и педагогической деятельности от учеников и слушателей. Commentationes Philologicae. СПб., 1897, стр. 137—140). (В дальнейшем цитируется изд. 1903 г. — Платонов. О двух грамотах); С. Ф. Платонов. Очерки

Того же взгляда, что «Новая повесть» «есть собственно подметное письмо», придерживаются В. С. Иконников, освещая историю ее изучения,[6] А. С. Орлов,[7] Д. С. Лихачев,[8] Н. К. Гудзий [9] и одна из групп авторов I тома «Истории Москвы».[10] Мнения авторов «Очерков истории СССР» на этот счет также расходятся, и одни из них (Ю. В. Готье и Н. И. Казаков) присоединяются к определению С. Ф. Платонова.[11]

Таким образом, ряд исследователей до последнего времени придерживается мнения, что «Новая повесть» не является памятником собственно литературным, и иногда категорично определяют ее как «анонимную прокламацию», утверждая, что «это вовсе не повесть, а призыв к вооруженному восстанию против польских интервентов».[12]

Другая группа исследователей приходит к заключению, что «Новую повесть» можно рассматривать лишь как «подра-

по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899, стр. 480—481, прим. 200 на стр. 632—633. В дальнейшем — Платонов. Очерки).

[6] В. С. Иконников. Новые исследования по истории Смутного времени Московского государства. Тип. Университета св. Владимира, Киев, 1889, стр. 19—20; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 2, кн. 2. Тип. Университета св. Владимира, Киев, 1908, стр. 1833.

[7] А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII вв., стр. 327.

[8] «Новая повесть определяется, как „прокламация“, „подметное письмо“, брошенное на улицах Москвы» (Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. Очерки из области русской литературы XI—XVII вв. Отв. ред. А. М. Деборин, Изд. АН СССР, М., 1945 (Научно-популярная серия), стр. 117. (В дальнейшем — Лихачев. Национальное самосознание).

[9] Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 6-е, испр., Учпедгиз, М., 1956, стр. 354.

[10] История Москвы, т. I. Период феодализма XII—XVII вв., ч. 2. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 629 (авторы раздела: С. В. Бахрушин, С. К. Богоявленский, Н. В. Устюгов). В другом разделе этой же книги (стр. 333) его авторы (С. В. Бахрушин и А. А. Новосельский) вслед за рецензентом журнала «Русская мысль» (1883, № 3, Библиографич. отд., стр. 161) неоправданно модернизируют определение жанра «Новой повести», называя ее «памфлетом», — в ней выведены и положительные образы, подражать которым она призывает. (В дальнейшем — История Москвы, т. I).

[11] Очерки истории СССР. Период феодализма (конец XV в.—начало XVII в.). Укрепление Русского централизованного государства (конец XV—XVI вв.). Крестьянская война и борьба русского народа против иностранной интервенции в начале XVII в. Под ред. А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 554. (В дальнейшем — Очерки истории СССР).

[12] В. Мальцев. Историческое значение обороны Смоленска в 1609—1611 годах. — В кн.: Смоленская оборона 1609—1611 гг. Сборник статей, Смоленск, 1939, стр. 13.

жание» одному из видов воззваний, «подметным письмам». Возникновение этой точки зрения связано с новой постановкой в литературоведении вопроса о воздействии деловой письменности на литературу как о явлении литературного процесса конца XVI—начала XVII в. Так определяют жанр «Новой повести» С. К. Шамбинаго,[13] той же точки зрения придерживаются Н. И. Тотубалин,[14] Л. Н. Пушкарев,[15] В. П. Адрианова-Перетц,[16] А. А. Назаревский [17] и Н. Ф. Дробленкова.[18]

Таким образом, исследователи «Новой повести» должны в конечном итоге решить, относится ли это произведение к области литературы, или оно представляет собой памятник деловой письменности, лишь использующий некоторые литературные средства. Чтобы выяснить этот вопрос, необходимо прежде всего отчетливее определить характерные особенности агитационной письменности тех лет, когда началось национально-освободительное движение против польско-литовской интервенции и призыв к борьбе с врагами стал в центре внимания деловой письменности.[19]

---

[13] История русской литературы, т. 2, ч. 2, стр. 37—38.

[14] Н. И. Тотубалин. Новая повесть о преславном Российском царстве. — В кн.: Русская повесть XVII века. Ред. И. П. Еремин, Гослитиздат, Л., 1954, стр. 331—332. (В дальнейшем — Тотубалин. Новая повесть).

[15] Очерки истории СССР, стр. 607.

[16] В. П. Адрианова-Перетц. Возникновение и расцвет. . . повести, стр. 268 («Новая повесть» — «литературно оформленное воззвание»).

[17] Назаревский. Очерки, стр. 48. Полный «критико-библиографический обзор изучения» «Новой повести» дан А. А. Назаревским на стр. 21—29.

[18] Н. Ф. Дробленкова. «Новая повесть о преславном Росийском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филолог. наук., Л., 1955, стр. 3, 7, 16.

[19] Следует отметить, что в поисках «степени. . . достоверности» фактических данных «Новой повести» и других литературных памятников начала XVII в. С. Ф. Платонов иногда приводил к ним параллели из современной им деловой письменности. «Новая повесть» при этом ставилась исследователем в один ряд с тождественными ей подделками типа «грамотки» — воззвания от имени смольнян.(Платонов. О двух грамотах, стр. 194, 197). Наблюдая черты литературного мастерства в памятниках деловой письменности, С. Ф. Платонов отметил стилистическую близость, а иногда и заимствования «отдельных фраз» из грамот в таких повестях, как «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства», «Повесть о некоей брани, належащей на благочестивую Россию» или «Повесть 1606 года» (Платонов. Древнерусские сказания, стр. V, 112, 121). Метод анализа исследователя наводит на мысль о сходстве тем, содержания и публицистических целей у ряда литературных памятников и грамот начала XVII в.

Глава I

АГИТАЦИОННАЯ ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ КОНЦА 1608—НАЧАЛА 1611 г.

1

Старшие из сохранившихся памятников документальной патриотической агитационной письменности (грамоты-воззвания городов и волостей) периода освободительного движения против польско-литовских интервентов и их ставленника Лжедимитрия II датируются последними числами ноября 1608 г. Появление их совпадает с началом (исследователи относят его к концу 1608 г.) стихийно вспыхнувшей народно-освободительной войны.[1]

В первые месяцы народной войны поднявшиеся на борьбу города и волости северного Поморского, Поволжского, Владимирского и других краев не имели еще единого руководящего центра. Организации ополчений, сплочению патриотических сил и согласованию действий способствовала оживленная переписка, начатая между отдельными районами патриотического движения по инициативе земских учреждений, а затем — налаженная ими и с Москвой.[2] Устюжане одни из первых, не дож-

[1] См.: Н. И. Покровский. Начало народной войны в Московском государстве в 1608—1609 гг. — Ученые записки Ростовского на Дону государственного университета, т. VI, Труды Историко-филологического факультета, вып. 3, Ростов-на-Дону, 1945, стр. 6—7, 44—45. (В дальнейшем — Н. Покровский. Начало народной войны); Н. Л. Рубинштейн. Возникновение народного ополчения в России в начале XVII в.— Труды Государственного исторического музея, вып. XX, Военно-исторический сборник, Изд. музея, М., 1948, стр. 50—65. (В дальнейшем — Рубинштейн. Возникновение ополчения); И. С. Шепелев. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957 (Пятигорский педагогический институт), стр. 21, 333—371. (В дальнейшем — Шепелев. Освободительная и классовая борьба).

[2] См.: Л. Б. Генкин. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века. Ярославль, 1939,

давшись царских призывов (агитационные грамоты правительства Шуйского опоздали), взяли на себя задачу убедить соседние города и волости в необходимости оказать организованное сопротивление захватчикам, разорявшим население и оскорблявшим его гражданские и национальные чувства.

Потребность при помощи межгородской переписки не только намечать определенные мероприятия для отпора врагам — рассылать указания по сбору «ратных людей» или денег для ополчения, планировать военные действия, сообщать новые вести, — но и прежде всего воздействовать на общественное мнение, убеждать в необходимости объединенного активного сопротивления, усиливалась тем, что в свою очередь Тушинский лагерь, а позднее Сигизмунд III с боярским правительством также прибегали к агитации, желая склонить народ на свою сторону. Искажая факты, вражеская агитация то выдавала интервенцию Лжедимитрия II за возвращение на родную землю законного царя Димитрия Ивановича,[3] то представляла целью вторжения войск Сигизмунда III «умиротворение» «смуты» в Русском государстве.[4] Действенная сила вражеской агитации была велика.[5] Необходимо было разъяснять обман ее обещаний, опасность для государства враждебных замыслов Тушинского лагеря, разоблачать русских изменников, укреплять дух участников народной борьбы, выдвинув перед ними освободительные задачи и указав средства к их осуществлению. Необходимо было добиться основной цели — объединить все ратные силы соседних городов и волостей, убедить «вместе заедино на богоотступников, на государевых изменников, на воров и на литовских людей стояти единомышленно».[6] Деловая письменность той поры (речь идет главным образом о городских и царских

стр. 134 и др. (В дальнейшем — Генкин. Ярославский край); Рубинштейн. Возникновение ополчения, стр. 50—65; Шепелев. Освободительная и классовая борьба, стр. 371. До нас дошло значительное количество материалов, довольно полно представляющих переписку северных районов страны периода народно-освободительной войны конца 1608—начала 1610 г. Материалы эти (значительная часть их из архива Соликамского уезда, а также коллекции актов, приобретенных в Швеции С. В. Соловьевым) изданы в кн.: ААЭ, т. 2, СПб., 1836; АИ, т. 2, СПб., 1841; СГГиД, ч. 2, М., 1819; ДАИ, т. 1, СПб., 1841 и др.

[3] См. похвальную грамоту Лжедимитрия II суздальцам от 28 октября 1608 г.: АИ, т. 2, № 100, стр. 132—133.

[4] С начала открытой интервенции и осады Смоленска в «листах», распространяемых лагерем Сигизмунда III, появился даже призыв к борьбе против «вора» — Лжедимитрия II.

[5] См., например, челобитную ярославцев Лжедимитрию II за октябрь или ноябрь 1608 г.: там же, № 101, стр. 133—134.

[6] ААЭ, т. 2, № 105, стр. 207 и др.

«грамотах», «грамотках», «отписках», как называли их сами участники событий) сразу приобрела характер воззваний, обращенных к общественному мнению.

Пределы настоящей работы не позволяют дать подробный анализ условий возникновения и детально раскрыть содержание агитационной письменности первого этапа народно-освободительной войны (конца 1608—середины февраля 1609 г.). Сошлемся на вышеназванные работы Н. И. Покровского, Н. Л. Рубинштейна, И. С. Шепелева, Н. П. Долинина [7] и других и далее ограничимся самой сжатой характеристикой средств убеждения и приемов изложения, какие использованы в памятниках агитационной письменности той поры.

В противовес агитации Тушинского лагеря, звавшей присягать «царю Димитрию», межгородская переписка, разоблачая его самозванство, убеждает не целовать ему крест, а «ожить и умереть вместе» за «Московское государьство», за «православную веру», за «вотчину» царя Василия Ивановича, сохранять верность присяге Шуйскому (или тому, «кто будет на Московском государстве государь»).[8] Религиозный мотив — призыв к борьбе за православную веру — становится в межгородской переписке формой выражения национального сознания.

Без особых качественных изменений эти призывы продолжали бытоватьв городской переписке до снятия осады с Москвы (12 января 1610 г.), а призыв не присягать Лжедимитрию II — вплоть до убийства его в декабре 1610 г.

Характерными образцами агитационной письменности начала народного патриотического сопротивления интервентам можно считать две ноябрьских грамоты — «отписки» устюжан в Соль Вычегодскую 1608 г.[9]

«Отписки» первых месяцев народной войны стремились воздействовать не столько прямыми призывами к борьбе, сколько описаниями картин вражеских насилий над народом,[10] над-

---

[7] См.: Н. П. Долинин. Развитие национально-политической мысли в условиях крестьянской войны и иностранной интервенции в начале XVII века. — Научные записки Днепропетровского государственного университета, т. XL, Сборник работ Исторического факультета, вып. I, Киев, Изд. Киевского университета, 1951, стр. 109—137. (В дальнейшем — Долинин. Развитие национально-политической мысли).

[8] АИ, т. 2, № 107, стр. 137 (от конца ноября 1608 г.).

[9] Там же, № 88, стр. 179—181 (от 27 ноября 1608 г.); № 89, стр. 181—183 (от 30 ноября 1608 г.).

[10] Описание разорения интервентами русских земель продолжало занимать важное место и в более поздней агитационной письменности и литературе времени создания первого и второго народных ополчений (включая и «Новую повесть»), вплоть до 20-х годов XVII в., когда вновь

ругательств над национальными святынями и обычаями, разоблачением действительного облика интервентов, прикрывшихся именем популярного царя Димитрия Ивановича, резко осудительными оценками поведения врагов, пересказом вестей об успехах патриотического движения, приведением практических соображений, убеждающих активно участвовать в освободительной борьбе. Изложению свойственны конкретность, воссоздающая в представлении читателя бытовые сценки, эмоциональность, образность, иногда и ритмизация речи.[11]

Агитационные по своей направленности грамоты и «отписки» этого времени еще не выходили за рамки традиционных видов деловой письменности: в них продолжали соблюдаться общепринятые в делопроизводстве формулы обращения, излагались наказы о сборе ратных сил, денег и довольствия для отрядов, намечались планы передвижения ополчений и т. п.

Однако эта межгородская переписка, как бы лаконично, просто и «документально» ни выражалась в ней оценка врагов, воспитывала ненависть к ним, пробуждала общественное сознание, звала к противодействию. И в этом ее агитационное значение.

2

Новая группа агитационных документов возникла в связи с началом открытой польско-литовской интервенции, с вторжением войск короля Сигизмунда III в Смоленщину и осадой Смоленска, начавшейся в сентябре 1609 г. и длившейся до начала 1611 г.[12] Эта группа памятников представляет особый интерес, поскольку она появилась в обстановке, по времени близкой той, в какую была создана «Новая повесть», и поскольку в этой группе памятников отразилась тема героической обороны Смоленска, поднятая и в повести.

Готовя открытую интервенцию, Сигизмунд III, как передает гетман Жолкевский, возлагал определенные надежды на силу агитации его лагеря и ожидал сдачи смоленской крепости без боя.[13] Королевские военачальники в дипломатической пере-

---

стали распространяться слухи о «новом Самозванце» (см.: Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII века (Из истории древнерусского летописания). — ИЗ, т. 14, М., 1945, стр. 107).

[11] См.: ААЭ, т. 2, № 149, стр. 264; № 123, стр. 230 и др.

[12] Теме борьбы за Смоленск в XVI—XVII вв. посвящена работа В. Мальцева: Борьба за Смоленск (XVI—XVII вв.). Под ред. А. Савича, Смоленск, 1940. (В дальнейшем — Мальцев. Борьба за Смоленск).

[13] Записки гетмана Жолкевского о Московской войне, изданные П. А. Мухановым, 2-е изд., СПб., 1871, стр. 30. (В дальнейшем — Записки Жолкевского).

писке с русскими воеводами пытались внушить мысль, будто поход польско-литовских войск в пределы Русского государства преследует мирные цели — успокоение «смуты».[14] Смольняне в своих дипломатических ответах вскрывали лживость заверений польских воевод и требовали отвода королевских войск с русской территории.[15]

Долговременной осаде Смоленска предшествовала рассылка многочисленных «листов», «прелестных грамот», предлагавших сдать город и быть «под. . . королевскою рукою». Об этом «король и паны радные писали. . многижда».[16]

Призывам вражеской агитации защитники Смоленска противопоставили свои.[17]

Собственно памятников смоленской агитации сохранилось очень мало. Они возникли в самом начале осады (все датируются 1609 г.) и являются ярким свидетельством героизма жителей Смоленска. Появление агитационных воззваний было вызвано потребностью поддержать стойкость защитников города, укрепить их решимость не сдаваться, сплотить их перед лицом врага. С этой целью в осажденном Смоленске распространялись призывы к борьбе, разъяснялись ее задачи посредством письменной и устной агитации. Защитники города были серьезно озабочены тем, чтобы сохранить единство своих рядов.[18]

---

[14] См.: АИ, т. 2, № 194-II, стр. 225 («лист» А. Гонсевского смоленскому воеводе М. Б. Шеину от 6 мая 1609 г.); № 219-I, стр. 256 («лист» А. Гонсевского от 21 мая 1609 г.); № 194-III, стр. 225 («лист» А. Гонсевского М. Б. Шеину от 5—22 мая 1609 г.). См. в кн.: РИБ, т. I, «Поход его королевского величества в Москву (Россию) 1609 года», стлб. 431—432, а также в кн.: Мальцев. Борьба за Смоленск, стр. 272.

[15] См.: «листы» М. Б. Шеина А. Гонсевскому и А. Лисовскому: АИ, т. 2, № 207, стр. 240 (от 2 мая 1609 г.); № 211 (от 8 мая 1609 г.), стр. 248—249; № 219-II (от 17 мая 1609 г.), стр. 258.

[16] ЧОИДР, кн. I (240), М., 1912, № 51, стр. 31 (1609 г.). Королевские «прелестные грамоты» были адресованы и к волостным крестьянам Смоленского уезда и в самый город. См. челобитную смольнян царю: АИ, т. 2, № 267, стр. 319 (от 9 октября 1609 г.), а также: № 265, стр. 317 (от конца сентября 1609 г.), № 354, стр. 421 (от 8 октября 1609 г.); см. содержание писем интервентов смольнянам в кн.: РИБ, т. I, стлб. 431—432 (от 6 сентября 1609 г.).

[17] Деловые акты, среди которых сохранились основные смоленские материалы времени осады, изданы: Памятники обороны Смоленска. 1609—1611 гг. Под ред. и с предисловием Ю. В. Готье. — ЧОИДР, кн. I, 1912, АИ, т. 2; ААЭ, т. 2, СГГиД, ч. 2. Направление агитации обеих сторон отражено в содержании переговоров между смоленским и королевским посольствами, состоявшихся в октябре 1609 г. уже после первого приступа королевских войск к Смоленску (см.: РИБ, т. I, стлб. 460—462).

[18] Любопытно в этом отношении свидетельство о «сходе» посадских в начале осады, на котором смольняне решили принять «крестное целование» на верность делу борьбы с войсками Сигизмунда III и не верить обе-

Для характеристики письменной агитации смольнян особенный интерес представляет их «отписка», направленная в конце сентября 1609 г. в Москву и «в полки ко князю Михаилу Васильевичу (Скопину-Шуйскому, — *Н. Д.*) к смольняном».[19] В ней единственной, в отличие от всех известных смоленских «отписок» и челобитных, обычно адресуемых на имя царя, патриарха или отдельных частных лиц, составители обращаются к патриотическим чувствам всех смольнян-земляков (а через них — к общественному мнению страны), заботясь о том, чтобы решение о защите города всем «было ведомо».

«Отписка» эта адресована к тем смольнянам, которые к началу осады Смоленска оказались за его пределами, прежде всего — к воинским людям, сражавшимся в полках воеводы Скопина-Шуйского, а через них — «к смольняном же. . . дворяном и детем боярским», которые в то время находились в Москве.[20] «Отписка» имела целью самое широкое распространение вестей об осаде Смоленска, о решениях смольнян стоять насмерть и не поддаваться льстивым обещаниям врагов; призывала земляков оказать без промедления помощь родному городу. Как увидим, следы знакомства с содержанием подобных «отписок» обнаруживаются в московской публицистической литературе и агитационной письменности начала второго десятилетия XVII в.[21]

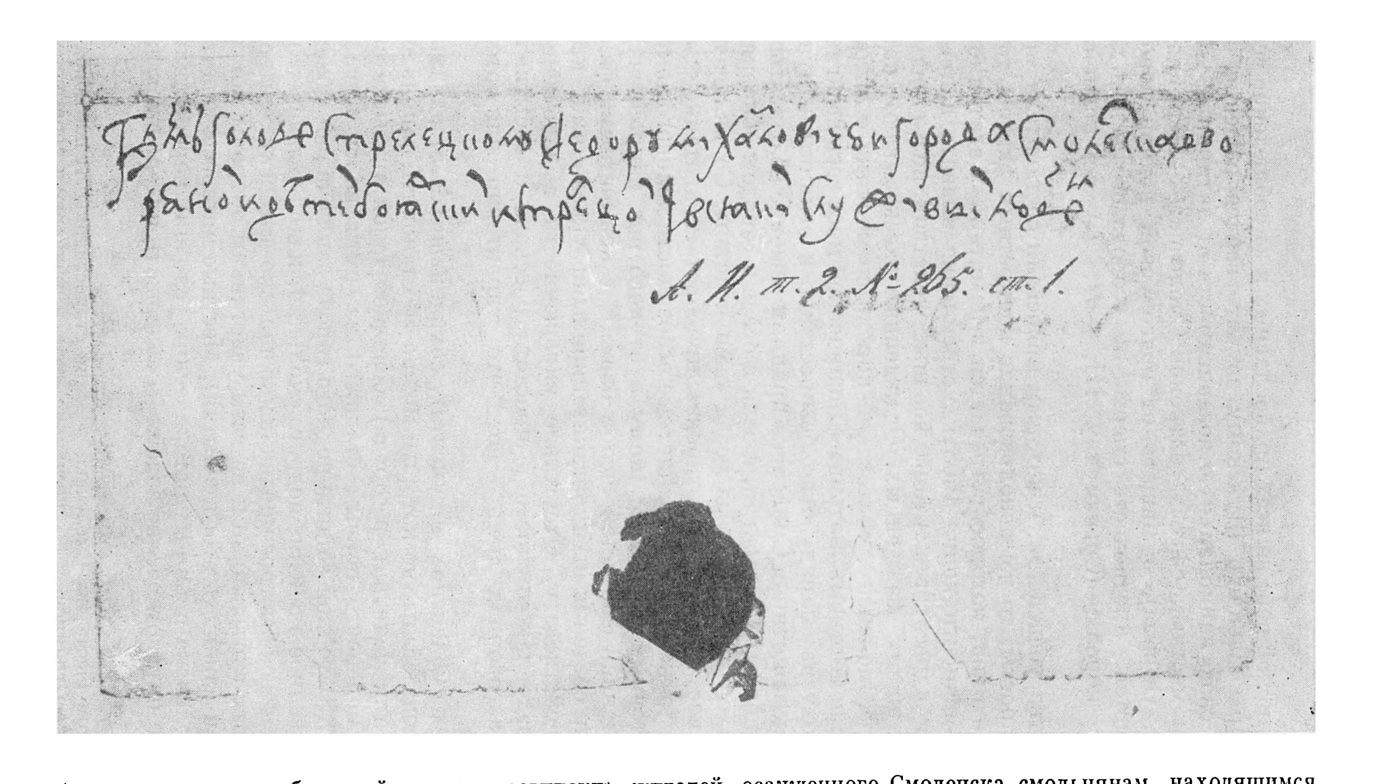
В призывах смольнян традиционно сформулированные, уже сложившиеся ранее патриотические призывы (см. агитационные грамоты-«отписки» начала народно-освободительной войны 1608—1609 гг.) сливаются с призывами, порожденными местными нуждами и условиями. Так, рядом с воззванием умереть

щаниям вражеской агитации (см. «отписку» Васьки Денисова от 8 октября 1609 г.: АИ, т. 2, № 354, стр. 421).

[19] Там же, № 265-I, стр. 317 (вторая часть — № 265-II — сохранилась в отрывке). Памятники письменности цитируются по известным изданиям (ААЭ, АИ, СГГиД и др.). Исключение составляют: казанская «отписка» (ААЭ, т. 2, № 170-I—II, или СГГиД, ч. 2, №№ 224, 225), московское (ААЭ, т. 2, № 176-I, или СГГиД, ч. 2, № 227), так называемое «смоленское» (ААЭ, т. 2, № 176-II, или СГГиД, ч. 2, № 226) воззвания, рязанская (ААЭ, т. 2, № 176-III, или СГГиД, ч. 2, № 228) и сопроводительная к трем последним грамота нижегородцев (ААЭ, т. 2, № 176), которые цитируются по рукописям, издаваемым в «Приложениях».

[20] См.: АИ, т. 2, № 265, стр. 317.

[21] Известно, например, что «отписка» смольнян землякам, служившим в войсках М. В. Скопина-Шуйского, была доставлена по адресу, и получившие ее дворяне и дети боярские пытались уехать в Смоленск (см.: Dziennik Iana Piotra Sapiehy (1608—1611). — Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII. Zbiór materyałów do Historyi stosunków polsko-rossyjskich za Zygmunta III. Wydał A. Hirschberg, Lwow, 1901, стр. 252).



Адрес-надпись на оборотной стороне «отписки» жителей осажденного Смоленска смольнянам, находящимся в Москве и в полках М. В. Скопина-Шуйского (конец сентября 1609 г.).

Рукопись из собр. ЛОИИ, коллекция С. В. Соловьева, № 371.

в христианской вере за всех православных и за соблюдение верности царю Василию Шуйскому звучит твердое решение отстаивать свою национальную независимость от латинян (с упоминанием местных святых, патронов Смоленска — Меркурья, Аврамья, Офрема), защищать от врагов свой родной город, жен и детей, предпочесть смерть, но «города не здать и литовскому королю (Сигизмунду III, — *Н. Д.*) не поклонитьца».[22]

Средства убеждения, к которым прибегали составители «отписки», просты: то же использование конкретных фактов, точных дат и имен, которое встречается в памятниках агитационной письменности конца 1608 г., стремление вызвать в представлении адресатов картины военных действий под стенами города и жизни осажденных. Осажденные рассказывают, как, подойдя к Смоленску, «литовской король со многими с литовскими и с неметцкими людьми» «Днепровской мост весь выжгли, и по городу из снаряду бьют безпрестанно и огнянными пушками», как защитники Смоленска приняли решение не сдаваться врагам, «посады все выжгли, а сели в осаде в городе», обороняя съехавшихся в крепость из уезда «жен и детей». Со включенными в нее призывами «отписка» приобретает агитационные черты и в то же время сохраняет все особенности делового документа с точным адресатом (кому и от кого она направлена), с традиционной формулой «челом бьем»,[23] с конкретными фактическими сведениями и организационными указаниями, как следует действовать. Отсутствие украшенности в изложении и призывах, лаконичность и простота рассказа о событиях, живая разговорная речь — вот, что характерно для этой «отписки».

Во всех смоленских документах, сохранившихся от начального периода осады (по которым можно восстановить направление агитации защитников города), основной темой оказывается защита Смоленска, первым ставшего на пути войск Сигизмунда III. В стойкой защите родного города заключалось общегосударственное значение подвига смольнян, надолго задержавших начавшееся быстрое продвижение польско-литовских интервентов (хотя субъективно и не всем участникам обороны могла быть ясной важность этого события). Местные интересы защитников Смоленска в данных исторических условиях перерастали в широкие патриотические задачи — задержать интервентов на

[22] АИ, т. 2, № 265-I, стр. 317.

[23] «Челом бьют» «из Смоленска земские старостишки, Лучка Горбачов да Юшка Огопянов, и все посадцкие люди, и пушкари, и воротники, и стрельцы, и затинщики, от мала и до велика» (там же).

их пути к Москве, ослабить их силы, отстоять независимость родины в начавшейся войне с иноземцами.

Личные письма, которые смольняне посылали за пределы города,[24] поскольку в них сообщалось, и иногда весьма конкретно, о «тяготах» осады, о насилиях интервентов, о твердом решении защищать Смоленск до конца, сыграли свою роль в деле широкого распространения сведений о героической обороне смоленской крепости. Не будучи агитационными по своему прямому назначению, эти письма все же способствовали пробуждению общественного сочувствия к осажденным, делали популярными его мужественных защитников, побуждали помочь им. Образ города-героя сложился в общественном мнении второго десятилетия XVII в. под впечатлением вестей, приходивших к москвичам не только официальным путем, но и через «мирские отписки» смольнян и частные письма осажденных к родным и близким за пределы Смоленщины.[25]

Еще одним источником, откуда москвичи могли получать сведения как о ходе событий на Смоленщине, так и о настроениях населения, подвергавшегося насилиям интервентов, были крестьянские челобитные царю.[26] Они также не были в прямом значении агитационными, однако их содержание обычно становилось известным не только прямому адресату, но прежде всего тем, кто докладывал их царю, а через этих лиц вести могли распространиться и за пределы приказной среды. Так и подобного рода документы первых месяцев осады способствовали привлечению внимания к героическому сопротивлению смольнян интервентам.

Однако в последующие месяцы сообщение между осажденным Смоленском и Москвой было сильно затруднено. Сведения о стойкости смольнян доходили в столицу окольными путями. Некоторые грамоты, разоблачавшие захватнические на-

---

[24] Личные письма датируются 1609 г. См.: ДАИ, т. I, СПб., 1846, № 231 (I—VI), а также: В. Г. Гейман. Письмо подьячего В. И. Торокана из осажденного Смоленска в Москву в 1609 г. — ТОДРЛ, т. XIV, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 275—277.

[25] Кроме личных писем, здесь следует указать на две «отписки» смоленского архиепископа Сергия патриарху Гермогену и царю (ЧОИДР, кн. I, 1912, №№ 50 и 51; АИ, т. 2, № 264), челобитную смольнян (там же, № 267) и «отписку» смоленских воевод царю Василию Шуйскому (там же, № 266).

[26] Крестьянские челобитные изданы в кн.: ЧОИДР, кн. I, 1912, №№ 6—9, 33, 34; АИ, т. 2, № 184. В качестве основных доводов этих челобитных, взывавших к царю о защите и помощи от врагов, были, как и в агитационной письменности 1608—1609 гг., прежде всего ссылки на факты, описания грабежей и насилий интервентов.

мерения Сигизмунда III, послам удавалось тайно пересылать из-под Смоленска.[27]

Памятники смоленской агитационной письменности сохранились только за 1609 г. (первые месяцы осады), но из «поручных записей», из следственных дел об изменниках, из ответа смольнян и брянчан гетману Жолкевскому (от 14 июля 1610 г.) и ответных статей смольнян на кондиции Сигизмунда III (15 марта 1611 г.) видно, что смольняне и в 1610—1611 гг. ставили своей задачей поддерживать в среде осажденных принятое решение не сдавать город и не целовать крест Владиславу, продолжали требовать освобождения Смоленщины от «литовских людей» [28] и выступили даже против московского предательского правительства, когда оно по указке врагов потребовало сдачи Смоленска.

Для дошедших до нас памятников смоленской документальной письменности времени осады (в том числе и для содержащих агитационные призывы) свойственны краткость и сугубо деловитая форма изложения, лишенного каких бы то ни было элементов «литературности». Эти черты в памятниках агитационной письменности были обусловлены теми практическими навыками, которые годами вырабатывались в делопроизводстве административных учреждений. В деловой письменности той поры в рамках обязательной документальной схемы средствами народного языка передавались живые сцены повседневного быта осажденных, характеризовались их взаимоотношения; из показаний подсудимых вырисовывались их конкретные образы, становилась ощутимой их своеобразная речь. Составители такого рода смоленских документов, донесений, «отписок» и челобитных, а также агитационных воззваний не ставили перед собой задачи украсить рассказ о событиях, литературно обработать стиль, придать изложению разработанную литературную форму. Цель документов состояла прежде всего в точном описании, в строгом соответствии с фактами, по возможности подробно, конкретно, тех жизненных ситуаций, которые и вызвали потребность в самом документе. Этой целью объясняется и то, что в указанных документах иногда стираются привычные

---

[27] См. грамоту послов Гермогену и боярам от ноября 1610 г.: СГГиД, ч. 2, М., 1819, № 215, а также: Платонов. Очерки, стр. 480 и 632, сноска 200.

[28] Записки Жолкевского. Приложение № 29, стр. 83; АИ, т. 2, №№ 324 и 325; СГГиД, ч. 2, № 240, стр. 515. Ср. также ответную грамоту смольнян от 6 апреля 1611 г., обращенную в королевский стан, ее содержание, деловитый характер изложения и конкретный адресат (СГГиД, ч. 2, № 250, стр. 531—534.)

формулы делового языка, их место заступает живая народная речь.

Все эти стилистические свойства смоленской письменности времени осады дали основание С. Ф. Платонову, назвавшему текст «скорбных» грамот и «отписок», «вышедших из смоленской осады», «трогательно простым и деловитым»,[29] отвергнуть подлинность так называемой «смоленской» «грамотки» — воззвания, обращенного от имени смольнян к москвичам и ко всему русскому народу. Ниже мы покажем, что и по содержанию, по темам, в ней поднятым, эта «грамотка»-воззвание стоит ближе к московской агитационной письменности, чем к смоленской.

Вести, доходившие из Смоленска разными путями, в том числе и через документальную письменность и частные письма, нашли свое отражение в конце 1610—начале 1611 г. в агитационной письменности городов и организаторов народного ополчения, призванного освободить Москву от оккупантов. Жители Смоленска, оборонявшие его в тяжких условиях осады, постоянно ставились в пример верности долгу, присяге, стойкости и терпения в воинском труде. Патриоты, организовавшие ополчение на помощь Москве, настойчиво напоминали о героическом подвиге смольнян, призывали следовать их примеру в борьбе против интервенции и предательской политики боярского правительства. Наконец, тема Смоленска была художественно разработана в публицистической литературе, и этот город стал примером смелого и мужественного сопротивления захватчикам.

Видное место в ряду этих литературных памятников занимает «Новая повесть».

3.

Начиная захватническую войну против Русского государства, Сигизмунд III развернул агитацию, обращенную не только к Смоленску, но также и к Москве, через посредство ее предательских верхов и Боярской думы, которая пришла к управлению страной после свержения 17—19 июля 1610 г. царя Василия Шуйского.[30]

---

[29] Платонов. О двух грамотах, стр. 194—195.

[30] См.: АИ, т. 2, № 288, стр. 350 (от начала августа 1610 г.). Как указывает Л. В. Черепнин, перечень королевских «листов за печатью Сигизмунда III» с подписью Л. Сапеги, обращенных к боярскому правительству в 1610—1611 гг., сохранился в архиве Посольского приказа — ЦГАДА, опись 1926 г., л. 153 об. (Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII века. — ИЗ, т. 14. Изд. АН СССР., М., 1945, стр. 95).

Королевская агитация опиралась на предательский февральский договор 1610 г. (о приглашении королевича Владислава на царский престол), который был заключен с Сигизмундом III по инициативе переметнувшейся на его сторону группы тушинцев — бояр и дворян во главе с М. Г. Салтыковым, М. Молчановым, дьяком И. Грамотиным и др.[31] 25 июня 1610 г., после полного поражения царских войск, на верность Владиславу и Сигизмунду III присягнули Можайск, Дмитров и Волоколамск. К этому же времени имя «хорошего» царя Димитрия Ивановича, некогда, в связи с распадом Тушинского лагеря, бежавшего в Калугу, но к 11 июля 1610 г. остановившегося с новыми отрядами под Москвой, в Коломенском, вновь начало привлекать к себе антифеодальные силы.[32]

Основной целью агитации королевского лагеря в летние месяцы 1610 г. была пропаганда кандидатуры королевича Владислава на царский престол в противовес кандидатуре Лжедимитрия II. Средствами пропаганды служили запугивание господствующих верхов растущим антифеодальным движением и изображение своего вторжения как мирной миссии по восстановлению в России порядка и «тишины». Одобрялось намерение бояр выбрать на русский престол королевича, и за это сулились в будущем награды.[33]

После заключения с Москвой договора 17 августа 1610 г. королевские «листы», которые и ранее рассчитывались прежде всего на узкий круг представителей феодальных верхов, приобрели характер деловых указаний послушному боярскому правительству, в каком направлении следует вести агитацию, как оправдаться в том, что Владислав до сих пор не приехал в Москву и что поведение «союзников» в стране разбойное, как объяснить продолжение осады Смоленска и другие нарушения условий договорных записей.[34] Таким образом, организаторы первого ополчения (а до них участники патриотического сопротивления конца 1610—первых месяцев 1611 г.), опровергая лживые заверения семибоярского правительства, тем самым

---

[31] Очерки истории СССР, стр. 542—544.

[32] Начиная с октября 1610 г. по улицам Москвы от имени Лжедимитрия II стали распространяться «многие листы» против Владислава (АЗР, т. IV, СПб., 1851, стр. 481).

[33] См., например: АИ, т. 2, № 288, стр. 350.

[34] См.: СГГиД, ч. 2, № 214, стр. 466—467 (от 21 ноября 1610 г.). Еще в декабре 1610 г. Сигизмунд III сделал попытку возродить почти погасшую веру в приезд королевича Владислава (см.: там же, № 216, стр. 478—479 — от 23 декабря 1610 г.).

разоблачали политический обман королевских «листов», раскрывая агрессивную сущность якобы «мирного» похода Сигизмунда III на Русское государство.

* * *

Призывы боярской агитации не сразу слились с вражескими. Первое время, с момента свержения царя Василия Шуйского и до заключения договора 17 августа 1610 г., целью нового боярского правительства было утверждение своей власти в стране. Поэтому основное содержание боярских окружных грамот и крестоцеловальных записей на верность Боярской думе, разосланных в это время по стране, сводилось к оправданию низложения Шуйского и обоснованию предложения в противовес агитации Самозванца за «царя Димитрия» провести выборы нового царя «всей землей». Что касается интервенции Сигизмунда, осадившего Смоленск, и Жолкевского, продвигавшегося к Москве, то новое боярское правительство уже в ту пору уклонилось от определенной оценки их действий и прямых призывов к борьбе с ними избегало.[35]

С момента заключения договора 17 августа агитация боярского правительства начала во многом отражать указания королевских «листов» и почти целиком строилась на содержании договорных записей, представляя собою как бы популяризацию их. В это время появился целый ряд окружных агитационных грамот, сопровождаемых крестоцеловальными записями на имя королевича Владислава, которые боярское правительство рассылало по всей стране.[36] В них единственными врагами Русского государства бояре изображали «вора» — Лжедимитрия II и Марину Мнишек (уже вполне определенно противопоставляя этот лагерь интервентов — королевскому). Победа над ними должна была, как утверждалось в боярских грамотах, прекратить в Московском государстве «смуту» и кровопролитие и утвердить в нем «тишину».

---

[35] К примеру: ААЭ, т. 2, № 162, стр. 277—278 (от 20 июля 1610 г.); АИ, т. 2, № 287 стр. 349 (от 24 июля 1610 г.); СГГиД, ч. 2, № 197, стр. 388—389 (от 24 июля 1610 г.); ЧОИДР, кн. IV, 1915, стр. 4 (после 17 декабря 1610 г., из Томска в Москву); там же, стр. 3 (от 10 декабря 1610 г., «отписка» из Сургута в Кетский острог).

[36] См.: ААЭ, т. 2, № 164, стр. 279—280 (от 19 августа 1610 г.); № 165, стр. 280—284 (от 30 августа 1610 г.); АИ, т. 2, № 289, стр. 351 (от нач. сентября 1610 г.); СГГиД, ч. 2, № 204, стр. 440—444 (от 4 сентября 1610 г.); см. также: ЧОИДР, кн. IV, 1915, стр. 4—5 (перечень адресов, куда рассылались окружные грамоты бояр).

С помощью широкой популяризации обещаний августовских договорных записей боярское правительство подводило население к выводу, что интервенты и, конечно, прежде всего королевич Владислав, а также Сигизмунд III, гетман Жолкевский и даже Я. Сапега — отныне не враги,[37] а «доброхоты» Русского государства.

Стремясь привлечь общественное мнение на свою сторону, боярское правительство вслед за договорными записями, изображало в своих грамотах дело так, будто бы избрание Владислава «государем царем и великим князем всеа Русии» произошло с согласия «всей земли», «всем Московским государьством» и прежде всего — с согласия патриарха Гермогена.[38]

Обеляя интервентов, бояре усиленно заботились о том, чтобы широко оповестить население о сохранении неприкосновенности «православной веры греческого закона» в Русском государстве,[39] так как считали этот мотив одним из важных доводов, с помощью которого они надеялись привлечь симпатии народа к кандидатуре королевича, к королю Сигизмунду, гетману Жолкевскому, Яну Сапеге, к тем, которые еще совсем недавно, при Василии Шуйском, самим правительством расценивались как враги-захватчики.

Значительное место в окружных грамотах отводилось и обстоятельным разъяснениям, что жизнь в Русском государстве должна «быти всему по-прежнему»; конечно, боярство (согласно августовскому договору) защищало при этом прежде всего привилегии господствующих верхов, «московских княженецких и боярских родов», а также «больших людей» посада.[40]

В конце 1610 г., после утверждения в оккупированной Москве диктатуры Гонсевского, Боярская дума выдвинула требование присягать не только Владиславу, но и «великому государю Жигимонту королю», как отцу, радеющему о своей «отрасли». (Оправдывая новый текст присяги, предательское боярское правительство почти буквально пересказывало «государский лист» — предписание Сигизмунда III).[41]

---

[37] См.: ААЭ, т. 2, № 165, стр. 283; № 164; стр. 279.

[38] Там же, № 164, стр. 279—280; № 165, стр. 281—282; СГГиД, ч. 2, № 204, стр. 441.

[39] ААЭ, т. 2, № 165, стр. 282 и др.

[40] Там же, стр. 282—284.

[41] См.: там же, № 321, стр. 377—379 и № 322, стр. 380—383 (грамоты в Смоленск и посольству). Тексты присяги см.: АЗР, т. IV, № 181. Следует оговориться, что хотя данный документ (№ 321) относится к более позднему времени (он датируется февралем 1611 г.), его содержание тем более показательно для характеристики агитации правительства конца 1610—

Следуя указаниям короля, боярская агитация выступила, наконец, с осуждением народно-освободительного движения против интервентов. Так родился антипатриотический призыв Боярской думы: «И нам бы вперед воровской смуте, которые люди ему, государю (Сигизмунду или Владиславу не поясняется, но в конце 1610—начале 1611 гг. это означало выступление и против притязаний Сигизмунда III, — *Н. Д.*), не прямят и мыслят на болшую смуту то государство привести и опять воровати, не верити».[42]

Таким образом, пропагандируя августовский договор и отводя внимание населения от опасности интервенции Сигизмунда III (войска которого продолжали осаду Смоленска, а часть их была введена в Москву), агитация Боярской думы оказывала дезорганизующее влияние на участников освободительной борьбы. Ярким показателем этого, помимо прочих фактов, явился временный отход от патриотического движения таких его центров, как Нижний Новгород и Ярославль.

Однако появление в крестоцеловальных записях рядом с Владиславом имени Сигизмунда заставило насторожиться многих, не исключая представителей господствующих сословий. Все очевиднее становился обман, таившийся за кандидатурой королевича. Призывы боярского правительства вызывали все более открытый отпор в широких массах населения.

4

Заключение августовского договора, вслед за этим тайное введение оккупационных войск в столицу и окончательное утверждение в октябре 1610 г. военной диктатуры правительства Гонсевского, когда страной фактически стали управлять интервенты совместно с русскими изменниками, требовавшими покорности Сигизмунду III, вызвали к ноябрю—декабрю 1610 г. новый сильный подъем патриотического движения.[43] Уже в феврале 1611 г. к Москве из городов и уездов начали стекаться вооруженные отряды, и ко второй половине марта под стенами

начала 1611 г., поскольку в феврале 1611 г. «смута» — патриотическое движение — приобрело еще более значительный размах, чем ранее.

[42] АИ, т. 2, № 321, стр. 377.

[43] История Москвы, т. I, стр. 331—332, 334. Данный период (канун формирования под Москвой первого ополчения) не получил достаточного освещения в советской исторической науке (см., кроме того: Очерки истории СССР; работы И. С. Шепелева и др.). Мы коснемся разбора агитационной письменности, современной созданию «Новой повести» (конца 1610—первых месяцев 1611 г.), лишь в связи с интересующей нас темой.

оккупированной столицы создалось первое народное ополчение. Такому быстрому развитию патриотического движения в сильной степени способствовали насилия интервентов на занятых ими землях.[44]

К концу 1610 г. выступления против оккупантов и сотрудничавшего с ними боярского правительства приобрели массовый, хотя еще и разрозненный характер. Они возникали стихийно одновременно в различных районах страны,[45] так как боярское правительство не только не стремилось организовать патриотическое движение, но, напротив того, как мы видели, стало на путь дезорганизации сопротивления. Правительство Гонсевского рано поняло, какую угрозу представляли собой в Рязанском крае отряды, поднявшиеся во второй половине 1610 г. на освободительную борьбу под предводительством рязанского воеводы П. П. Ляпунова и зарайского воеводы Д. М. Пожарского; [46] после 11 декабря 1610 г. (убийства Лжедимитрия II) к этим силам присоединились бывшие тушинские отряды (из городов Тула, Калуга и др.), а затем начали примыкать и отряды других городов.[47] Сформировалось сложное по своему составу первое ополчение. Наконец, и в самой столице в середине декабря 1610 г. москвичи, собравшись в Успенском соборе, отказались от присяги Сигизмунду III.[48]

---

[44] Дневник Маскевича (1594—1621). Перевод с польской рукописи. — В кн.: Н. Г. Устрялов. Сказания современников о Димитрии Самозванце, т. II. Изд. 3-е испр., СПб., 1859, стр. 46 и др.; ААЭ, т. 2, № 179-I, стр. 305 (ярославская грамота за февраль 1611 г.); АИ, т. 2 № 306-I, стр. 361 (письмо от октября—ноября 1610 г. М. Салтыкова Л. Сапеге).

[45] И. С. Шепелев. Организация первого земского ополчения в 1611 году. — Ученые записки Пятигорского пед. института, т. VI, Кафедра общественных наук, Краевое изд., Ставрополь, 1951, стр. 228—229, 231. (В дальнейшем — Шепелев. Организация первого ополчения).

[46] См.: там же, стр. 253.

[47] Калугу пытался склонить на свою сторону Я. П. Сапега, но потерпев неудачу, 25 декабря отвел от нее свои отряды. См. датировку этого события у И. С. Шепелева (там же, стр. 209—210). См. также: ПСРЛ, т. XIV, 1-я половина, СПб., 1910, стр. 105 (гл. 250). Если верить свидетельству Мартина Бера, города эти якобы даже прислали жителям Москвы повинное письмо (Летопись Московская, с 1584 года по 1612. Перевод с немецкого. — В кн.: Н. Г. Устрялов. Сказания современников о Димитрии Самозванце, т. I, стр. 131). См. также: ААЭ, т. 2, № 176-III, стр. 301; Платонов. Очерки, стр. 495—496, 635.

[48] ААЭ, т. 2, № 170-I, стр. 292; № 176-II, стр. 300. В первой половине декабря 1610 г. против присяги Сигизмунду III выступил с речью на боярском совете А. В. Голицын, а патриарх Гермоген отказался подписать грамоты боярского правительства, адресованные посольству под Смоленск и требовавшие присяги королю (см.: Шепелев. Организация первого ополчения, стр. 210—211).

После убийства Самозванца, когда несколько уменьшился страх перед антифеодальным движением, к патриотическому лагерю начали решительнее примыкать представители социальных верхов: часть боярства, духовенства и т. д.; социальный состав участников движения как в столице, так и в формировавшемся ополчении оказался очень пестрым.[49]

То, что вражеской и боярской агитации временно удалось обмануть широкие массы населения во многих городах и волостях страны, что под ее влияние подпали даже будущие важнейшие центры народно-освободительного движения (Нижний Новгород и Ярославль), что столица Русского государства оказалась в руках врагов, а русские земли разорялись интервентами, — все эти обстоятельства порождали необходимость разоблачения обмана договорных записей. Надо было разъяснить истинный политический смысл выдвижения кандидатуры Владислава, вскрыть подлинные захватнические планы короля Сигизмунда III, продолжавшего осаду Смоленска, заклеймить его русских приспешников, указать конкретные патриотические задачи, которые действительно способствовали бы защите национальной независимости отечества. Назрела необходимость организации масс для объединенного сопротивления. Организовать же население на борьбу можно было путем оповещения о положении дел в стране, путем убеждения. Иными словами, обстановка, сложившаяся в ноябре—декабре 1610 г.—январе—феврале 1611 г., накануне сбора под Москвой первого ополчения, способствовала развитию агитации, которая бы, в противовес королевской и боярской, отвечала национальным запросам и смогла бы сплотить разрозненные патриотические силы для отпора интервентам, для разрешения тех задач, с которыми не справились ни правительство Василия Шуйского, ни «семибоярщина» и от осуществления которых пытались всяческими средствами отвести население русские предатели и правительство А. Гонсевского.

Для того, чтобы поднять на борьбу те районы, которые еще не участвовали в ней, объединить силы борющихся городов и волостей, руководить ими, нужно было восстановить между ними связь. В этих целях патриотический лагерь использовал приказную систему административного управления, восстановив ее заново для обслуживания освободительного движения и бойкотируя указания предательского правительства из оккупированной Москвы.

---

[49] Там же, стр. 231, 238—243; История Москвы, т. I, стр. 332, 334.

Существовавшая еще в конце 1610 г. разобщенность между восстававшими против интервентов городами в январе 1611 г. начала исчезать. Стали устанавливаться «добрые советы», твердая договоренность городов о совместных действиях, налаживаться письменное и устное межгородское общение. Восстановили связи между собой города, отказавшиеся от присяги предательскому боярскому правительству и Владиславу. Началось продвижение к Москве отдельных отрядов, влившихся впоследствии в состав первого ополчения.

В январе—феврале 1611 г., кроме местных центров связи и агитации, охватывавшей «окольные» города или свой уезд, выделились крупные центры. Так, в начале января 1611 г. ряд городов, «сослався», наладил связь с Москвой и Рязанью. В декабре 1610—первых числах января 1611 г. с патриотическими кругами оккупированной столицы попытались установить связь жители Белева, Казани, Рязани и Нижнего Новгорода.[50] Теснее всего оказалась связанной с Москвой Рязань. Возможно, что через Рязань распространялись по городам московские агитационные грамоты от имени патриарха Гермогена и из кружка московских патриотов[51] и что она стала центром не только организации первого ополчения,[52] но и патриотической агитации. В Замосковном и Северном краях деятельность П. П. Ляпунова нашла поддержку в городах, поднявшихся на борьбу еще до призывов Рязани и Москвы: Нижнем Новгороде и Ярославле, которые в свою очередь также представляли отдельные центры агитации. (В агитацию постепенно включались и города, окружающие северо-западный центр движения — Новгород, северные и сибирские города).[53]

В этих условиях, как и в первые месяцы народно-освободительной войны (в конце 1608—начале 1609 г.), содержание переписки между городами не могло ограничиваться лишь обменом конкретными сведениями. Призывая к определенным действиям, составители грамот должны были и убеждать своих адресатов в необходимости освободительной борьбы. Так в де-

---

[50] См.: АИ, т. 2, № 309; ААЭ, т. 2, № 170-I; № 175, № 176-I—III.

[51] См.: Очерки истории СССР, стр. 556.

[52] Современные историки отводят П. П. Ляпунову «значительную роль в организации народной борьбы против интервентов» (История Москвы, т. I, стр. 234). Отряды, предводительствуемые П. П. Ляпуновым, рассматриваются как центр, видимо, извне подготовлявший и направлявший выступление московских патриотов (см.: Очерки истории СССР, стр. 555—556).

[53] Шепелев. Организация первого ополчения, стр. 220—221, 224, 227.

ловые документы вплетались элементы воззвания, черты агитационной письменности. В той или иной степени эти элементы имелись в большинстве сохранившихся «отписок» и «грамот», которыми обменивались города, готовившие военную помощь Москве.

В этой переписке сложился призыв к единению, к тому, чтобы «всею землею обще» «вместе, заодин», «единодушно» подняться на освобождение Русского государства и его столицы от иноземных захватчиков. Этот призыв был неразрывно связан со всем ходом борьбы патриотических сил за восстановление национального единства страны, т. е. на данном этапе — с организацией народного ополчения. Впервые призыв к походу против врагов «всей землей» был поднят Москвой и Рязанью.[54]

Мысль о необходимости единения вооруженных отрядов патриотов оформилась в конкретные призывы идти к месту общего сбора, «к Москве тотчас». Лозунг этот продержался в течение всего времени, пока к столице продолжали стекаться новые добровольческие пополнения и поступали собранные для ополчения средства.[55] В каждой местности действовали свои предписания о предварительном сборе ратников в окрестных районах; они были недолговременными. Призыв идти на сход «к Москве» опять-таки первыми выдвинули Москва и Рязань. В январе—феврале 1611 г. этим призывом руководствовались уже все поднявшиеся на борьбу города.[56]

Таким образом, в результате налаживания связи между центрами освободительного движения были выработаны призывы, несомненно сыгравшие организующую роль в формировании подмосковного ополчения. Однако предписания относительно места и времени сборов ратных сил могли быть осуществлены лишь в том случае, если составителям этих документов

---

[54] См.: ААЭ, т. 2, № 176-I, стр. 298; № 176-II, стр. 300; № 176-III, стр. 301. Затем этот призыв был подхвачен нижегородцами, ярославцами, костромичами, устюжанами и отрядами А. Просовецкого и вошел в текст присяги формировавшегося первого ополчения (см.: там же, № 174, стр. 296; № 175, стр. 296; № 176, стр. 297; № 177, стр. 302—303; № 178-I, стр. 303; № 179-I, стр. 305—306; № 179-II, стр. 308 («стояти всем единомышленно и все заедино. . . безо всякого сумнения»).

[55] Так, грамота из Перми в Казань от 23 июня 1611 г. свидетельствует о том, что 1 мая 1611 г. пермичи продолжали убеждать казанцев, «собрав. .. казанских ратных людей итти под Москву, в сход, к боярам и ко всей земли, очищати Московское государьство от врагов, разорителей веры хрестьянские, от полских и от литовских людей» (АИ, т. 2, № 329, стр. 396). Казанцы приняли этот призыв.

[56] См : ААЭ, т. 2, №№ 175, 176, 177, 179-I и др.

тут же попутно или же предварительно удавалось убедить своих соседей принять участие в освободительной борьбе, доказать необходимость объединенных усилий.[57] Так чисто деловые грамоты и «отписки» одновременно выполняли и агитационную функцию.

Содержание самих памятников деловой письменности агитационного характера свидетельствует о том, что из них сохранились далеко не все. От конца декабря 1610—первых чисел января 1611 г. до нашего времени дошла лишь одна грамота — «отписка» казанцев и сопровождавшая ее крестоцеловальная запись на имя царя Димитрия Ивановича (они сохранились в составе вятской «отписки» в Пермь).[58] Остальная часть документов, представляющих интерес как памятники современной «Новой повести» патриотической агитационной письменности, относится уже к январю и февралю 1611 г.[59] Среди документов межгородской переписки этой поры можно выделить немногочислен-

---

[57] Обычно организационные указания сочетались в грамотах и «отписках» с призывами, во имя которых действовали их составители (см., например: ААЭ, т. 2, №№ 174, 175, 177, 178-I и др.).

[58] См.: там же, № 170-I—II (от января 1611 г.); см. также: СГГиД, ч. 2, №№ 224 и 225. Представляет, кроме того, интерес «отписка» жителей города Белева Яну Сапеге, в которой отражается их мотивировка борьбы, но она не является собственно агитационным памятником (АИ, т. 2, № 309 — от 28 декабря 1610 г.).

[59] За январь—февраль 1611 г. сохранились: ответная «отписка» из Перми в Вятку (ААЭ, т. 2, № 171 — от 18 февраля 1611 г.); «отписка» из Устюга в Пермь (там же, № 174 — от февраля 1611 г.); три «отписки» из Нижнего Новгорода в Вологду (там же, №№ 175, 176, 177 — от февраля 1611 г.). В составе нижегородской «отписки» в Вологду находятся московская грамота (там же, № 176-I; см. также: СГГиД, ч. 2, № 227), так называемая «смоленская» грамота (ААЭ, т. 2, № 176-II, а также: СГГиД, ч. 2, № 226) и грамота П. П. Ляпунова и рязанцев в Нижний Новгород (ААЭ, т. 2, № 176-III, а также: СГГиД, ч. 2, № 228). Сохранились также грамоты П. П. Ляпунова во Владимир (там же, № 238 — от февраля 1611 г.), «Универсал» П. П. Ляпунова от 11 февраля 1611 г., адресованный казакам (см.: Н. И. Костомаров. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия, т. III, Московское разорение. Изд. Кожанчиков, СПб., 1868, стр. 123—125); «отписка» из Костромы в Вологду (ААЭ, т. 2, № 178-I — от февраля 1611 г.) с вошедшей в нее «отпиской» Андрея Просовецкого в Кострому (там же, № 178-II); грамота Андрея Просовецкого к Ярославскому ополчению (СГГиД, ч. 2, № 230 — от 12 февраля 1611 г.), «отписка» из Ярославля в Вологду с приложением крестоцеловальной записи (ААЭ, т. 2, № 179-I—II — от февраля 1611 г.). Большую часть этих материалов составляют грамоты, присланные со всех концов страны в северные районы. Дошли они почти все в составе Соликамского уездного архива (см.: ААЭ, т. 2, №№ 170-I—II, 171, 175, 176-I—III, 177, 178-I—II, 179-I—II). Грамоты более поздние отдельно не рассматриваются, поскольку отражают уже иной, чем в «Новой повести», следующий этап развития агитации и формирования первого народного ополчения.

ную группу «отписок» и грамот, задачей которых являлось прежде всего убеждение своих адресатов. К ним следует отнести казанскую «отписку»,[60] московскую грамоту,[61] грамоту якобы «ис-под Смоленска»,[62] рязанскую грамоту,[63] нижегородскую грамоту[64] и грамоту из Ярославля.[65] Именно эти документы и можно рассматривать как наиболее яркие памятники патриотической агитации, возникшие накануне создания под Москвой первого ополчения (может быть, в конце декабря 1610 г.—январе—феврале 1611 г. и дошедшие в поздних списках с этих грамот) как памятники, современные «Новой повести». Однако и все остальные перечисленные документы не лишены агитационных черт. Как правило, даже в кратких деловитых «отписках», сопровождавших развернутые агитационные грамоты,[66] более или менее пространно перелагались содержавшиеся в последних призывы, а в некоторых (более пространных) — и доводы, их обосновывающие.[67] Во всех указанных документах передается всеобщий призыв к единению для похода «к Москве» против «литовских людей», за «Московское государство» и его национальную независимость, «за православную християнскую веру».[68]

Мотивировка необходимости патриотической борьбы в этих вятских, пермских, устюжских, костромских, нижегородских, ярославских памятниках очень близка к доводам, приемам убеждения, к поднимаемым темам, которые характерны для разбираемых ниже документов московской и рязанской агитации. В особенности это ощутимо в пространных агитационных

---

[60] Там же, № 170-I—II.

[61] Там же, № 176-I, а также: СГГиД, ч. 2, № 227.

[62] ААЭ, т. 2, № 176-II, а также: СГГиД, ч. 2, № 226.

[63] ААЭ, т. 2, А 176-III, а также: СГГиД, ч. 2, № 228 (рязанская грамота во Владимир, приведенная в СГГиД, ч. 2, № 238, — более поздняя и в основном содержит организационные указания).

[64] ААЭ, т. 2, № 176.

[65] Там же, № 179-I—II. Данная грамота, хотя и представляет интерес, но как отражающая более поздний этап развития патриотического движения и агитации, будет рассмотрена лишь в связи с однородными ей памятниками.

[66] Такова, например, «отписка» из Вятки в Пермь, сопровождавшая грамоту казанцев (там же, № 170).

[67] См. «отписки» из Перми в Вятку и из Устюга в Пермь (там же, №№ 171, 174), из Нижнего Новгорода в Вологду (там же, №№ 175, 177), из Костромы в Вологду (там же, № 178-I) и др.

[68] Там же, № 175, стр. 296. Исключение составляют те памятники, в которых отразился ранний этап патриотической агитации, запечатленный в казанской грамоте (там же, №№ 170, 171). О них будет сказано ниже.

грамотах нижегородцев[69] и ярославцев,[70] составленных уже после ознакомления с грамотами москвичей и рязанцев.

Агитационный характер этих документов (даже в тех случаях, когда они еще не обрели форму подлинных воззваний или развернутых агитационных грамот, убеждающих примкнуть к борющимся) виден также из того, что они составлялись от имени широких слоев населения, всех сословных групп, вошедших позднее в состав первого ополчения, и предназначались для столь же широкого распространения (чтобы содержание грамот «всем было ведомо»).[71] Типическое обращение встречаем в грамотах нижегородцев и костромичей, адресованных к жителям Вологды и Вологодского уезда. Костромичи обращались к «господам вологодским архимаритом и игуменом, и протопопом, и попом, и дьяконом, и воеводам, и князем, и дворяном, и детем боярским, и головам стрелецким, стрелцом, и гостем, и торговым людем, и атаманом, и казаком, и всяким служивым и жилецким и посадским людем Вологодского уезда волостным старостам и целовалником и крестьяном».[72] Так же подробно перечислены отправители грамот.

После образования под Москвой первого народного ополчения грамоты стали посылаться от имени П. П. Ляпунова и правительства «всей земли»: «Росийского Московского великого государьства бояре и воеводы, и думной дворянин Прокофей Петрович Ляпунов, и дети боярские всех городов, и всякие служилые люди, всею землею челом бьют».[73] Обращены же они были по-прежнему ко всем социальным слоям населения страны.[74]

Таким образом, для переписки патриотического лагеря конца 1610—начала 1611 г., осуществлявшейся в форме деловых документов, характерны групповые адреса-обращения. Эта черта, а также наличие призывов, доводов, стремления

[69] Там же, № 176 — сопроводительная грамота нижегородцев к московской грамоте, грамоте «ис-под Смоленска» и рязанской; всех их тем она не повторяет, но развивает некоторые из них (стр. 297—298).

[70] Там же, № 179-I—II (здесь изложению условий августовского договора противопоставлено описание нарушения их — стр. 305).

[71] Пересылаемые грамоты предназначались для оглашения их «всему миру» (см.: там же, № 188-II, стр. 321).

[72] Там же, № 178, стр. 303; ср. подобный «адрес», но более сжатый, в грамоте ярославцев (там же, № 179, стр. 304; ср. также № 182-I, стр. 310 и др.). В грамотах П. П. Ляпунова подчеркивалось участие в патриотическом движении рязанских «чорных людей» (там же, № 176-III, стр. 301—302).

[73] Там же, № 185, стр. 315 (от 11 апреля 1611 г.).

[74] «К Соли Вычегодской земским лутчим людем, старостам и целовалником, и всем посадским и волостным лутчим и середним и молодчим людем» (там же).

убедить отличают данные памятники от обычных деловых документов административно-приказного управления страной типа челобитных и придают им черты агитационной письменности, рассчитанной на распространение среди широких слоев населения.

Большинство этих «отписок» и «грамот», подобно грамотам начала народно-освободительной войны, представляет собой в основе деловые документы. В них содержатся распоряжения о сборе денег, пороха и ратных людей для формирующегося ополчения, требования отказываться от подчинения предательскому боярскому правительству и его «московским» грамотам, даются организационные указания об установлении межгородских связей, сообщаются планы военных действий.[75] Деловому содержанию соответствует и форма документа, изложенного в большинстве случаев языком приказного делопроизводства.

Однако даже в таких «документальных» «отписках» и грамотах городов необходимость убедить адресата, как уже отмечалось, заставляет составителей прибегать и к иной форме изложения, искать для выражения патриотического призыва такие слова, которые не просто передавали бы факты, но воздействовали бы и на чувство,[76] а самим подбором фактов, разоблачающих обман договорных августовских обещаний, стремиться доказать неотложность похода к Москве, активного сопротивления интервентам и предательской политике боярского правительства.[77] Подобные документы превращались в агитационные воззвания даже в тех случаях, когда бо́льшая часть их содержания была посвящена изложению конкретных мероприятий; переписка городов становилась орудием борьбы с вражеской агитацией и дезорганизующей население агитацией боярского правительства, перелагающей, как мы видели, указания королевских «листов». И по мере того, как лживость обещаний, содержавшихся в королевских «листах», договорах с Москвой о кандидатуре Владислава и боярских грамотах, повторявших и разъяснявших эти обещания, обнаруживалась все отчетливее, становилась настоятельнее и необходимость раскрыть этот обман перед широкими массами, сплотить и организовать сопротивление патриотов, вооружив их боевой программой действий.[78]

---

[75] См. планы в грамотах П. П. Ляпунова и А. Просовецкого (там же, № 176-III, стр. 302; № 178-II, стр. 304).

[76] См.: там же, № 176, стр. 297—298.

[77] См.: там же, № 170-I, стр. 292—293; № 179-I, стр. 305.

[78] Изложение положительной программы борьбы с врагами см., например: там же, № 179-II.

* * *

Наиболее значительными агитационными памятниками, современными созданию «Новой повести» и сложенными в декабре 1610—январе или первых числах февраля 1611 г., являются памятники московской и рязанской агитации, грамоты казанцев, рязанцев, москвичей и грамота, якобы присланная «испод Смоленска», но, как уже не раз указывали исследователи, представляющая собою, по-видимому, московскую подделку под смоленскую грамоту. В отличие от «отписок» и «грамот» городов предшествующего периода и большинства документов межгородской переписки за январь—февраль 1611 г. в московской и мнимой «смоленской» грамотах обнаруживается стремление составителей придать изложению «литературность», воздействовать на читателей не только отбором фактов, но и эмоциональностью изложения, благодаря чему эти грамоты приобретают характер литературнообработанных воззваний. Наблюдения над содержанием призывов, тематикой и приемами убеждения, применяемыми в данных памятниках, сравнительно с остальными современными им документами агитационной письменности, позволяют отчетливее представить подлинное происхождение мнимого «смоленского» воззвания и ту почву, на которой одновременно с этими двумя московскими грамотами оформилась в собственно литературное произведение «Новая повесть о преславном Росийском царстве».

* * *

Казанская грамота, старшая из дошедших до нас датированных памятников патриотической агитационной письменности конца 1610—первых двух месяцев 1611 г., составлена была, очевидно, в первых числах (между 7 и 9) января 1611 г.[79] Несмотря на своеобразие ее призывов, она представляет для нас значительный интерес: в ней отражены декабрьские (1610 г.) настроения московских патриотов, и поднятые в ней темы чрезвычайно сближают ее с двумя названными выше московскими воззваниями и «Новой повестью».

В первой половине декабря 1610 г. казанский дьяк Афанасий Евдокимов был отправлен за вестями в Москву. Он пробыл здесь, очевидно, не позднее, чем до 14 декабря, уехав до получения сведений об убийстве Лжедимитрия II. На осно-

---

[79] Время возвращения посыльного в Казань и отправка грамоты из Казани в Вятку (см.: там же, № 170, стр. 291).

вании его рассказа казанцы составили грамоту в Вятку, сообщавшую о московских событиях и призывавшую вятчан присягнуть «царю Димитрию Ивановичу». После крестоцелования казанцев грамота была выслана в Вятку (9 января) и прибыла туда 15 января (см. надпись на обороте грамоты).[80] Грамота казанцев дошла в составе вятской «отписки» в Пермь (датируемой тоже январем 1611 г.), где она была целиком переписана. Таким образом, с целью убедить пермичей в необходимости выступления на защиту столицы вятчане повторили рассказ казанского дьяка о московских делах. Сами казанцы подтверждали достоверность этого рассказа, ссылаясь на авторитетность своего посыльного, который принес вести «митрополиту и нам», т. е. казанским воеводам, отправителям грамоты.[81]

Предположение о том, что казанский дьяк был в Москве до получения в ней известия о расправе над «вором»,[82] находит ряд подтверждений: в казанской грамоте отражены октябрьско-декабрьские события 1610 г., происшедшие до 14 декабря. Упоминаний о событиях, которые происходили после гибели Лжедимитрия II, нет. Среди перечисленных фактов один может быть точно датирован 30 ноября—1(5) декабря 1610 г. Это известный рассказ о грубом насилии предателей из боярского правительства над патриархом. Другой эпизод указывает на то, что среди москвичей еще живо было воспоминание о посаженных «за приставы» 15(25) октября 1610 г. боярах князьях А. В. Голицыне и И. М. Воротынском,[83] которые с тех пор «живут на своих дворех. А приставлены у них литовские люди».[84]

Обстоятельно, подкрепляя изложение фактами, рассказывает казанский дьяк о том, что довелось ему узнать о поведении в Москве изменников, русских сторонников Сигизмунда III, о нарушении обещаний королевского договора и «листов», о требовании присяги самому королю Сигизмунду III, о стойком сопротивлении, оказанном интервентам и правительству

---

[80] Если на спокойную дорогу от Казани до Вятки, почти в два с половиною раза меньшую, чем расстояние от Казани до Москвы, требовалось около недели, то путь от Москвы должен был занять не менее двух с половиной—трех недель, так как в Замосковном крае в это время было неспокойно (до 11 февраля 1611 г. здесь действовали карательные отряды интервентов). В Казань дьяк мог вернуться 7 января при условии, если он выехал из Москвы около середины декабря.

[81] См.: там же, № 170-I, стр. 292.

[82] См.: Платонов. О двух грамотах, стр. 195.

[83] См.: Платонов. Древнерусские сказания, стр. 90; Платонов. Очерки, стр. 472; Шепелев. Организация первого ополчения, стр. 210.

[84] ААЭ, т. 2, № 170-I, стр. 292.

патриархом Гермогеном и москвичами — представителями разных социальных слоев, об осаде Смоленска и посольстве. Там же, в Москве, очевидно, он слышал и призыв восстать за «царя Димитрия Ивановича».[85] В столице во время пребывания там казанца отношение к воззваниям от имени калужского «вора» было настолько сочувственным, что Боярская дума была вынуждена издать «приказ. . . во вси люди, штобы воровским смутным грамотам не верили, а лазучников (которые распространяли «листы» «вора», — *Н. Д.*) имали и, изымавши, к бояром приводили».[86] В письмах верных слуг короля, М. Салтыкова и Ф. Андронова, за октябрь—ноябрь 1610 г. чувствуется, как сильно беспокоили их все усиливавшиеся в то время симпатии москвичей и жителей других городов к «вору». Вырастали эти симпатии из протеста против «насилства и теснот», жестокостей Ф. Андронова и вели к отказу от присяги на верность королевичу.[87]

В связи с тем, что ни в Казани, ни в Вятке не знали еще об убийстве в Калуге Лжедимитрия II, имя его в обеих грамотах (казанцев и вятчан) было включено в призыв. Так в ряде городов стал распространяться своеобразный патриотический призыв к борьбе за освобождение Московского государства во имя «царя Димитрия Ивановича».[88]

Жители Казани присягнули на имя Самозванца через два дня после того, как дьяк принес к ним вести из Москвы. Призывая вятчан целовать крест «царю Димитрию Ивановичу», казанцы в качестве убедительного довода приводят в своей грамоте описание насилий, чинимых интервентами в Москве, разоблачают обман короля и его русских сторонников, нарушивших условия августовского договора, освещают положение дел в Москве и под Смоленском, уделяя особенное внимание событиям, в которых наиболее наглядно сказались, с одной стороны, отпор москвичей интервентам, а с другой — их сочувствие мнимому «царю Димитрию Ивановичу».

Рассказ дьяка о московских вестях занимает часть казанской грамоты. Очевидно, пересказанные дьяком факты самими москвичами считались наиболее убеждавшими в необходимости борьбы с врагами. Есть в грамоте одна подробность, которая наводит на мысль, что патриотические настроения казанцев и

---

[85] Ср. отражение этого призыва в грамоте из Белева Я. Сапеге: АИ, т. 2, № 309 (от 28 декабря 1610 г.).

[86] АЗР, т, IV, стр. 481. Как известно, Лжедимитрий II имел в Москве сторонников в разных слоях населения.

[87] ААЭ, т. 2, № 171.

[88] АИ, т. 2, № 306-I, стр. 361.

надежды на Лжедимитрия II могли возникнуть под влиянием идей, вынесенных из кружка московских патриотов, связанных с Рязанью. Эта подробность — заостренное внимание рассказчика к судьбе Голицыных. Известно, что В. В. Голицын сам признавался впоследствии в своих попытках заключить союз (преследуя свои конечные цели) с Лжедимитрием II для совместных действий против интервентов. В связи с раскрытием этих планов в Москве был посажен «за приставы» А. В. Голицын, о чем рассказывает грамота. Составители последней упоминают и о стойкости В. В. Голицына, находившегося в числе послов под Смоленском, а, рассказывая о предательстве боярского правительства, стараются реабилитировать А. В. Голицына (вместе с Ф. И. Мстиславским), который фактически был лишен власти Гонсевским и не имел возможности противостоять М. Салтыкову и Ф. Андронову.[89]

Далее грамота деловито повторяет рассказ казанца, все содержание которого оказывается прямо направленным против обманных заверений августовских договорных записей, против обещаний вражеской и боярской агитации, что придает всем приводимым в грамоте фактам разоблачительный смысл. (В этом отношении к грамоте казанцев очень близка поздняя февральская ярославская грамота, также разоблачающая обман договорных обещаний).[90]

Прежде всего казанцы спешат сообщить о том, что московское боярское правительство во главе с Ф. И. Мстиславским и И. В. Голицыным, по сути дела, не имеет власти и что во всем оно подчиняется московскому «старосте» Гонсевскому, который в действительности «владеет» Москвой вместе с сообщниками из русских — М. Г. Салтыковым и Ф. Андроновым.[91]

В противовес антипатриотическим попыткам изображать интервентов как «доброхотов» Русского государства, в рассказе дьяка они наделены теми чертами, с помощью которых агитационная письменность 1608—1611 гг. обычно изображала врагов, вторгшихся на чужую территорию. Ко времени прихода казанского дьяка в столицу москвичам уже был ясен действительный облик союзников боярского правительства, прикрывавшихся кандидатурой Владислава. Через дьяка в Казани становится известным, как, овладев столицей, враги укрепляются и в самом Кремле, «против ворот и по всем воротам»

---

[89] См.: История Москвы, т. I, стр. 330; Очерки истории СССР, стр. 547, 550.

[90] См.: ААЭ, т. 2, № 179-I, стр. 304—305.

[91] См.: там же, № 170-I, стр. 292.

расставив «наряд» и «литовских людей», которые караулят даже ночью, и «по площади и по улицам ездят на конех. . ., а руским людем по утру рано и в вечере поздо ходить не велят».[92]

Оккупировав Москву, поместившись в Кремле, в Китай-гогоде и Большом Каменном городе, «многие» «литовские люди», как хозяева, расселились по дворам бояр, дворян и торговых людей, и, не стесняясь, «тех людей с их дворов ссылали ис Китая за Деревянной город».[93]

Озлобленный на оккупантов народ естественно приписывал им всякий акт зверства, совершенный в столице. Так, расправу над восемью стрельцами, найденными мертвыми на реке Неглинной и привезенными в город, москвичи истолковали как дело рук врагов. Приехав в Казань, дьяк рассказывал об этом происшествии, хотя и с оговоркой, но с тем же намерением представить событие, как пример зверских расправ интервентов над русским населением.

Рассказал дьяк и о том, что члены Боярской думы и противники кандидатуры Владислава, князь А. В. Голицын и князь И. М. Воротынский, с утверждением власти Гонсевского оказались под надзором поляков.[94]

Вести, принесенные из Москвы, убеждали в том, что попраны условия договорных записей, по которым в государстве все должно было идти «по прежнему обычаю». Москва оккупирована врагами. В приказах и на торгу — повсюду засилие польских оккупантов: «А по приказом бояря и дьяки в приказех не сидят. И в торгу гости и торговые люди в рядех, от литовских людей, после стола не сидят».[95]

Притеснениям подвергается русское посольство, посланное под Смоленск для переговоров с Сигизмундом. Широкое распространение известий об этих притеснениях тоже рассчитывалось на то, чтобы восстановить население против интервентов. Как бы завершая полную характеристику врагов Российского государства, казанский посланец поведал землякам, что интервенты нарушили свой договор о неприкосновенности национальных обычаев, веры, о сохранении независимости, что они не щадят святынь, попирая чувство национального достоинства русских: «А литовские люди к соборной церкви в те поры приезжали ж на конех и во всей збруе».[96]

---

[92] Там же.
[93] Там же.
[94] Там же.
[95] Там же, стр. 293.
[96] Там же, стр. 292.

Враги нарушили и другое важное обещание — дать королевича Владислава на русский престол. Из Москвы пришла тревожная весть, что «королевича под Смоленским нет. А сказывают, что в Литве», и что патриарху приказано приводить население Москвы к присяге самому польскому королю Сигизмунду.[97]

На фоне этой разоблачающей характеристики действий врагов положительную оценку получает отношение к врагам «московских людей» различных сословий, отказавшихся присягать Сигизмунду, а также поведение патриарха Гермогена. Дьяк передает, как по зову патриарха «гости, и торговые, и всякие люди, пришед в соборною церковь, отказали, что им королю креста не целовати».[98]

В грамоте неоднократно подчеркивается решительность отказа москвичей целовать крест Сигизмунду: «Они литовским людем отказали ж, что им креста королю не целовати», несмотря на угрозы приехавших к месту народного сбора вооруженных польских конников; или ниже: «И о том московские люди, что их заставливают королю крест целовать, скорбят».[99]

Казанцы, поднимавшиеся на борьбу с интервентами, чутко прислушивались к патриотическим настроениям жителей оккупированной столицы. Стойким и активным борцом с интервентами изображен в грамоте Гермоген, собравший вокруг себя горожан для утверждения их в отказе присягать королю. И хотя фигура патриарха выделяется на общем фоне москвичей-патриотов, он представлен не одиноким в своих действиях: в казанской грамоте он изображен, как глава, организатор и вдохновитель массового протеста москвичей, принадлежащих к самым разнообразным сословиям, и среди них в первую очередь «гостей» и торговых людей. Такой обрисовкой патриарха казанская грамота, как увидим, резко отличается от «Новой повести», где Гермоген изображен одиноким, единственным среди москвичей борцом против интервентов.

Положительная оценка Гермогена в казанской грамоте особенно подчеркивается тем, что он противопоставлен изменникам родины, таким как М. Салтыков и Ф. Андронов, которым находит мужество противостоять. Несмотря на грубые требования предателей, «патреярх им отказал, что он их и всех православных крестьян королю креста целовати не благословляет».[100] В свою очередь поступки М. Салтыкова и Ф. Андронова

[97] Там же, стр. 292—293.
[98] Там же, стр. 292.
[99] Там же.
[100] Там же.

по отношению к Гермогену еще более очерняют их, как подлых изменников, глумящихся над патриотом. Со слов казанского посыльного записан рассказ о случае, который стал скоро широко известен не только среди москвичей и который помог с достаточной яркостью раскрыть, в противопоставлении патриарху, облик русских предателей. При этом в грамоте прямо говорится о том, что к числу последних принадлежат видные бояре и все боярское правительство: «И перед Николиным днем, в пятницу, в вечеру, к патреярху на двор приходили боярин Михайло Салтыков да Федор Ондронов, а говорили о том, чтоб их и всех православных крестьян благословил крест целовати королю. А на утрее того приходили о том же боярин князь Федор Иванович Мьстисловской да они ж, Михайло да Федор... И у них-де о том с патреярхом и брань была, и патреярха хотели за то зарезати».[101] В основе рассказа лежит реальное посещение Гермогена членами боярского правительства. Целью повествования об этом событии было осудить русских приспешников оккупантов и одновременно показать, что орудовавшие в государстве мнимые «союзники» и «доброхоты» на самом деле являются его подлинными врагами, ни в чем не похожими на тот облик, который им пыталась придать правительственная агитация; всем им рассказ противопоставлял патриотически настроенных москвичей и патриарха Гермогена.

Как видим, события столичной жизни и жизни русских послов под Смоленском излагались в грамоте в незамысловатой форме перечисления фактов, сообщенных очевидцем. Однако обращает на себя внимание самый подбор этих фактов, благодаря которому раскрывается обман договорных записей и правительственной агитации по всем статьям — от посула поставить русским царем королевича Владислава и вывести войска «союзников» с русской территории и до обещаний не нарушать «прежний обычай» «в приказах и на торгах».

Итак, казанская грамота косвенно свидетельствует о направлении, в котором, очевидно, вела устную агитацию в конце 1610 г. одна из групп московских патриотов, стремясь вовлечь в народно-освободительное движение население других русских городов. Внимательно собирались все факты, подтверждавшие гибельную для государства политику Сигизмунда III и его русских сообщников, и изыскивались возможности для широкой огласки этих фактов далеко за пределами столицы. Вот почему казанский дьяк и был ими так подробно осведомлен обо всем, что разоблачало истинные намерения интервентов

---

[101] Там же.

и боярского правительства. Москвичи не только подсказывали посланцам других городов свою оценку поведения врагов, но и внушали им свои симпатии к участникам патриотического сопротивления. В этом заключался смысл такого рода устной агитации, определившей затем содержание грамот-воззваний, которыми обменивались примкнувшие к движению города.

Грамота казанцев, как и «отписка» вятчан, передавших ее в Пермь, — документы, выдержанные в общепринятых формах межгородской переписки. Убеждения казанцев построены на обстоятельной точной записи изобилующего фактами рассказа дьяка о положении дел в Москве; вятчане, в свою очередь, передали этот рассказ дальше — в Пермь. Воспроизводя рассказ своего посланца в Москву, казанцы не заботились о придании изложению какой бы то ни было эмоциональной окраски. Сами факты считались составителями грамоты наиболее убедительными средствами агитации. Ни члены боярского правительства, ни «пан Александр Гасевский», ни «литовские люди» еще не наделены в этом рассказе никакими осудительными определениями, но грамота извещает, что польский воевода «владеет» в Москве, что «к нему на двор» «приходят... дьяки з доклады», что из Китай-города жителей «ссылали» «за Деревянной город», что у бояр с Гермогеном произошло столкновение из-за отказа патриарха целовать крест королю, и т. д. Равным образом и о действиях патриарха, убеждавшего народ отказаться от присяги королю, говорится безо всякого налета риторики. Героизации его, как главы сопротивления интервентам, еще не ощущается в самом тоне изложения. Только в формуле призыва к объединению появляется «злая и проклятая латынская вера», противопоставленная «истинной православной Христовой вере», и в этом противопоставлении обобщенно выражено осуждение всех действий интервентов и их русских пособников.

Таким образом, по форме изложения «отписка»-грамота казанцев еще не выходит за рамки документа. Основное средство убеждения в ней — деловитый рассказ о поведении врагов, сам по себе разоблачающий вероломность их обещаний, но ее темы уже чрезвычайно близки и к двум известным московским воззваниям, и к «Новой повести» (исключая, конечно, тему «царя Димитрия»).

* * *

Одновременно с устной и письменной агитацией, шедшей из Москвы, — частично непосредственно в города, от которых ждали помощи, частично, видимо, через Рязань, — разви-

валась организационная работа и агитация в Рязанском крае. Вместе с Москвой Рязань сыграла важную роль в выработке общегородских призывов, под знаменем которых собирались вооруженные силы первого ополчения для освобождения столицы и всего Русского государства от оккупантов.

На основе показаний современников, текстов позднейших грамот и свидетельств иностранных источников можно предполагать, что отряды, предводительствуемые П. П. Ляпуновым и Д. М. Пожарским, вели патриотическую агитацию еще во второй половине 1610 г., когда эти отряды только начинали борьбу против интервентов.

К раннему времени относится появление отдельных заговорщических писем П. П. Ляпунова, тайно связанного с сочувствующими ему кругами Москвы и смоленским посольством, и устная агитация сторонников рязанского движения. «Смутные листы» П. П. Ляпунова (о чем свидетельствуют поздние иностранные источники) появились в Москве еще при гетмане Жолкевском, т. е. примерно в октябре 1610 г., но тексты их не сохранились. Когда Жолкевский ввел свои отряды в Москву, рязанский воевода немедленно связался с московским окольничим В. И. Бутурлиным, который «в Москве все вылазучивши, к Ляпунову на Резань отписывал» и получал оттуда ответы. С этими «смутными листами» от Ляпунова и был пойман в Москве его посыльный. Расследование показало, что замешан в деле В. И. Бутурлин, который «смутою в Москве немцов тайно подговаривал и. . . подкупал», «штоб, договоря немцов и прибавя Ляпунова с людьми, ночью. . . ударить и побить» оккупантов.[102] Следует отметить, что П. П. Ляпунов так же, как и часть московского боярства и дворянства (в том числе В. В. и А. В. Голицыны, И. М. Воротынский, А. Ф. Жировой-Засекин, патриарх Гермоген, Ф. Н. Романов и др.), выступал против кандидатуры Владислава.[103] Однако на основе сохранившихся скудных материалов более подробно восстановить содержание агитации этой поры не удается.

В эти месяцы отчетливо ощущалось стремление Рязани установить связь с Москвой и со Смоленском путем отсылки людей, обмена «листами», «письмами». После августовского договора П. П. Ляпунов наладил, очевидно, довольно регулярную связь с русским посольством, отправленным под Смоленск. Вместе

---

[102] АЗР, т. IV, № 209 (2-й ответ королевских послов московским послам на съезде под Смоленском в 1615 г.), стр. 480.

[103] См.: История Москвы, т. I, стр. 330—331; Платонов. Очерки, стр. 444—445, 451, 472.

с этим посольством под Смоленск попал его брат — З. П. Ляпунов.

Как видно из боярской грамоты, адресованной Сигизмунду III, Захарий Ляпунов «ис-под Смоленска з братом своим с Прокофьем ссылаетца грамотками и людми. А которые люди были с ним, з Захарьем, под Смоленском, и он тех людей своих ис-под Смоленска отпущал на Резань, к брату своему, к Прокофью. И те люди ныне объявилися у брата его».[104] По предположению С. Ф. Платонова, П. П. Ляпунов с помощью своей разведки раньше других и «даже независимо от Гермогена» знал об опасности, угрожавшей всему Русскому государству.[105] Сведения, поступавшие в Рязань, могли быть использованы в дальнейшем не только в военных и организационных целях, но и для агитации.

Сведения об агитации из отрядов рязанцев и отрядов, предводительствуемых Д. М. Пожарским, встречаются с середины октября 1610 г. [106] На первых порах формирования этих отрядов, очевидно, велась преимущественно устная агитация.

Из рассказа казака Иванова, переданного в грамоте от 15 октября 1610 г., можно видеть, как созывались ополченцы, как организовывал агитацию Д. М. Пожарский (вероятно, к такой же устной агитации прибегали и в отрядах, предводительствуемых П. П. Ляпуновым): «А князь Дмитрей-де Пожарской послал заруцких козаков наговаривать, чтоб шли на их сторону служить».[107]

В агитации от имени П. П. Ляпунова, как отмечает С. Жолкевский и как говорится в грамоте самих рязанцев, определенная роль отводилась угрожающим письмам в адрес предательски действующего боярского правительства. По воспоминанию гетмана Жолкевского, после того, как от великого посольства разнеслись слухи, что Владислав никогда не будет отпущен в Москву, Прокопий Ляпунов якобы «писал к думным боярам письмо» от имени всей Рязанской земли, что они государем признают лишь королевича; «когда же известие, что его величество не дает королевича, еще больше распространилось в народе по разным местам царства Московского, тогда Ляпунов снова написал к боярам второе, уже очень суровое письмо, объявляя, что хочет изгнать наших из столицы».[108]

---

[104] СГГиД, ч. 2, № 223, стр. 490 (от января 1611 г.).
[105] Платонов, Очерки, стр. 489.
[106] См.: АИ, т. 2, № 303.
[107] Там же, стр. 359.
[108] Записки Жолкевского, стр. 114, 115.

О пересылке П. П. Ляпуновым письма, требующего у боярского правительства прекратить притеснения патриарха Гермогена, говорится в рязанской грамоте нижегородцам.[109] По этим сведениям нельзя судить, адресовались ли данные «письма» только лишь боярскому правительству или предназначались для несколько более широкого распространения. Возможно, что уже один из первых «смутных листов» от П. П. Ляпунова был обращен не только к В. И. Бутурлину, но также и к читателям или слушателям из отрядов иностранцев — «немцев» с целью убедить их повернуть оружие против оккупантов.

Сохранившиеся материалы позволяют составить представление о направлении и характере агитации из Рязани, лишь начиная с декабря 1610—января 1611 г. (Первой крупной победой декабрьской агитации было присоединение к рязанскому ополчению бывших тушинских отрядов и ряда других городов, с которыми Рязань успела «сослаться» после убийства Лжедимитрия II).[110] Однако благодаря тому, что еще раньше между рязанскими отрядами и Москвой была налажена связь и П. П. Ляпунов был осведомлен о деятельности патриарха Гермогена, а также получал вести из-под Смоленска от З. П. Ляпунова, материал для основных тем агитации (которые позднее получили свое развитие) оказался подготовленным еще осенью 1610 г., когда рязанцы выступили против присяги Владиславу.

Характеризуя патриотическую агитацию, развившуюся в связи с раскрытием агрессивных планов Сигизмунда III и требованием присяги на имя короля, гетман Жолкевский выделяет агитацию от имени П. П. Ляпунова и всей Рязанской земли. По свидетельству гетмана, это были «универсалы», написанные «в неприязненном духе против нас (интервентов, — *Н. Д.*) и против тех, которые бы нам благоприятствовали». Рассылал их П. П. Ляпунов не только от своего имени, но и от имени «всей земли Рязанской» и призывал «к себе, как долженствующему потушить всеобщий пожар», возглавить борьбу и освободить страну. По характеристике гетмана, второе письмо-«универсал», обращенный к боярскому правительству, «был длинен», так как «заключал в себе все, что только могло послужить к возжению ненависти против нас (интервентов, — *Н. Д.*) и думных бояр». Отметил Жолкевский и сильную религиозную окраску агитационных «универсалов» из Рязани: «Особенно возбуждал страх и опасение со стороны веры, го-

---

109 См.: ААЭ, т. 2, № 176-III, стр. 301.

110 См.: там же. Жители Тулы и других городов отказались верить боярским грамотам (см. также выше, стр. 24 и сноску 47).

воря, что мы намерены их веру искоренить и ввести свою, и присовокупляя многие другие сему подобные обстоятельства».[111]

В январе 1611 г. о значительном влиянии рязанской агитации в стране уже с тревогой сообщали в королевский лагерь, бояре: «... ныне... Прокофей Ляпунов, по вражью действу, не хотя видети в Московском государстве успокоения, и своим злохитрым умыслом резанцев дворян и детей боярских прелстил, а иных своим заговором устрастил, крестное целованье преступил и со всею Резанью. . . отложился».[112] В своем донесении бояре особо подчеркивали, что Ляпунов «прелщает» и «отводит» народ «смутою» от крестного целованья Сигизмунду и Владиславу, нарушив «со всею Резанью» присягу им: «И . . . государского повеленья сам ни в чем не слушает и слушати не велит. . . И городы и места заседает, и в городех дворян и детей боярских прелщает, а простых людей устращивает и своею смутою от вашей государской милости их отводит. А ваши государские денежные доходы и хлеб всякой збирает к себе».[113]

Наконец 17 января 1611 г. о сильном воздействии рязанской агитации на города страны и об активном продвижении отрядов П. П.Ляпунова к Москве писал Я. Сапеге сам король Сигизмунд.[114] Как видим, агитация, исходящая из Рязани и отрядов, предводительствуемых П. П. Ляпуновым, воспринималась самими врагами и предательским боярским правительством, как наиболее ранняя, действенная и опасная, по сравнению с агитацией других городов.

Характеристика рязанской агитации, данная гетманом Жолкевским, полностью подтверждается январской «отпиской» П. П. Ляпунова и рязанцев в Нижний Новгород, видимо, прибывшей туда 31 января.[115] Эта «отписка» интересна как

---

[111] Записки Жолкевского, стр. 114, 115. «Универсал» — наименование грамоты, данное поляками.

[112] СГГиД, ч. 2, № 223, стр. 489.

[113] Там же.

[114] П. Муханов. Сборник. Посвящается памяти Н. М.Карамзина. Изд. 2-е, доп., СПб., 1866, стр. 184—185 (№ 110 — грамота Сигизмунда III к Яну-Петру Сапеге). (В дальнейшем — Сборник Муханова); Шепелев. Организация первого ополчения, стр. 218.

[115] ААЭ, т. 2, № 176-III. Как пишут нижегородцы, 27 января они получили, одновременно с грамотами из Москвы и «ис-под Смоленска», рязанскую грамоту (там же, № 176, стр. 297). Далее они сообщают, что пересылают в Вологду список с грамоты рязанцев, полученной ими 31 января, и пишут о приезде к ним рязанского стряпчего И. И. Биркина и дьяка С. Пустошкина (стр. 298), об отъезде которых в Нижний Новгород говорится и в рязанской «отписке» (там же, № 176-III, стр. 302). Вероятнее всего, нижегородцы отправили одновременно с двумя воззваниями, полу-

ранний из сохранившихся памятников рязанской агитации, в котором так же, как в казанской грамоте (и как увидим ниже, в московском и мнимом «смоленском» воззваниях), в агитационных целях использованы факты московской жизни конца 1610—января 1611 г.

Составленная в 20-х числах января, рязанская «отписка» сохранилась в составе февральской нижегородской грамоты, предназначенной для ознакомления с нею широких кругов вологодского населения. Как мы видели, рязанцы были связаны в это время с Москвой настолько тесно, что с помощью писем даже вмешивались в московские дела. Отвечая на грамоту нижегородцев, присланную в Рязань «с сыном боярским с Иваном Оникиевым» 24 января 1611 г., рязанцы передавали все известные им новости московской жизни и спешили сообщить о своем активном участии в освободительной борьбе (грамоты приходили в сопровождении рязанских посланных).

То, что было «подлинно» известно рязанцам о московских событиях, во многом напоминает сведения, которые вынес из Москвы казанский посыльный. И так же, как в казанской грамоте, в рязанской «отписке» нижегородцам эти известия приобрели агитационное значение. «Прокофей Ляпунов, и дворяне, и дети боярские, и всякие служилые люди, и торговые, и чорные Резанские области»[116] обращают ко всем слоям населения Нижнего Новгорода свой разоблачительный рассказ о московских событиях, о замыслах интервентов, о предательской политике боярского правительства и об организации сопротивления в Москве.[117]

В рязанской «отписке» наиболее подробно развиты две темы: о патриархе Гермогене и о нарушении боярским правительством и интервентами условий договорных записей. Составители «отписки» стремились привлечь внимание к патриарху Гермогену, как к стойкому защитнику православной веры. Подобно рассмотренной выше казанской грамоте, эта «отписка» противопоставляет «христоименитый народ» «богоотступникам» и тягчайшим преступлением последних считает гонения на

ченными из Москвы, список с более поздней рязанской «отписки», дошедшей к ним 31 января. Февральский «универсал» 1611 г. (от 11 числа), изданный Н. И. Костомаровым (см. выше, сноску 59), выходит из нашего поля зрения. Он написан полонизованным языком и обращен, как видно, к казакам.

[116] ААЭ, т. 2, № 176-III, стр. 301.

[117] Возможно, что события московской жизни в том же освещении стали известны и всем тем, кто уже присоединился к борьбе рязанцев и «сослався» с ними, «давно крест целовал», т. е. «всяким» людям из Тулы, Калуги, Михайлова, «всех сиверских и украйных городов» (там же).

православных, в том числе и на патриарха Гермогена. К этому преступлению причастны и московские власти. В «отписке» особо подчеркивается, что рязанцам удалось добиться от правительства улучшения положения Гермогена: «А как, господа, мы к бояром о патриархе и о мирском гонение и о тесноте писали, с тех мест патриарху учало быти повольнее и дворовых людей ему немногих отдали».[118]

Рязанцы прямо указывали, кто является врагом, от кого «гоненье и теснота велия»: во-первых, «от богоотступников, от бояр», во-вторых, «от польских и от литовских людей». Разоблачая обман боярского правительства, рязанцы сообщали, что более ему не повинуются: «И мы бояром московским давно отказали и к ним о том писали, что они, прельстяся на славу века сего, бога отступили и приложилися к западным и к жестосердным, на своя овца обратились».[119] В вину боярскому правительству рязанцы открыто ставили невыполнение условий договорных августовских записей: «А по своему договорному слову и по крестному целованью, на чем, им договоряся с корунным гетманом, Желковской, королевскою душею, крест целовал, ничего не совершили».[120] Нарушение боярским правительством «договорного слова» и «крестного целованья» впервые так прямо названо своим именем в рязанской «отписке».

В изображении рязанцев бояре выглядят как враги родины: они отговаривают население от участия в освободительной борьбе и посылают на патриотов отряды интервентов: «Да бояря, господа, пишут с Москвы на Тулу, чтоб они к нам не приставали, а к нам они, на Резань, шлют войною пана Сопегу да Струса со многими людьми литовскими». [121] Так в патриотической агитации начинало открыто звучать обвинение боярского правительства в национальной измене.

Рязанцам были ясны захватнические замыслы интервентов и, очевидно, известны многие подробности королевских планов. Предупреждая патриотов Нижнего Новгорода о том, что «на Коломне. . ворует Василей Сукин», рязанцы поясняли его поведение подробностями из биографии Сукина: «. . .потому что . . . он был под Смоленским у короля и крест королю целовал, и король ему дал совсем Коломну в путь».[122] О том, что рязанцам до мельчайших подробностей была известна жизнь москвичей и хозяйничанье оккупантов, объявивших столицу

---

[118] Там же.
[119] Там же.
[120] Там же.
[121] Там же.
[122] Там же, стр. 302.

на военном положении, говорит хотя бы следующее попутное замечание в конце «отписки»: «А ныне, господа, на Москве порох у торговых людей в лавках весь поимали и ввезли в Кремль в город, и всякие бои у всех людей поимали, и купити пороху промыслить не мочно».[123]

Авторы «отписки» не ставили себе целью последовательно и подробно рассказывать нижегородцам о состоянии дел и настроениях в Москве, так как полагали, что их адресатам о многом уже известно.[124] Призывая нижегородцев к совместной борьбе, они лишь сообщали им новые подробности, указывали место, которое уже к тому времени занял в освободительном движении Рязанский край, и, главное, — сообщали свои организационные планы, подкрепляя их призывами, и рассылали своих посланных «для договору» о совместных действиях нижегородских ополчений с отрядами, предводительствуемыми П. П. Ляпуновым.[125]

По своему содержанию и темам рязанская «отписка» в основном была сходна с документами московской агитации, частично отраженной в казанской грамоте и полностью определившей содержание и характер пересланных в Нижний Новгород московской и «смоленской» грамот. Это сходство обнаруживается и в призывах, выдвинутых составителями рязанской «отписки», и в примененных ими средствах убеждения.[126]

---

[123] Там же.

[124] Очевидно, как мы уже видели на примере с устюжскими грамотами 1608 г., наиболее подробное разоблачение обмана интервентов должно было содержаться в одной из первых рязанских грамот, возможно, в той из них, которая была получена нижегородцами 27 января, поэтому в последующих грамотах о ряде фактов московской жизни уже не сообщается. Кроме того, видимо, учитывалось и то, что Нижний Новгород сам был связан с Москвой, а посланцы его, ознакомившиеся с московской жизнью первых дней января, вернулись в родной город 12 января с вестями и призывами к совместной с жителями столицы борьбе за освобождение «Московского государьства» (там же, стр. 301). Однако нижегородская грамота, прибывшая в Рязань 24 января 1611 г. и содержавшая рассказ нижегородских посланных, не сохранилась. Лишь по краткой передаче ее содержания рязанцами можно предположить, что рассказу нижегородских очевидцев было придано такое же значение, как некогда рассказу казанского дьяка, тем более, что нижегородская грамота так же, как и казанская, сопровождалась крестоцеловальной записью, по которой нижегородцы «меж собою крест целовали и з балахонци» (там же).

[125] Для заключения подобного «договора» рязанскую грамоту доставило в Нижний Новгород довольно значительное посольство, состоявшее из рязанского «стряпчево Ивана Ивановичя Биркина, да диака Степана Пустошкина, дворян, и детей боярских, и всяких чинов людей» (там же, № 176, стр. 298).

[126] Скорее всего данная рязанская «отписка», полученная в Нижнем Новгороде 31 января, была составлена уже после ознакомления с содер-

Адрес — начало (списка) грамоты из Рязани в Нижний Новгород (январь 1611 г.).

Рукопись из собр. ЛОИИ, К. 122, Соликамские акты, т. I, стлб. 336.

Рязанцы призывают «за Московское государьство с ними и со всею землею стояти вместе, заодин, и с литовским людьми битись до смерти».[127] Вместе с московской и «смоленской» грамотами рязанцы призывают нижегородцев отстоять столицу, освободить ее от «разорителей веры крестьянской»: «И вам бы, господа, прося у бога милости, в тот час итти со всеми людьми к царьствующему граду Москве на разорителей веры крестьянской, на польских и литовских людей».[128] Цель рязанцев — обеспечить одновременный подход ополчений с разных концов страны «к царьствующему граду к Москве. . . в один день».[129] Свои призывы рязанцы обращают в Нижний Новгород и далее в разные города и к отрядам А. Просовецкого.

Рязанская «отписка», подобно казанской, — еще вполне выдержанный по форме документ, и элементы воззвания в ней вкраплены в насыщенный фактическими подробностями рассказ о конкретных мерах, какие рязанцы сами принимают для осуществления плана освобождения Москвы и какие надлежит принять их адресатам. Рязанцы точно называют имена своих посланцев, напоминают имена тех, кто к ним и в Москву ездил из Нижнего Новгорода; кратко, как принято было в «отписках», излагают содержание документа, на который они отвечают, и лишь после этого начинают собственный рассказ о московских и своих делах. Именно в этом рассказе и содержится тот материал, который делает «отписку» одновременно и воздействующим на общественное мнение воззванием. Здесь для усиления впечатления от описания насилий интервентов и боярского правительства в Москве введены резко осудительные определения врагов и их действий («богоотступники», «жестосердные», «прельстяся на славу века сего, бога отступили», «на своя овца обратились»).[130] Однако в целом рязанская «отписка», как и

жанием двух грамот (московской и якобы «смоленской»), прибывших туда же из Москвы 27 января одновременно с другой не дошедшей до нас рязанской грамотой. В пользу такого предположения говорит то, что рязанцы в рассматриваемой «отписке» сообщают нижегородцам о своем подробнейшем знакомстве с деятельностью патриарха по рассылке грамот; вместе с тем известно, что московскую и мнимую «смоленскую» грамоты в Нижнем Новгороде связали с именем Гермогена (см.: там же, №№ 176, 176-III, стр. 301).

[127] Там же, № 176-III, стр. 301.

[128] Там же, стр. 302.

[129] Там же.

[130] Подобные эмоциональные эпитеты книжного характера свойственны и другим рязанским памятникам агитационной письменности, например, в призывах более поздней «отписки» П. П. Ляпунова жителям Суздаля: «стояти заодин. . . на богохулных еретиков», «полских и литов-

казанская грамота и переписка городов в начале народно-освободительной войны, стремилась склонить общественное мнение на свою сторону самими фактами, а не эмоциональностью изложения; она еще — прежде всего насыщенный конкретными сведениями документ, правдивость которого подкрепляется точным описанием обстановки, в какой он сложен, и точным перечислением действий, намеченных для освобождения Москвы.

Отмечая особенности рязанской агитации, следует подчеркнуть, что в ней гораздо большее место, чем в остальных памятниках агитационной письменности конца 1610—первых месяцев 1611 г. и в особенности в московском и мнимом «смоленском» воззваниях, занимали организационные указания и планы сборов под Москвой отрядов ополчения. Такова прежде всего рассмотренная выше ранняя из дошедших до нас рязанская грамота.

Принадлежали ли эти организационные распоряжения инициативе самих рязанцев или московским патриотам и патриарху? Обе грамоты, и рязанская, и нижегородская, подкрепляли наставления о формировании первого подмосковного ополчения авторитетом всероссийского патриарха, ссылкой на его «благословение» и «приказ».[131] Именем патриарха Гермогена нижегородцы начали действовать еще 12 января 1611 г., но конкретные указания, где сходиться ополчениям, чтобы идти под Москву, они получили уже позже, из рязанской грамоты.

Еще до прихода 27 января двух грамот из Москвы и рязанской «отписки» в Нижнем Новгороде и Балахне было принято общее решение собирать ополчение для похода к Москве,[132] но за «советом» об условленном месте сбора под стенами столицы нижегородцы, побывавшие у патриарха в Москве, вынуждены были все же обратиться непосредственно к самому организационному центру, в Рязань. 24 января 1611 г. сюда из Нижнего Новгорода пришла грамота, в которой нижегородцы просили у Рязани «. . . совету», «где нам с вами сходиться».[133] То, что они узнали до этого из Москвы, от патриарха и «всей земли», как видно, не включало деловых распоряжений и организационных планов. Вернувшиеся из Москвы 12 января 1611 г. нижегородские посыльные принесли от патриарха и «всей земли» лишь приказ «речью», устное указание идти из

ских людей», «очищати от безбожных от еретиков, от полских и литовских, светозарныя крестьянския веры и Московского государства» (там же, № 182-III, стр. 312).

[131] Там же, № 176, стр. 297.

[132] Там же.

[133] Там же, № 176-III, стр. 301.

Нижнего к Москве «тотчас»,[134] без разъяснения подробностей, за которыми им, видимо, предложили обратиться в Рязань. В ответ от П. П. Ляпунова пришел подробный план сбора сил восставших городов вокруг Москвы, и прибыли посланцы для «договора» и «доброго совета».[135] В полученных одновременно с рязанской грамотой и в якобы пересланных патриархом Гермогеном московском и «смоленском» воззваниях конкретных организационных указаний нет.

Итак, следовательно, не из Москвы, а из рязанской грамоты, прибывшей в Нижний Новгород в последних числах января 1611 г., нижегородцы получили практические указания о местах сбора ополчений, стекавшихся под Москву. И не только в Нижний Новгород, но и в другие поднимавшиеся на борьбу города (которые еще до грамот из Рязани или из Москвы стремились установить связи со столицей) приходили из Рязани практические, подробно разработанные планы сбора ополчений под Москвой (ср. рассмотренную выше казанскую грамоту, лишенную какого-либо плана действий).

Таким образом, Рязань, ранее других городов связавшаяся с патриотическими кругами Москвы и патриархом, осуществляла практическое руководство созданием первого подмосковного ополчения. Позже, в марте 1611 г., когда ополчение подошло к стенам Москвы и в столице активизировалось движение патриотов, руководство ими продолжало осуществляться извне, со стороны ополченцев.[136]

Явившись организационным центром формирующегося ополчения, Рязань одновременно стала и одним из основных центров агитации. Однако в самой агитационной патриотической письменности конца 1610—начала 1611 г. организация освободительного движения связывается непосредственно не с Рязанью и П. П. Ляпуновым, а с «благословением» патриарха Гермогена. Согласно агитационным грамотам, патриарх Гер-

---

[134] Там же.

[135] Там же, стр. 301—302. Рязанцы предлагают нижегородцам двинуть свои отряды через Владимир («или вам на которые городы податные»); сами они из Рязани совместно с «понизовою силою», которая стоит под Шацком, пройдут через Коломну; отряды из Тулы (Иван Заруцкий) и Калуги направляются прямо под стены Москвы с тем, чтобы «к Москве притти всем в один день». Рязанцы сообщают нижегородцам о недостаче в Москве и украинных городах военного снаряжения, просят прислать для ополчения «пороху и свинцу пудов з десять и з двадцать, будет есть» и советуют списаться о месте сборов с другими городами (поморскими, Вологдой, отрядами Андрея Просовецкого), предупредив их о необходимости сделать военные запасы.

[136] См.: Очерки истории СССР, стр. 555, 556; Шепелев. Организация первого ополчения, т. 6, стр. 220—221.

моген — первый зачинатель освободительного движения, поднявший на борьбу Рязанский край и П. П. Ляпунова. Совместно с «московскими людми» патриарх якобы писал и «словом» приказывал «с Москвы» «на Резань, к Прокофью Ляпунову, и во все украйные городы и в понизовые. . ., чтоб им, собрався с околными городы и с поволскими, однолично идти на полских и на литовских людей к Москве».[137] Гермоген изображен как организатор патриотической борьбы, как инициатор призыва идти «к Москве».[138] Нижегородцы представляли дело так, будто рязанцы «по благословению. . . Ермогена патриарха. . . собрався со всеми сиверски, и украйными городы, и с Тулою, и с колужскими со всеми людми, идут на польских и на литовских людей к Москве».[139] Свое решение идти «к Москве» нижегородцы также приняли «по благословенью и по приказу святейшаго Ермогена патриарха московского и всеа Руси».[140] Участников освободительного движения, как обещали нижегородцы, ждет «вечное благословенье» патриарха.[141] В особенности пространно о роли Гермогена как организатора и вдохновителя патриотического движения в городах пишет ярославская февральская грамота. В ней рассказывается, как Гермоген, советовавший некогда заключить августовский договор, стал активным деятелем, объединившим вокруг себя «московских людей» и вместе с ними писавшим и «словом» приказывавшим «на Рязань, к Прокофью Ляпунову, и во все украйные городы и в понизовые», поднимая их на борьбу совместно с окольными и со всеми городами Поволжья. Лишь затем, уже вслед за приказом Гермогена, «с Рязани. . . писал Прокофей Ляпунов в Нижней, а из Нижнего писали. . . в Ярославль».[142]

Таким образом, действия рязанского ополчения, объединившего вокруг себя отряды других городов под предводительством П. П. Ляпунова, и присоединение к борющимся Нижнего Новгорода и Ярославля изображались в патриотических агитационных грамотах как результат организационной деятельности патриарха Гермогена, рассылки им «грамот. . . от себя. . . во многие городы».[143]

---

[137] ААЭ, т. 2, № 179-I, стр. 305 (февральская ярославская «отписка» в Вологду).

[138] Там же, № 176-III, стр. 301.

[139] Там же, № 176, стр. 297 (февральская «отписка» нижегородцев в Вологду).

[140] Там же.

[141] Там же, стр. 298.

[142] Там же, № 179-I, стр. 305.

[143] Там же, № 176-II, стр. 300.

Согласно этим источникам, патриарх Гермоген оказывался организатором патриотического сопротивления и в самой столице. Одна из ранних грамот, казанская, рассказывает, как Гермоген призывал к протесту против присяги Сигизмунду III, как он «посылал. . . по сотням, к гостям и х торговым людям» и как они, собравшись, сообща отказались подчиниться приказу короля и предательского правительства.[144] О том же факте сообщает мнимая «смоленская» грамота. Гермоген и в ней наделен чертами активного борца. Он «на Москве. . . призывает к себе всяких людей явно», разоблачая перед ними вражеский обман.[145] Московская грамота изображает патриарха по книжной традиции как духовного «пастыря», за которым «все крестьяня православные последуют, лише неявьственно стоят».[146]

Однако в рязанской агитации патриарху Гермогену подобной ведущей организационной роли не отведено. Судя по рассмотренной выше рязанской грамоте, в Рязани знали многое о деятельности патриарха Гермогена, о его устной («речью») и письменной агитации в столице, об отсылке им «писем» в другие города, о том, что по его «благословению» на борьбу с интервентами поднялись нижегородцы.[147] И все же рязанцы не упоминали имени Гермогена, когда заводили речь о сборе вокруг их ополчения калужских, тульских, михайловских, сиверских и украйных отрядов. Более того, рязанцы рассказывали о своей активной деятельности в защиту Гермогена, о том, как они добились у предательского боярского правительства, чтобы «патриарху учало быти повольнее и дворовых людей ему немногих отдали».[148] Оставляя в стороне вопрос, насколько соответствует действительности оценка роли патриарха Гермогена и рязанских ополчений под предводительством П. П. Ляпунова в агитационной патриотической письменности конца 1610—начала 1611 г., мы можем отметить, что последняя изображала их деятельность связанной между собой и относила ее к началу освободительного движения против интервентов.

Судя по тому, как изображали события сами рязанцы, они не только знали о деятельности Гермогена и московских патриотов, но, как видно, и согласовывали с ними свои действия, выступая перед боярским правительством с требованиями

[144] Там же, № 170-I, стр. 292.
[145] Там же, № 176-II, стр. 300.
[146] Там же, № 176-I, стр. 299.
[147] Там же, № 176-III, стр. 301.
[148] Там же.

облегчить им участь, распространяя в своих грамотах организационные указания и планы сборов подмосковного ополчения. Имя патриарха Гермогена и для рязанской агитации оставалось средством убеждения присоединиться к патриотическому движению.

Об участии рязанцев в освободительной борьбе [149] и о Рязани как одном из центров агитации [150] пишут агитационные грамоты и других городов. Остается только загадкой, почему о Рязани, о сопротивлении отрядов П. П. Ляпунова нет никаких упоминаний ни в московском, ни в мнимом «смоленском» воззваниях, ни, как увидим ниже, в «Новой повести». Между тем несомненно, что кружок московских патриотов и Гермоген, связанный с рязанцами и П. П. Ляпуновым, должны были знать о действиях ополчений под предводительством последнего в середине декабря 1610—январе 1611 г., когда к ним уже присоединились бывшие тушинские отряды и всерьез забеспокоилось боярское правительство и враги. Как в Рязани (по свидетельству самих рязанцев) были известны все грамоты, которые исходили от Гермогена и окружавших его патриотов, так и в Москве, очевидно, знали о борьбе и агитации рязанцев. Нижегородцы приписывали Гермогену присылку к ним московского и мнимого «смоленского» воззваний,[151] пришедших

---

[149] Там же, № 175, стр. 296; № 177, стр. 303.

[150] Там же, № 174, стр. 295; № 176, стр. 298; № 179-I, стр. 305.

[151] В «Очерках истории СССР» (стр. 555) обе эти грамоты также приписываются патриарху Гермогену. Агитационных грамот самого патриарха и от его имени за 1610—1611 гг. не сохранилось, хотя упоминания о рассылке им воззваний часто встречаются в городской переписке. Грамоты Сигизмунду III от имени москвичей и патриарха не учитываются; одна из них извещает о признании Москвой кандидатуры Владислава при условии соблюдения договорных записей (СГГиД, ч. 2, № 207, стр. 446—451 — от 12 сентября 1610 г.), другая торопит приезд Владислава в столицу (там же, № 217, стр. 479—480 — от последних чисел декабря 1610 г.). Два возвания (ААЭ, т. 2, № 169) относятся к 1609 г. (см.: там же, прим. 19). Свои грамоты Гермоген стал рассылать по городам открыто со второй половины декабря 1610 г. (после смерти «вора»). Но первые его воззвания были перехвачены врагами. Гонсевский перехватил патриаршую грамоту на «святках», между 25 декабря 1610 г. и 6 января 1611 г., затем списки с его грамот в Нижний Новгород и во Владимир или Суздаль и А. Просовецкому, датированные 8 и 9 числами января 1611 г. (см.: П л а т о н о в. Очерки, стр. 485). Грамоты патриарха шли в Переяславль Рязанский, Владимир, Муром, Кострому, Галич и другие города (см.: Ш е п е л е в. Организация первого ополчения, стр. 217; АЗР, т. IV, № 209, стр. 482). О нескольких перехваченных грамотах Гермогена говорит Немцевич (см.: Ш е п е л е в. Организация первого ополчения, стр. 217; Очерки истории СССР, стр. 555). Маскевич даже приводит вольный перевод одной из грамот Гермогена (более поздней?): «Враги уже почти в руках наших. Когда ссадим их с шеи и освободим государство от ига, тогда кровь хри-

к ним одновременно с рязанской грамотой 27 января 1611 г.[152] Между тем, составители мнимого «смоленского» воззвания, указывая, куда следует его рассылать, называли все основные сложившиеся к тому времени центры агитации, кроме Рязани: «Пошлите в Новгород, и на Вологду, и в Нижней, нашу грамотку списав, и свой совет к ним отпишите, чтоб всем было ведомо».[153] Пропуск Рязани среди адресатов воззвания нельзя объяснить якобы плохой осведомленностью его составителей о борьбе рязанцев. Основной пафос обоих воззваний (московского и мнимого «смоленского»), как будет показано ниже, заключался в призыве подняться на совместную борьбу против интервентов; Рязань же, включившаяся в освободительное движение ранее других городов, еще осенью 1610 г., в подобных призывах и убеждениях уже не нуждалась. Более того, тесно связанная с кружком московских патриотов и Гермогеном, Рязань, очевидно, и была пересыльщицей обоих воззваний.[154] В этой связи показателен рассказ ярославцев вологодцам в февральской грамоте о том, что связующим центром при пересылке грамот от имени патриарха и из кружка патриотов, «московских людей», выступала Рязань. Через нее вести из Москвы передавались дальше, в Нижний Новгород и Ярославль.[155] Как видно из этого рассказа ярославцев, в Рязани были известны не только все подробности жизни оккупированной Москвы и деятельности кружка московских патриотов,

---

стианская перестанет литься. И мы, свободно избрав себе царя от рода русского с уверенностью в нерушимости веры православной, служащей оплотом нашему государству, не примем царя латинского, коего навязывают нам силой и который влечет за собой гибель нашей стране и народу, разорение храмам и пагубу вере христианской» (Н. Г. Устрялов. Сказание современников о Димитрии Самозванце, т. II, стр. 48—49). В результате патриарх был лишен возможности «ссылаться» с городами письменно, так как у него стало «писати некому: дияки и подьячие и всякие дворовые люди поиманы, а двор его весь розграблен», и нижегородские посыльные, прибывшие из Москвы 12 января 1611 г., не смогли привезти от Гермогена письменного указания (ААЭ, т. 2, № 176-III, стр. 301). Лишь несколькими днями позднее (в середине января), после вмешательства в дело П. П. Ляпунова и отсылки из Рязани угрожающих писем в адрес боярского правительства, Гермогену вновь «учало быти повольнее и дворовых людей ему немногих отдали» (там же).

[152] Там же, № 176, стр. 297.

[153] Там же, № 176-III, стр. 300.

[154] Любопытно отметить, что в сохранившейся январской рязанской «отписке» объяснено особенно подробно, почему вернувшиеся в Нижний Новгород 12 января посыльные не могли привезти с собой грамот патриарха Гермогена и почему они смогли их получить 27 января.

[155] Там же, № 179-I, стр. 305.

но и грамоты Гермогена, а также оба воззвания, московское и мнимое «смоленское».[156]

Таким образом, Рязань представляется как организационный и один из агитационных центров формирующегося под Москвой ополчения, как посредница и активная сотрудница Москвы по выработке и пересылке агитационных грамот.

* * *

Выше уже говорилось о том, что казанская грамота отражала направление, в котором московские патриоты вели устную агитацию среди посланцев из городов, поднимавшихся на борьбу против интервентов. Основные темы и средства убеждения, характерные для казанской агитации и восходящие к московской агитации, знакомы также и рязанцам, хотя дошедшие до нас рязанские грамоты преследовали главным образом уже организационные цели и заботились о пересылке планов совместных действий. Те же темы московской агитации характерны не только для подлинной московской грамоты[157] (что и следовало ожидать), но в еще большей мере для мнимой «смоленской» грамоты,[158] основанной, как увидим, на том же материале, что и московская грамота. Оба эти воззвания, при очевидности их московского происхождения, являются свидетельством своеобразия форм московской письменной агитации, шедшей из Москвы в одно время с созданием «Новой повести».

Обе грамоты сохранились в составе той же февральской (1611 г.) нижегородской грамоты в Вологду, в которой дошла до нас рассмотренная выше рязанская «отписка» (все четыре в списках и в свою очередь в составе группы грамот, пересылаемых из Устюга в Пермь, — см. ниже, примечание к публикации текста так называемой «смоленской» «грамотки»). Как сообщалось в нижегородской грамоте, два рассматриваемых воззвания были присланы в Нижний Новгород якобы от самого патриарха Гермогена в один и тот же день (27 января 1611 г.), что и предшествующая известной рязанской «отписке» грамота от П. П. Ляпунова и рязанцев.

---

[156] Знакомство с содержанием московского и мнимого «смоленского» воззваний обнаруживается в целом ряде грамот и «отписок» нижегородцев, устюжан, ярославцев (кроме перечисленных выше, см. также позднюю, июньскую, грамоту ярославцев в Казань: там же, № 188-II, стр. 320—323.

[157] Там же, № 176-I, стр. 298—299, а также издана отдельно: СГГиД, ч. 2, № 227.

[158] ААЭ, т. 2, № 176-II, стр. 299—301, а также издана отдельно: СГГиД, ч. 2, № 226.

В представлении нижегородцев, одна из грамот-воззваний была составлена от имени москвичей-патриотов и обращена к населению всей страны, а другая — от имени «московских людей», находившихся в лагере Сигизмунда III под стенами героического Смоленска, где стояло в то время и великое посольство, и была адресована в Москву: «Прислал к нам святейший Ермоген патреарх московский и всеа Руси две грамоты: одну ото всяких московских людей, а другую, что писали ис-под Смоленска московские люди к Москве».[159]

Анализ содержания обеих грамот на общем фоне развернувшейся в конце 1610—январе 1611 г. патриотической агитации показывает, что выдвинутые в них мотивы борьбы лежат также в основе казанской агитационной грамоты, рязанской «отписки» и грамот других городов. Как мы видели, целью агитационных патриотических грамот центральных районов страны, в отличие от задачи патриотической агитации Смоленска, было прежде всего разоблачение обмана вражеской и боярской агитации, которая особенно энергично популяризовала августовский договор среди населения именно центральных районов (и в начале не без определенного успеха). В Смоленске и в лагере вокруг города обманная агитация интервентов и предательского правительства не встретила поддержки, так как вражеский характер действий Сигизмунда III и русских изменников был уже давно ясен жителям всего Смоленского уезда и крепости.

Грамота от имени москвичей была сопроводительной, рекомендующей вниманию патриотов другую грамоту, присланную в Москву «ис-под Смоленска». В самом начале первой грамоты по традиции кратко пересказывается содержание «грамотки» «разореных пленных» «ис-под Смоленска»: «Пишут к нам братья наша».[160] В связи с постановкой вопроса о происхождении мнимой «смоленской» грамоты интересно здесь же обратить внимание на то назначение, какое отводили ей составители московской «сопроводительной» грамоты. Основной ее пафос они видели в изображении «погибели» «разореных пленных» вообще по всей Русской земле и рассчитывали, что «грамотка», полученная якобы из-под Смоленска, не сдавшегося врагу, убедительнее всего сможет показать, что пришел конец народному терпению: «. . . и вы, уведевше, станете разумети неисцелную язву, богопопустным гневом праведным за наше согрешение, которую, погибель видечи над собою, нам изве-

---

[159] АЛЭ, т. 2, № 176, стр. 297.
[160] Там же, № 176-I, стр. 298.

щают».[161] Поэтому, говоря о составителях мнимой «смоленской» грамоты, москвичи подчеркивают, что это такие же, как и они и как весь христианский народ, «разореные пленные, которые отцов, матерей и жон, и детей своих оставших, в последнее оскуденье дошедших и не имущих, где главы подклонити».[162] Истолковывая таким образом цель, с какой была составлена «смоленская» грамота, москвичи сравнивают судьбу «пленных», от имени которых написана «смоленская» грамота, с судьбой всех «православных крестьян» и настаивают на рассылке «во все городы» государства обоих воззваний, призывая от своего имени, «утвердить совет, как нам, всем православным крестьяном, останку не погибнути ото врагов всево православнаго крестьянства, литовских людей».[163]

Изложив коротко содержание «смоленской» «грамотки», москвичи в последующем изложении преднамеренно подчеркивают, что свою грамоту (в отличие от «смоленской») они составляли как очевидцы столичных событий: «И мы не слухом слышим, до самех нас на Москве видением конечная погибель приходит» или: «Писали к нам истину братья наша, и нынечя мы сами видим. . . разоренье».[164]

Как видим, обе грамоты несомненно связаны между собой, Ниже рассмотрим содержание обоих воззваний, сопоставляя их сходные черты и отмечая различия между ними.

* * *

Своеобразие «смоленской» грамоты давно привлекало внимание исследователей и вызывало у многих сомнение в ее подлинности. Строились различные предположения, и подыскивался ответ на вопрос: где и кем была создана «смоленская» грамота?[165] Первый издатель этой грамоты А. Малиновский признал ее действительно смоленским документом.[166] Но в 1843 г. ее подлинность поставил под сомнение Н. Арцыбашев; цитируя текст грамоты, он замечает: «Подлинность этой грамоты сомнительна. . . Едва ли не сочинено это в Москве для усиления просьбы ее жителей».[167] Наиболее полно эти сомнения были

[161] Там же.
[162] Там же.
[163] Там же, стр. 298, 299.
[164] Там же, стр. 298.
[165] Шепелев. Организация первого ополчения, стр. 215.
[166] См.: СГГиД, ч. 2, № 226.
[167] Н. Арцыбашев. Повествование о России, т. III, кн. V. М., 1843, стр. 266, прим. 1421. (В дальнейшем — Арцыбашев. Повествование о России).

развиты и обоснованы С. Ф. Платоновым в одной из его статей 1897 г., специально посвященной вопросу о двух грамотах 1611 г.[168]

Так же, как и Н. Арцыбашева, С. Ф. Платонова поразили в «смоленской» грамоте ряд «прямых несообразностей», связанных с неверной датировкой событий [169] (к примеру, указание срока пересылки письма М. Салтыкова и Ф. Андронова к Сигизмунду III, что подмечено было еще Н. Арцыбашевым), и несоответствия исторической действительности (время пребывания московских людей под Смоленском в противовес фактическим данным).[170] Недоумение у С. Ф. Платонова вызвало и то, что «маленькие и гонимые русские люди», оказавшиеся в королевском лагере под Смоленском и притесняемые врагами, могли быть одновременно в курсе не только польских, но и московских событий.[171]

Кроме этого, общее впечатление от сравнения «бесспорных подлинных смоленских писем, числом до десяти» с их «трогательно простым и деловитым» текстом и «риторической манерой грамоты» 1611 г. привело С. Ф. Платонова к выводу об «искусственности последней».[172] Аналогии грамоте 1611 г. он видел «не в этих скорбных „отписках“ и „грамотах“, вышедших из смоленской осады, а в московских и троицких воззваниях и посланиях, которые писали „писцы борзые“, в спокойной „келии“, собирая „от божественных писаний учительныя словеса“».[173]

Распространение политических новостей и внушений посредством анонимных литературно написанных произведений, по мнению исследователя, было характерно прежде всего для московских патриотов.[174] В подтверждение этого С. Ф. Платонов ссылался на московскую анонимную «Новую повесть о преславном Росийском царстве».

Указывая на стилистические различия грамоты 1611 г. и «бесспорных подлинных смоленских писем», С. Ф. Платонов перечислил в сноске наиболее яркие из них.[175] Наблюдения С. Ф. Платонова подтверждаются и материалами смоленской агитационной письменности. Ни одной из смоленских агитационных грамот не было свойственно такое обобщенное обращение, какое налицо в так называемой «смоленской» грамоте.

---

[168] Платонов. О двух грамотах.
[169] Там же, стр. 195.
[170] Там же, стр. 194.
[171] Там же, стр. 196.
[172] Там же, стр. 194.
[173] Там же, стр. 194—195.
[174] Там же стр. 197.
[175] АИ, т. 2, №№ 265, 267, 354; ДАИ, т. I, № 231.

Нет в них обобщенных образов истязуемых врагом русских людей, «бедных. . . пленных» людей, «православных крестьян и безлобивых младенцев»:[176] в смоленских документах они обычно названы своими именами. Нет риторических приемов изложения (обращений, подобных употребленному в начале «смоленской» грамоты», а также риторических вопросов, пронизывающих весь ее текст), нет и того налета «литературности», который, как отмечал уже С. Ф. Платонов, характерен для речи автора грамоты, присланной якобы из-под Смоленска. Таким образом, все эти отличия от так называемой «смоленской» грамоты наблюдаются не только в частных письмах из осажденного Смоленска, но и в документах смоленской агитации и делопроизводства.

Предположение о мнимости «смоленского» происхождения грамоты подкрепляется еще и тем, что факты, которые в ней используются в целях убеждения, характерны только для содержания воззваний, шедших из центральных районов Русского государства; эти факты выдают знакомство составителей так называемой «смоленской» грамоты не с жизнью лагеря под Смоленском, а с московскими событиями конца 1610—января 1611 г. Следует рассмотреть мотивы борьбы и призывы этой грамоты и сопровождающей ее грамоты москвичей в сопоставлении с современной им патриотической агитационной письменностью и самой действительностью. Но если при таком сопоставлении строго учитывать хронологию появления грамот, то вне анализа окажутся троицкие грамоты (с которыми сравнивал стиль «смоленской» грамоты С. Ф. Платонов), так как они появились в Нижнем Новгороде значительно позже времени получения обеих рассматриваемых грамот.[177] Следовательно, троицкие воззвания не могли повлиять на стиль «смоленской» грамоты. Однако это не исключает другой возможности, что автор воззваний был учеником троицкой литературной школы. Хотя в «смоленской» грамоте нет характерного

[176] ААЭ, т. 2, № 176-II, стр. 299.

[177] В июле или даже в октябре 1611 г. Первое воззвание архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия и келаря Авраамия Палицына датировано в ААЭ (т. 2, № 190) июлем 1611 г., в СГГиД (ч. 2, № 285) — октябрем 1611 г., между тем как названная грамота «смольнян» и грамота москвичей получили распространение уже в январе—феврале 1611 г. Первые не сохранившиеся троицкие грамоты, в составлении которых активное участие принимали архимандрит Дионисий и его многочисленные «борзописцы», появились после получения в Троице-Сергиевом монастыре известия о московском пожаре 19 марта, т. е. после 21—22 марта 1611 г. (см.: С. И. Кедров. Авраамий Палицын. — ЧОИДР, кн. IV, 1880, стр. 71—76).

для троицких посланий упоминания о святых — патронах Троицкого монастыря, это еще не лишает ее сходства со стилем монастырской агитации. Притом же, говоря от имени смольнян, автор и не имел основания подчеркивать троицкие святыни.

* * *

Обратимся к содержанию «смоленской» грамоты, чтобы установить ее отношение к грамоте москвичей.

В «смоленской» грамоте сообщается, что она отправлена от имени всех русских «пленных», которые в свое время «не противились и жыботы свои все принесли, все погибли и в вечную работу и в латынство пошли».[178] Составители грамоты обращаются к своим единоверцам от имени тех, которые так же, как и они сами, обрели свою «смертную. погибель. дались без всякого противления литовским людем во своих городех и в уездех и принесли . . . свои головы и животы к ним для избавления душ своих, чтоб не отбыть православного крестьянства в латынство и в конечной погибели и в посеченье ни во плененье не розведенным быть».[179] Из начала грамоты не вытекает никаких определенных данных о ее составителях: «Ведомо вам смертная наша погибель, как мы и вы»; «. . . мы все, изо всех городов, из уездов, без останка и без всякого пощаженья погибли и не малыя милости и пощаженья не нашли». Не уточняется авторство и далее, после обобщенных картин разорения «во всех городех и в уездех, где завладели литовские люди»: «И та вся нашедшая нам смертная наша погибель неведомо вам». Следующее за этим пояснение опять-таки никаких конкретных сведений не содержит. О себе составители грамоты говорят по-прежнему очень неопределенно: «. . пришли есмя из своих розореных городов, из уездов к королю в обоз, под Смоленеск», «живем тута немало, иной больше году живет, иной мало не год». Это не члены великого посольства, поскольку прибыли они в королевский обоз для того, «чтоб нам выкупити от плену из латынства и от горкия смертныя работы бедных своих матерей и жон и детей». Это «бедные. . . пленные люди», «беззлобивые младенцы»; тщетно пытались они выкупить из плена своих родных, над которыми «нихто не смилуется» и которых «нихто не пощадит». «Многие» из них «ходили в Литву, в Польшу для своих матерей, и жон, и детей, и те свои головы

---

178 ААЭ, т. 2, № 176-II, стр. 300.
179 Там же, стр. 299.

потеряли.» Не удалось и выкупить пленных: «окуп» был разграблен.[180]

Кто же эти беззащитные русские люди, почти уже год как пришедшие в королевский обоз, находившийся под стенами осажденного Смоленска? Очевиднее всего — это обобщенный образ «бедных . . . пленных», напоминающий о судьбе русских людей, которые приняли августовский договор и оказались в оккупации. То, что в этом образе отправителей грамоты обнаруживаются фактические неточности и противоречия, доказал С. Ф. Платонов. Если в грамоте речь идет о значительной группе русских людей, прибывших в королевский обоз для вызволения из плена своих родных, то известно, что около 500 человек смоленских, дорогобужских и брянских служилых действительно пришли под Смоленск лишь с великим посольством, но не пробыли там к моменту составления грамоты даже полгода.[181] Не могла быть отправлена грамота и бывшими тушинцами, которые, подчинившись Сигизмунду, почти с начала осады жили под Смоленском.[182] Кроме того, известно, что не только личные письма смольнян,[183] но также письма от посольства и агитационные грамоты из Смоленска резко отличаются от «смоленской» грамоты своей деловитостью и конкретностью изложения.

Как видно из содержания сохранившегося отрывка посольской грамоты,[184] само посольство и находившиеся с ним в королевском лагере русские люди из разных городов, в том числе и сами смольняне, были хорошо осведомлены о состоянии смоленских дел и озабочены в первую очередь даже не вопросом о кандидатуре будущего царя, о чем они были присланы договариваться, а судьбой Смоленска. Именно этот вопрос стоял в центре внимания и врагов, и посольства, и осажденных. По словам смольнян из посольства, решение осажденных до конца стоять за независимость самого Смоленска, оставалось прежним и содержание их призывов не изменилось. На теме о Смоленске и его судьбе сосредоточились, в конце концов, все переговоры послов. Препятствием к тому, чтобы дать королевича Владислава на русский престол, интервенты выставляли, наряду с активными действиями «вора», начинающееся патриотическое движение и упорство смольнян, выступавших против

---

180 Там же.

181 См.: Платонов. О двух грамотах, стр. 194.

182 См. там же, стр. 196.

183 См. там же, стр. 194.

184 СГГиД, ч. 2, № 215 (список грамоты послов боярскому правительству от ноября 1610 г.).

сдачи города королевским войскам. В посольской грамоте поднимается вопрос о нарушении интервентами договорных августовских условий, о том, что сам гетман Жолкевский отступает от своего крестного целования и требует сдачи Смоленска, сообщается твердое намерение королевского лагеря овладеть городом вопреки договору.[185]

Послы и русские люди из разных городов, находившиеся под Смоленском, знали о героической стойкости и твердой решимости смольнян не сдавать города. Заботится посольство и о чистоте своей репутации, не желая, чтобы по его вине были впущены в Смоленск враги и за это им «ото всее земли быти в ненависти и в проклятье».[186] В посольских переговорах не находит должного отражения осведомленность их участников о московских событиях, и вообще тема Москвы в такой мере, как тема Смоленска, не поднимается. Перед русским лагерем, находившимся в королевском стане под Смоленском, при составлении грамоты, подобной так называемой «смоленской», должна была стоять в первую очередь задача «обослатца» с Москвой, получить из столицы вести. Наоборот, в Москве и в связанной с нею Рязани смоленские известия были знакомы (см. рассмотренные выше казанскую и рязанскую грамоты,[187] а также свидетельства о получении в Рязани известий от З. П. Ляпунова). Тем более, что в конце декабря из-под Смоленска в Москву прибыла присягнувшая Сигизмунду III часть русского посольства, которая могла оказаться источником новых сведений о жизни русских людей в королевском стане, а возможно, подсказать и некоторые черты образа составителей так называемой «смоленской» грамоты, черты, обобщенно характеризующие их как страдающих под вражеским игом русских людей, от имени которых грамота и должна была обращаться к населению Москвы и других городов. (Так же воспринимали образ «разореных пленных» и сами составители московского «сопроводительного» воззвания).

Если учесть тяжелое положение дел в самом Смоленске, о чем известно было в королевском стане, то не такого содержания грамоты следовало бы ждать из-под Смоленска. Ведь в ней нет ни одной конкретной подробности, касающейся героической обороны города и упорного сопротивления посольства. Все приведенные в ней конкретные факты касаются по-

---

[185] Там же, стр. 468—469, 477.

[186] Там же, стр. 475.

[187] В рязанской грамоте — подробные сведения о перешедшем на сторону Сигизмунда III члене посольства под Смоленском Василии Сукине, одном из тех, кто привез королевскую грамоту от 23 декабря 1610 г.

следних событий московской жизни, которые еще не могли стать известными в королевском лагере среди русских пленных, бывших в бесправном положении.[188] Невероятно, например, чтобы в грамоте, прибывшей в Нижний Новгород через Москву якобы из-под Смоленска 27 января, говорилось о фактах, имевших место 26 января.[189] Речь идет о письме «с Москвы» М. Салтыкова и Ф. Андронова «с товарыщи» «после рожества Христова на пятой неделе в суботу».[190] По мнению С. Ф. Платонова, «невероятной» была и датировка письма тех же корреспондентов Сигизмунда III об убийстве «вора. которой назывался царевичем Дмитреем», письма, отосланного «за два дни пред рожеством Христовым». Как установил исследователь, до королевского лагеря это известие дошло не 23 декабря, а 18 (по новому стилю 28) декабря.[191]

По одним таким неточным указаниям, которыми грамота очень скудна, определить ее происхождение не удается. Составители, кажется, умышленно избегали точных данных. Они не назвали имен тех, с кем якобы грамота была прислана из-под Смоленска, и объясняли это страхом: «И послали есмя к вам товарыщев своих, а имян их не написали страха ради смертнаго». Стремлением скрыть подлинных авторов «смоленского» воззвания можно объяснить и путанные, неточные сведения о тех, от чьего имени оно составлено. Становится очевидным, что, с одной стороны, авторы не хотели называть себя, а с другой — они заверяли, что в грамоте нет ничего «ложно и непрямо» написанного, «все истинная правда написана: можете ото всех людей русских то уведати», т. е. хотели, чтоб их грамоте поверили.[192] Изложение в грамоте обычно ведется от лица очевидцев. С помощью этого приема разоблачается и обман интервентов, связанный с обещанием отпустить Владислава царем на Москву. Отправители грамоты чуть ли не сами присутствовали на заседаниях польской думы, на которых раскрылись подлинные умыслы врагов: «Много о том было у литвы на соймище думы со всею землею да и положено

---

188 См.: Платонов. О двух грамотах, стр. 196.

189 См.: Арцыбашев. Повествование о России, стр. 266, прим. 1421; Платонов. О двух грамотах, стр. 195.

190 ААЭ, т. 2, № 176-II, стр. 300.

191 См.: Платонов. О двух грамотах, стр. 195—196. Согласно «Дополнениям к „Деяниям Петра Великого"» И. И. Голикова (т. 2, М. 1790, стр. 160—161) весть о том, что «вор» убит в Калуге, была объявлена послам 27 декабря 1610 г. (по ст. ст.) на одиннадцатой конференции. В Смоленске эту весть получили 25 декабря (по ст. ст.) — см.: Записки Жолкевского. Приложение № 38, стлб. 108 и сноска.

192 См.: ААЭ, т. 2, № 176-II, стр. 300—301.

на том, чтоб вывесть лутчих людей, и опустошить всю землю, и владити всею землею Московскою». И далее добавляется: «Зде мы немало время живем и подлинно про то ведаем, для того и пишем к вам».[193]

Заверение авторов в правдивости грамоты в сочетании с фактической неточностью и скудостью содержащихся в ней сведений о Смоленске и о тех, кто находился в лагере под осажденным городом, подтверждает мнение С. Ф. Платонова и других исследователей, что так называемая «смоленская» грамота представляет собою подделку, подложную грамоту. Доказывая «искусственность» написания «смоленского» воззвания, С. Ф. Платонов подчеркивает сходство между ним и «Новой повестью». Оба памятника подпольной московской патриотической агитации скрывают имена своих авторов «страха ради смертного», обнаруживая прием тайного письма, характерный для патриотов оккупированной врагами столицы.

Ниже мы коснемся вопроса о том, насколько можно считать соответствующими действительности автобиографические высказывания автора «Новой повести», скрывшего свое имя якобы из опасения потерять служебное положение и навлечь на свою семью гнев врагов. Что же касается «смоленской» грамоты, то в ней объяснение анонимности «страхом» представляет собой, по-видимому, литературный прием, связанный с тем, что и «бедные пленные», чьи имена надо скрыть якобы «ради страха смертнаго», — литературный образ, за которым скрыты подлинные составители воззвания, сочиненного ими в форме «грамотки», «отписки» русских пленных из королевского лагеря. Анализ содержания «грамотки» подскажет нам еще и некоторые другие доводы, в пользу того, что подлинными ее составителями были москвичи, скорее всего те же самые, которые сложили и сопроводительное московское воззвание.

Скрыв свое подлинное лицо за обобщенным образом «бедных пленных», лишив этот образ конкретных черт, по которым можно было бы установить, о ком именно идет речь в «грамотке», составители ее обращались не только в названные ими города, но и вообще к «господам братьям нашим всево Московского государьства».[194] Тем самым они сразу придали своему сочинению характер воззвания, рассчитанного на широкое распространение. Московская грамота также обращена ко всему населению Русского («Московского») государства, и вместе с мнимой «смоленской» грамотой составляет среди других агитацион-

193 Там же, стр. 300.
194 Там же, стр. 299.

ных грамот исключение своим лишенным конкретных перечислений адресатом: «Пишем... к вам... общим всем народом Московского государьства... братьям своим, православным крестьяном».[195]

Близость призывов московской и мнимой «смоленской» грамот, казалось бы, могла быть объяснена тем, что москвичи, изображавшие себя пересыльщиками воззвания «ис-под Смоленска», предварительно восприняли их сами. «Смоленская» грамота призывает: «... быти всем крестьяном обще, всем в соединении», и далее убеждает: «Оставьте свой страх!.. Какую хотите милость и пощаду собе найти?! Не будете только ныне в соединении, обще со всею землею, горько будет плакати и рыдати неутешимым вечным плачем».[196] Согласно «смоленскому» воззванию, не поддержать общего «дела» единения, начатого москвичами, значит погубить Русскую землю, города, волости, свои семьи. Московская грамота также призывает к сплочению всех граждан государства на борьбу против интервентов: «Будте с нами обще, заодно против врагов наших и ваших общих», против «литовских людей» и их русских пособников; «Станьте с нами обще против врагов креста Христова».[197] Призыв к единению, характерный для всех агитационных грамот центральных районов Русского государства конца 1610—первых месяцев 1611 г., подкрепляется и в московском воззвании убеждением в необходимости сплочения: разобщенность сил патриотов неминуемо привела бы к полному порабощению страны врагами. Московская грамота доказывает важность единства действий патриотов: «Только того ради не будете с нами обще страдати... нихто не мни и не веруй никоторому блазненному и лстивому слову, чтоб пощаженым быти».[198] В обеих грамотах звучит прямое предостережение не верить никаким обещаниям врагов. Эту тему разовьет и автор «Новой повести о преславном Росийском царстве».

Итак, призывы московской и «смоленской» грамот полностью совпадают даже в приемах убеждения. Оба эти воззвания родились в обстановке острой необходимости сплочения всех, поднимающихся на борьбу, но еще разобщенных патриотических сил. Воззвания скорее всего явились откликом на новую попытку лагеря Сигизмунда III обмануть общественное мнение ложными заверениями, что в связи с убийством «вора» королевич Владислав будет отпущен в Москву на царский

[195] Там же, № 176-I, стр. 298.
[196] Там же, № 176-II, стр. 300.
[197] Там же, № 176-I, стр. 298—299.
[198] Там же, стр. 298.

престол (см. королевскую грамоту от 23 декабря 1610 г., адресованную боярскому правительству[199] и привезенную в Москву членами русского посольства, присягнувшего Сигизмунду). Как и свидетельствует «смоленская» грамота, москвичи сразу после известия о расправе над Лжедимитрием II выступили с призывом к борьбе против оккупантов, а патриарх Гермоген заявлял перед народом речью и в грамотах о своем согласии признать Владислава царем только при условии освобождения всех русских земель от интервентов.[200] Следует подчеркнуть, что в «смоленском» воззвании рассказывается даже более подробно, чем в самом московском, о том, как после убийства «вора» в Москве зародился призыв к объединению против оккупантов: «В то время на Москве руские люди. . . стали меж себя говорить, как бы-де во всей земле всем людем соединятись и стати против литовских людей».[201] Этот призыв в «смоленской» грамоте был выдвинут (как оказывается, согласно ее тексту) вслед за москвичами (а не наоборот!), которые «все принялися и хотят стоять», и вслед за Гермогеном: он «на Москве. . . призывает к себе всяких людей явно», собирая вокруг себя всех, настроенных против интервентов.[202]

Целью обоих воззваний явилось разоблачение обмана августовского договора и обещаний прислать Владислава царем на Москву, разоблачение продажного поведения группки русских изменников и коварных замыслов интервентов с королем во главе. Обращает на себя внимание близость тем, поднятых в «смоленском» воззвании, казанской и рязанской грамотах, рассмотренных выше (московское воззвание эти же темы развивает несколько сокращеннее, нежели «смоленское»). В «смоленской» «грамотке» прямо говорится, что условий августовских договорных записей интервенты не сдержали: «Польские и литовские люди дали вам веру крестным целованьем всей земле Московской, а что на их вере вправду устояло?». И составители грамоты считают необходимым раскрыть перед всеми обман с кандидатурой Владислава: «. . . в Польше и в Литве никако тово не поступятца, что дати королевичя на Московское государьство мимо своего государьства».[203] Эта фраза звучит прямым ответом на присылку Сигизмундом III декабрьской грамоты, сулившей приезд Владислава в Москву, и, воз-

---

[199] СГГиД, ч. 2, № 216, стр. 478.

[200] Ср. ответную грамоту Гермогена Сигизмунду III от последних чисел декабря 1610 г. (там же, № 217).

[201] ААЭ, т. 2, № 176-II, стр. 300.

[202] Там же.

[203] Там же.

можно, на связанную с ней ответную грамоту патриарха от последних чисел декабря 1610 г., в которой Гермоген призывал Сигизмунда «делом совершити» «милостивое обещание», «отпустити вскоре» Владислава на царство, «чтоб им, государем нашим, все православное крестьянство приняло покой и тишину».[204]

Пространнее, чем московское воззвание, мнимая «смоленская» грамота рассказывает и о русских пленных, о тяготах жизни «православных крестьян» Русского государства, захваченных врагами, о том, как, не противясь «литовским людям», русские сдались врагам «для избавления душ своих, чтоб не отбыть православного крестьянства в латынство», но по всем городам и уездам «крестьянская вера» оказалась поруганной, иконы, церкви — разоренными, а жены, дети, братья, родственники, друзья тех, от чьего имени составлена «смоленская» грамота и к кому она обращена, — в плену. Знаменательно, что «смольняне» от первого лица рисуют картины «конечной погибели» русского населения во всех оккупированных городах и уездах: «И мы все, изо всех городов, из уездов, без останка и без всякого пощаженья погибли и не малыя милости и пощаженья не нашли».[205] Враги намерены окончательно поработить народ всего государства, «вывесть лутчих людей и опустошить всю землю»;[206] против этого «посеченья» и «плененья» населения Русской земли и призывает бороться «смоленская» грамота.[207]

Убеждая перестать слепо верить обману врагов, их «милосердию», их «ласке» и подняться, пока не поздно, на борьбу, «грамотка» повторяет свой призыв: «Естьли которые еще хотят в православной крестьянской вере скончатись, начните таковому делу душами своими и головами, чтобы быти всем крестьяном обще, всем в соединении! Оставьте свой страх! Или которым милосердием и ласкою прельщают, и все ли чаете жыти в миру и в покое?».[208] Призывы и мотивировка их в «смоленском» воззвании так же, как и в московском, религиозно окрашены. Так «смоленское» воззвание обращено к «братьям» по вере «всего Московского государьства» «всею землею общею стати за православную крестьянскую веру».[209] Судя по контексту грамоты, призыв к совместной защите православия от «латынства» означал призыв к единению городов Русского

[204] СГГиД, ч. 2, № 217, стр. 480.
[205] ААЭ, т. 2, № 176-II, стр. 299.
[206] Там же, стр. 300.
[207] Там же, стр. 299.
[208] Там же, стр. 300.
[209] Там же.

государства для освобождения всей «Московской земли» от «литовских людей».

В «смоленской» грамоте, как обычно в агитационной письменности, присутствует и тема разорения интервентами городов и уездов, изложенная в такой же обобщенной картине, как и в московской грамоте: «Где наши головы, где жены и дети, и братья, и сродницы, и друзи? Не остались ли есмя от тысящи десятой или ото ста един, токмо единою душею и единым телом?!».[210] Сильнее всего при этом звучит тема разорения церквей, поругания веры: «Во всех городех и в уездех, где завладели литовские люди, не поругана ли наша крестьянская вера и не разорены ли божия церкви?! Не сокрушены ли и поруганы злым поруганьем и укоризною божественныя иконы и божия образы?! Все то зрят очи наши».[211]

Авторы московской грамоты также обобщают понятие национальной самобытности в одном понятии — православного вероисповедания. Воззвание часто упоминает о том, что враги уготовили «вере крестьянской пременение в латынство и церквам божьим разоренье», что «во всех городех», в которые вошли «литовские люди», «святые церкви» и «иконы образа божья» «разорены и поруганы», что цель врагов и русских предателей — «без останка до конца разорити православная вера».[212]

Религиозная мотивировка борьбы за национальную независимость Русского государства, за центр его — Москву, пронизывает собою все содержание обоих воззваний и рязанской агитации, а также характерна, как мы видели, для других памятников патриотической агитации. Этого-то слияния призыва к защите «православной веры» с призывом к освобождению Москвы и «Московского государства» от иноземных иноверных врагов прежде всего и опасались польско-литовские интервенты. В воздействии на массы таких обобщенных призывов, выраженных в религиозной форме, они видели основную угрозу своему пребыванию на русской земле. Эти опасения явственно ощущаются в словах гетмана Жолкевского, понимавшего силу религиозных средств убеждения, которые применял патриотический лагерь, в частности П. П. Ляпунов, в своих агитационных грамотах.

«Православным крестьяном», подвергавшимся порабощению, противопоставлены «враги креста Христова», «литовские люди», а также «предатели крестьянские», русские изменники, т. е. те, кто ставил под угрозу национальный суверенитет «Москов-

---

[210] Там же, стр. 299.
[211] Там же.
[212] Там же, № 176-I, стр. 298.

ского государьства», кто, как выражаются составители московского воззвания, обрек «на разорение» «веру крестьянскую», а тем самым и русских людей — «на погубление».[213] В московской грамоте, как и в «смоленской», с картин разорения, которое приносят всей стране интервенты (о чем в основном сообщала и казанская грамота), внимание перенесено на описание ущерба, наносимого иноземными врагами всему православному христианству. Если в грамоте идет речь о вражеских насилиях, сообщается о разорении и невзгодах, постигших пленных «братьев» православных христиан, то в первую очередь подчеркивается «разорение» православной веры, поругание церквей, образов, угроза обращения всех «в латынство». Если говорится о надругательствах врагов в Москве, то прежде всего обращается внимание на то, что в ней подвергаются оскорблению Владимирская икона богоматери, а также образы «великих московских чюдотворцов», покровителей столицы, и лишь затем сообщается о тяготах москвичей — «братьев» всех «православных крестьян».[214] Далее рассказывается о том, что в Москве пытаются «до конца разорити православная вера», «предатели крестьянские» М. Салтыков и Ф. Андронов «с своими советники», которым противопоставлен как защитник и глава «православных крестьян» — патриарх Гермоген.

В духе религиозной мотивировки Москва изображается как центр православия: «Здесь образ божия матере, вечныя заступницы крестьянские, богородицы (ея же евангелист Лука написал), и великие светильники и охранители, Петр и Алексей и Иона чюдотворцы».[215] Изменить им, не присоединившись к борьбе за Москву, означало в таком понимании измену православному христианству, своей национальности. Составители московского воззвания не допускают возможности не внять такому мотиву убеждения: «. . . или вам, православным крестьяном, то ни во что же поставити?! Се же и глаголати и писати страшно».[216] Однако они все же считают нужным еще раз предостеречь граждан: «Только того ради не будете с нами обще страдати. . . нихто не мни и не веруй никоторому блазненному и лстивому слову, чтоб пощаженым быти»; или ниже: «А вы ни един того мните, что над вами будет то же».[217] Так религиозная оболочка в значительной мере покрывает собою

---

[213] Там же.
[214] Там же, стр. 298. 299.
[215] Там же, стр. 298.
[216] Там же.
[217] Там же.

патриотическую идею воззвания, стремящегося возбудить у русских людей тревогу за судьбу столицы и всего Русского государства, национальному суверенитету которого грозила «конечная погибель».

В «смоленской» грамоте призыв к борьбе за Москву мотивирован рассказом о письмах русских предателей, советовавших двинуть королевские полчища к Москве, и сопровождается призывом не верить вражескому обману, распознать измену предателей. По сравнению с московской грамотой, разоблачение лживости обещаний врагов в «смоленском» воззвании звучит сильнее, так как обман показан на большем числе примеров. В замыслы «противников» и «врагов» «всех московских людей», т. е. «литовских и польских людей» и предателей входило, как извещает грамота, полное овладение Москвой. Слуги короля, М. Салтыков и Ф. Андронов, изменяя родине, настойчиво предлагали Сигизмунду III поход на Москву. Они убеждали интервентов: отложить поход, «не притти самому королю со многими людми к Москве» и не учинить свою полную власть в ней, «не вывести с Москвы лутчих людей» — значит отказаться от захвата всего Русского государства. «Московскою землею. . . владсти» возможно, лишь овладев столицей.[218] В «смоленской» грамоте, как и в московской, овладение столицей расценивается как угроза и преддверие полного и окончательного порабощения всего Русского государства. Разоблачая предателей М. Салтыкова и Ф. Андронова «с своими советники», лицемерно обещавших «все сладкое и луччее», раскрывая обман всех «польских и литовских людей», давших «всей земле Московской» лживое крестное целование, «смоленская» грамота рассказывает, что в замыслы врагов входило намерение вслед за оккупацией столицы захватить Русское государство, «вывесть лутчих людей» его, «опустошить всю землю и владити всею землею Московскою».[219]

Именно «смоленская» «грамотка» (а не московская) наряду с приведенным выше рассказом о предателях воспроизводит московские призывы к борьбе и строит на их основе свои; ее составителям оказываются известны и призывы, во имя которых начали свою борьбу москвичи-патриоты, и призывы, с которыми устно и письменно (в своих грамотах) выступал патриарх.[220] В этой части «смоленского» воззвания более пространно, чем в московском (казалось, следовало бы ожидать

[218] Там же, № 176-II, стр. 300.
[219] Там же.
[220] Там же.

обратного), разрабатывается тема защиты «всей земли Московской», обнаруживается стремление подробно рассказать о том, что делается для этого в самой столице. Именно в «смоленском» воззвании подробно говорится о том, как «русские люди» в столице договорились между собою и крест целовали, «как бы-де во всей земле всем людем соединятись и стати против литовских людей, чтоб литовские люди изо всее земли Московские вышли все до одново»,[221] рассказывается, как началось движение среди московских посадских и какую деятельность развернул патриарх Гермоген (излагается даже содержание грамот, рассылаемых им «во многие городы»).

Как ни странно, оказывается, что обо всех этих московских делах «бедные пленные», явившиеся якобы составителями «смоленского» воззвания, были осведомлены раньше и подробнее, чем авторы московской грамоты.

И в московском и во мнимом «смоленском» воззваниях патриарх Гермоген выведен одним из достойнейших примеров патриотизма. Он поставлен во главе «православных крестьян» как провозвестник божественной помощи свыше («вначале божия милости»). В московском воззвании религиозной окраске патриотических призывов соответствовало применение книжно-риторических приемов при изображении патриарха как «первопрестольника апостольные церкви», стоящего «за веру крестьянскую», «яко сам пастырь» Христос.[222] «Смоленскому» воззванию свойственна более принятая в агитационной патриотической письменности манера изображения Гермогена как активного деятеля освободительного движения, речью и грамотами поднимающего народ на борьбу. Перелагая содержание патриарших грамот об условиях признания Владислава государем («будет королевич не креститца в крестьянскую веру и не выйдут из Московские земли все литовские люди»),[223] составители «смоленского» воззвания подчеркивают только основное требование Гермогена о выводе войск интервентов из русских земель, так как вопрос о возможности приезда Владислава на Москву был уже ими решен отрицательно. И далее всем подбором фактов «смоленское» воззвание доказывает, что Владислав не будет отпущен государем на Москву,

---

[221] Там же.

[222] Там же, стр. 299.

[223] Там же, стр. 300. В таком же смысле вопрос о царской кандидатуре решается в одной из ранних дошедших до нас крестоцеловальных записей участников будущего первого ополчения. О признании Гермогеном Владислава при этих условиях говорится в раннем варианте присяги ярославцев (там же, № 179-II).

что Сигизмунд III замыслил полное покорение столицы и государства под свою власть. Таким образом, в одном из воззваний, а именно в грамоте москвичей, облик патриарха Гермогена представлен в несколько более идеализированных тонах.

Рассказ о действиях московских патриотов, содержащийся в «смоленской» грамоте, по-видимому, не случайно вложен в уста не москвичей, а пленных «ис-под Смоленска». Москвичам было неудобно ставить в пример самих себя, говорить о собственном героизме, и они передали речь об этом тем, кто, далеко за пределами Москвы якобы уже знает об организации сопротивления в столице. «Пленные» — литературный образ, введенный составителями грамоты для того, чтобы представить картину московской жизни как вдохновляющий пример, следовать которому призывают патриоты, находящиеся вдали от Москвы, осудившие изменников и готовые к борьбе с ними.

Предположение о «литературности» этого образа подкрепляется еще одним соображением. Москвичи сообщают, что «братья» из-под Смоленска писали к ним, в столицу. Встает вопрос, зачем же надо было авторам «грамотки» так подробно писать о московских делах самим жителям столицы? Зачем напоминать участникам сопротивления о том, о чем они не «слухом» лишь, как под Смоленском, а и на деле знали? Очевидно, это сообщение о получении «грамотки» в Москве из-под Смоленска введено для придания большей достоверности самому образу авторов ее, для того, чтобы убедить читателей, будто «грамотка» действительно была написана самими пленными и пришла в Москву из-под стен героически борющегося с королевскими войсками Смоленска.

Содержание «смоленской» грамоты обнаруживает более полное и точное знание ее составителями московских событий, чем событий, происшедших под Смоленском и в нем самом. Смоленск изображается в обобщенных чертах, как город, «крепко и несумнено» стоящий «за православную крестьянскую веру», и в этом непоколебимом решении его якобы «заступает» бог и богородица. Не излагая подробностей самой осады Смоленска, составители грамоты ограничиваются намеком: «А то вы сами ведаете, что делаетца в Смоленске».[224]

На фоне общей характеристики положения дел в Русском государстве, освободить которое от врагов призывает «смоленская» грамота, Смоленск представляется как единственный среди городов, борющийся «за веру», т. е. за независимость

[224] Там же, № 176-II, стр. 300.

всей страны. Любопытно, что и московская грамота придает важное значение самому факту прихода грамоты из-под Смоленска, поскольку, очевидно, расчет делался на невольно возникавшую ассоциацию между призывами, якобы шедшими прямо из-под Смоленска, и представлениями об этом единственном к тому времени городе, оказывавшем вооруженное сопротивление интервентам. Правда, прямо об общегосударственном значении обороны Смоленска не говорится еще ни в московском, ни в «смоленском» воззваниях, в отличие от московской «Новой повести». Но, судя по отношению москвичей к смоленским событиям, выраженному в московском воззвании, видно, что они понимали всю важность агитации от имени «московских людей» из-под Смоленска. Такое же большое агитационное значение придают своему воззванию и составители самой «смоленской» грамоты, и это еще раз подтверждает близкое сходство самых задач, которые ставили авторы московской грамоты и «смоленского» воззвания, подкрепляет сомнение в подлинности последнего.

Таким образом, подводя итоги сравнения московской и «смоленской» грамот с рассказом очевидца московских событий конца 1610—января 1611 г. из казанской грамоты и с самой действительностью той поры, следует поддержать предположение С. Ф. Платонова и других исследователей о том, что «смоленская» «грамотка» не является подлинно смоленской. Кроме фактических неточностей, которые уже подмечались исследователями ранее, это предположение подтверждается и сходством основных тем данной грамоты с содержанием московской и казанской агитации, а также агитации патриотов рязанского ополчения и других городов, установивших связь с Москвой и Рязанью.

Обе грамоты, московская и мнимая «смоленская», по содержанию представляют собой пламенные воззвания, обращенные ко всему народу Русского государства и призывающие к борьбе за изгнание из его пределов польско-литовских интервентов, за освобождение от врагов столицы государства и восстановление национальной независимости страны. Они появились, очевидно, в последних числах декабря 1610 г. или в первых числах января 1611 г., когда назрела необходимость полного разоблачения вражеского и боярского обмана, когда стали раскрываться захватнические планы Сигизмунда, требовавшего присяги и на его имя, а затем в конце декабря 1610 г. вновь попытавшегося обещать приезд Владислава на Москву. Поэтому в обоих воззваниях внимание сконцентрировано именно на тех событиях из жизни страны, которые могли

быть использованы для разоблачения обмана договорных записей и заверений вражеской боярской агитации.

Как мы уже видели, между «смоленской» и московской грамотами обнаруживается не только сходство тем, мотивировки неотложности борьбы, но также и полное единство выдвигаемых призывов.

В подлинной агитационной письменности Смоленска или Смоленской области, в партизанских отрядах, с началом осады стали вырабатываться соответственно обстановке свои, местные призывы — до конца оборонять смоленские земли от королевских полчищ; они сохранялись до последних дней осады. «Смоленское» же воззвание перелагает содержание призывов москвичей и Гермогена, рассказывая о начавшейся освободительной борьбе в столице. Что касается призывов от лица «бедных пленных», то они почти во всем сходны с призывами московской грамоты: это призывы к борьбе за национальную независимость Русского государства, в защиту народа от плена и истребления, а национальной культуры и быта — от поругания. Патриотические идеи борьбы за сохранение самобытности Русского государства, его независимости от посягательств «врагов» «всего православного крестьянства», «литовских людей» в обоих воззваниях облекаются в религиозную форму.[225]

В московской грамоте призыв к защите Москвы выражен ярче, чем в «смоленской», где сильнее звучит воззвание к освобождению всей «Московской земли». Призыв москвичей облечен в форму лирически окрашенного обращения: «Для бога, судьи живым и мертвым, не призрите беднаго и слезнаго нашего рыдания: будьте с нами обще, заодно, против врагов наших и ваших общих! Помяните одно: только коренью basованье крепко, то и древо неподвижно; только корени не будет, к чему прилепитца?».[226] Патриотический смысл примененной здесь аллегории очевиден. Русское государство изображается в виде «древа», «basованьем», «коренью» которого является его столица — Москва. Пока корни дерева здоровы и крепки, до тех пор и само оно непоколебимо, «неподвижно». Полная гибель дерева так же, как и государства, начинается с гибели его основы, корней, т. е. столицы. Возродить его после этого к жизни уже невозможно: не будет к чему «прилепитца».

Призыв к совместной борьбе за Москву звучит в обеих грамотах как призыв постоять за столицу всего государства. В зависимость от судьбы этого города поставлено будущее

---

225 Там же, № 176-I, стр. 298.
226 Там же.

всей страны — «конечная» погибель ее, полная потеря национальной независимости и гибель, порабощение всего «православного крестьянства», или освобождение Русской земли от всей этой «нашедшей пагубы». Такое осмысление задач освободительной борьбы свидетельствует о высоком уровне государственного сознания авторов московской и мнимой «смоленской» грамот. Через оба воззвания проходит тема тревоги за судьбу оккупированной Москвы, в которой уже пробуждается протест, и всего Русского государства («Московской земли», «Московского государьства»), которое в случае окончательного захвата столицы Сигизмундом обречено на гибель.

Лишь один призыв, который есть в «смоленской» грамоте, не нашел отражения в московском воззвании. Но и это был призыв москвича — призыв, с которым патриарх Гермоген выступил после убийства Лжедимитрия II. По сравнению с московской грамотой, этот призыв скорее всего мог бы быть воспринят как иллюстрация неполноты этой грамоты.

Таким образом, мнимое «смоленское» воззвание, не упоминая ни одного местного, смоленского призыва, строится на основе тех общих патриотических призывов, под знаменем которых выступали москвичи и патриарх Гермоген. Это еще раз подтверждает старое сомнение исследователей в подлинности «смоленского» воззвания и служит доказательством в пользу его связи с современной московской патриотической агитацией. Все призывы, содержащиеся в нем, так близки призывам казанской и рязанской агитации и оказались настолько жизненными для патриотов центральных районов государства, как будто они сложились не вдали от центра освободительного движения, а в атмосфере формирования первого народного ополчения, собиравшегося вокруг «корени» Русского государства, для освобождения от интервентов Москвы и всего «Московского государьства». Влияние призывов обеих грамот — московской и «смоленской» — на патриотическую агитацию было исключительно велико. Все они нашли отклик в агитационной письменности начала 1611 г.

Предположение о том, что московская и «смоленская» грамоты связаны не только идейно, подтверждается и фразеологическим сходством между ними. Приведем примеры такого сходства.

«Смоленская» «грамотка»	Московская грамота
Господам братьям нашим всево Московского государьства...	Господам братьям своим. . . Всем народом Московского государьства.

...*смертная наша погибель*....	...*смертная наша погибель* конечная ...
...*конечная погибель*...	...*погибель конечная*...
Во всех городех и в уездех, где завладели литовские люди, не поругана ли наша крестьянская вера и не *разорены ли* божия церкви?	...в тех *во всех городех*..., *где литовские люди владеют* святыми церквами и над иконами образа божья, *не везде ли разорено и поругано*?
Не ото многих бо *предателей* крестьянских вся земля погибла.	...*немногие* вслед идут *с предатели с крестьянскими*.
... начните таковому делу *душами* своими *и головами*, чтоб быти всем крестьяном *обще* всем в соединении.	... к концу погибели пришедших *душами и головами*! Станьте с нами *обще* против врагов.
... или которым милосердием и ласкою прельщают... какую хотите милость и *пощаду* собе *найти*?!	... нихто не мни и не веруй никоторому блазненному и лстивому слову, чтоб *пощаженым быти*.
...*в латынство*... и *в посеченье ни во пленение не разведенным* быть.	... не ведити *быти посеченым и в плен разведеным в латынство*.

«Смоленская» грамота, как и московская, часто прибегает к риторическим вопросам — обращениям. Этим и другими стилистическими приемами обе грамоты сближаются с троицкой школой письма, что отмечал еще С. Ф. Платонов.

Ранняя из сохранившихся грамот Троицкого монастыря (от архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына) также объясняет всю «смуту» в Московском государстве «божиим праведным судом, за умножение греха всего православного христианства»; «предатели христианскии» называет Салтыкова и Андронова «с своими советники»; «литовских людей» — «вечными врагами христианскими», «вечными врагами креста Христова»; говорит о «поругании» и «разорении» церквей и образов, о «конечной погибели народа»; разоблачает обманные обещания Сигизмунда; именует Гермогена «пастырем и учителем»; напоминает об ожидаемой помощи бога и богородицы, «заступницы вечной рода христианского».[227]

В троицкой грамоте самый призыв к выступлению выражен в форме, очень близкой к московскому и «смоленскому» воззваниям: «. . . быти всем православным крестьяном в соединении и стати обще заодно против предателей крестьянских. . . противу. . . полских и литовских людей».[228]

[227] Там же, № 190, стр. 328—329 (от июля 1611 г.)
[228] Там же, стр. 329.

Подобные совпадения не только в содержании, но и в форме выражения подтверждают мысль С. Ф. Платонова, что в составлении обоих воззваний — от москвичей и «бедных пленных» — принимал участие автор, знакомый с литературными навыками троицких книжников.

Все вышесказанное позволяет заключить, что в «смоленской» «грамотке» корреспондент вымышлен, что этот памятник не следует рассматривать как подлинное письмо группы пленных ко всем «православным крестьянам», якобы посланное ими в Москву. (Москвичи — действительные составители этого воззвания — скрыли себя под именем «бедных пленных», будто бы находящихся под Смоленском и переносящих, как многие русские, притеснения интервентов). Это уже не документ, а литературно обработанное, эмоционально окрашенное и стоящее на грани литературы воззвание, оформленное в виде «грамотки» (как одной из разновидностей деловой письменности) и стилистически выдержанное в этом жанре.

Прямое практическое агитационное назначение воззвания ярко выражено. Оформленное как подлинное письмо страдающих в плену русских людей, оно должно было, по мысли его составителей, особенно сильно воздействовать на сознание тех русских патриотов, к которым было прежде всего адресовано (нижегородцам, вологодцам, новгородцам).

«Грамотка» «ис-под Смоленска» и сопровождавшая ее грамота от лица москвичей существенно отличались от «отписок» организаторов народного ополчения того времени. Как известно, вся деловая сторона сбора войска и вооружения, согласования действий отдельных городских и уездных отрядов была в конце 1610—начале 1611 г. не в руках москвичей, поэтому на долю их письменных обращений в другие города пришлось почти исключительно воздействие на общественное мнение. Средством для этого была передача известий о насилиях оккупантов и предательстве боярского правительства, разоблачение лживых обещаний Сигизмунда III. В какой бы обобщенной форме ни передавались эти известия, они должны были разбудить патриотические настроения, вызвать сочувствие к «бедным пленным», к разоренному народу, которому грозит «конечная погибель», и заставить задуматься над тем, что опасность от врагов грозит каждому, что необходимо активное противодействие им. Эти задачи и поставили перед собой составители так называемой «смоленской» «грамотки» и сопроводительной к ней грамоты москвичей.

«Грамотка», не указывая имен и не приводя точных названий, рассказывает о тяжелом положении населения «во всех горо-

дех и в уездех», где хозяйничают интервенты, и «у короля в обозе», под Смоленском, куда люди пришли, чтобы выкупить родных; разоблачает со ссылками на документы (письма бояр) предательство правительства и замыслы короля; напоминает о героизме смольнян. Рассказ о событиях пронизан прямыми обращениями-воззваниями: объединиться для борьбы, не верить никаким обещаниям врагов, помнить о грозящей всем опасности. Единственный конкретный совет-указание относится к рассылке данной «грамотки» по городам. Страшной клятвой в истинности всего изложенного («Да не будет на нас милость божья в сем веке и в будущем») заключается это воззвание.

Самим стилем изложения «грамотка» подсказывает оценки событий и их участников — сочувственные или осуждающие. «Бедные пленные люди», «бедные матери и жоны и дети», «безлобивые младенцы», «без останка и без всякого пощаженья погибли», «порабощены . . . смертною работою»; церкви и вера «разорены», «сокрушены», «поруганы»; «вся земля погибла». Положительный пример поведения показывают москвичи, которые «принялися и хотят стоять» по зову патриарха за православную веру, сам Гермоген и смольняне, которые «седят крепко и несумнено». Им противостоят «литовские люди», чьи злодеяния описаны весьма эмоционально, и «предатели крестьянские» «своей вере и земле» — «Михайло Салтыков, да Федор Ондронов, да князь Василей Мосальской и с своими советники».

Приподнятый тон изложения усиливается нередкими риторическими вопросами («Не поругана ли наша крестьянская вера и не разорены ли божия церкви?»; «Где наши головы, где жены и дети, и братья, и сродницы и друзи?»; «Какую хотите милость и пощаду собе найти?!» и т. д.).

Придавая, как и московская грамота, призыву к защите национальной независимости государства религиозную окраску, составители «смоленской» «грамотки» еще сильнее пронизывают изложение элементами церковного стиля и свою скорбь о бедствиях родины, и надежду на ее спасение выражают в форме молитвословий.[229] Вот как, например, в «грамотке» разъясняется термин «братья», к которым обращаются ее составители: «Братия есми и сродницы, понеже от святыя купели святым крещением породихомся и обещахомся веровати во святую и единосущную троицу, богу живу истинну». Это разъяснение

---

[229] Там же, № 176-II, стр. 299.

находит близкую параллель в ранней из сохранившихся троицких грамот, где «общий народ крестьянский всего Казанского государьства»[230] призывается выступить против врагов, «помня истинную православную християнскую веру, яко вси родихомся от крестьянских родителей и знаменахомся печатию, святым крещением, и обещахомся веровати во святую живоначалную и неразделимую единосущную троицу, богу живу истинну».[231]

Композиционное отличие грамоты — «отписки» москвичей от мнимого «смоленского» воззвания состоит в том, что в ней, как этого требовал сам жанр именно сопроводительного документа, прежде всего (хотя и очень кратко) излагается содержание пересылаемой «грамотки». Выдавая последнюю за подлинный документ, присланный в Москву, составители тем самым развивают литературный замысел авторов, пишущих якобы из-под Смоленска: они заверяют своих адресатов, что «грамотка» пришла в Москву издалека, и рекомендуют рассылать ее по всей стране, подтверждая авторитетом «бедных пленных» правдивость всего рассказа о бедствиях народа под властью оккупантов.

Передавая содержание «документа», москвичи в своей «отписке» уже не говорят ничего конкретного о поведении интервентов, о чинимых ими насилиях, о поднимающемся в Москве движении против них. Сопроводительная грамота не только ссылается на то, о чем «извещают» в «грамотке» «братья. . . разореные пленные», но и опускает ряд сведений о событиях, в том числе из жизни столицы: «А о своих головах что и писати вам много?! Сами правду ведаете, что в тех во всех городех зделалось, где литовские люди владеют. . . Не везде ли разорено и поругано?». Москвичи стремятся лишь к тому, чтобы подчеркнуть страшную опасность, грозящую от врагов государству, Москве, православной вере, русским людям. Это стремление побуждает их подбирать эмоционально окрашенные слова для определения «богопопустным гневом праведным за наше согрешение» посланных несчастий: «последнее оскуденье», «конечная погибель», «смертная наша погибель конечная», «неисцелная язва», «пагуба», «разорено и поругано». Страдающие от захватчиков «бедные», «разореные пленные» остались без «отцов, матерей, и жон, и детей» и не имеют «где главы подклонити»; их просьбы о помощи — «бедное и слезное» «рыдание».

---

[230] Там же, № 190, стр. 329 (грамота адресована в Казань).
[231] Там же.

В грамоте москвичей даны оценочные определения врагов: «литовские люди» — «враги креста Христова», «враги всего православного крестьянства», их русские помощники, прежде всего бояре «Михайло Салтыков, да с Федором Ондроновым с своими советники» — «предатели крестьянские». Патриарх Гермоген, как уже отмечалось, идеализирован: он «прям, яко сам пастырь, душу свою за веру крестьянскую полагает несуменно». Намеченная здесь метафора: Гермоген — евангельский пастырь, душу свою отдающий за свою паству, будет широко развита в московской же «Новой повести о преславном Росийском царстве».

Прямые обращения к «господам братьям своим» за помощью нередко сопровождаются, как в «грамотке» пленных, риторическими вопросами, которыми заключаются эмоционально окрашенные напоминания о бедствиях страны: представив гибель «корени государьства», Москвы, авторы воззвания задают риторический вопрос тем, кого они зовут спасать столицу: «Только корени не будет, к чему прилепитца?». Напомнив, что в Москве находятся национальные святыни, которые надо защитить от врагов, они спрашивают: «Или вам, православным крестьяном, то ни во что же поставити?!». Обобщенно изобразив «вере крестьянской пременение в латынство и церквам божьим разоренье», грамота спрашивает: «Не везде ли разорено и поругано?».

Просьбы присоединиться к тем, кто восстает против врагов и «предателей крестьянских» — бояр, выражаются не в деловитой форме конкретных указаний, куда двигаться отрядам, с кем договариваться, где готовить военное снаряжение, как это делали организаторы народного ополчения в своих «отписках», а в виде эмоциональных обращений и предупреждений о грозящей всем опасности: «Для бога, судьи живым и мертвым, не призрите беднаго и слезнаго нашего рыдания, будьте с нами обще, заодно, против врагов наших и ваших общих», «нихто не мни и не веруй никоторому блазненному и лстивому слову, чтобы пощаженым быти», «пощадите нас, бедных, к концу погибели пришедших душами и головами! Станьте с нами обще против врагов креста Христова! Аще общаго нашего моленья услышит милосердый бог и даст нам помочь». Авторы просят «не призрети» опасности, нависшей над православной верой и над «братиями» своими.

Сильный налет религиозных настроений, так же как и в «грамотке», представляет характерную черту московского воззвания. Эти настроения подсказали составителям лексику церковного языка («богопопустный гнев», «бог, судья живым

и мертвым», «всемилостивый бог», богородица — «вечная заступница крестьянская», святые — патроны Москвы — «великие светильники и хранители»). Выражениями надежды на помощь свыше пронизано все воззвание.

Итак, оба памятника — «грамотка» пленных и сопровождающая ее «отписка» москвичей — представляют собой агитационные воззвания, существенно отличающиеся от массы документов межгородской переписки.

Оба воззвания были составлены, очевидно, в кружке московских патриотов,[232] связанных с патриархом Гермогеном и П. П. Ляпуновым. Как видно из содержания «смоленского» воззвания, посланного в города вместе с сопроводительным московским, в кружке московских патриотов на данном этапе национально-освободительного движения объединились люди, общей целью которых была борьба с захватническими замыслами Сигизмунда. В нем объединились те, кто, как патриарх Гермоген и автор «Новой повести», а также, видимо, составители «смоленского» воззвания (в нем настойчиво напоминается главным образом об угрозе «лутчим людям») поддерживали в свое время августовский договор, а теперь выступали против нарушений договорных условий, и те, кто, как П. П. Ляпунов, разделяли отрицательную оценку этого договора служилым дворянством.

Воззвания не ставят перед собой никаких конкретных организаторских целей. Их задача — пробудить патриотические настроения, внушить самую мысль о необходимости вооруженной борьбы против интервентов и в первую очередь о неотложности освобождения Москвы — «корени» государства — от оккупации. Сохраняя в самом построении признаки документальных «отписок» — грамот, которыми «пересылались» между собой организаторы народно-освободительной войны с самого ее начала, оба памятника стоят уже на грани публицистической литературы. «Грамотка» «бедных пленных» — воззвание, лишь стилизованное в форме подлинного письма, а сопровождающая ее подлинная «отписка» москвичей включает вымышленные сведения об этой «грамотке» и ее получении в Москве.

Таким образом, не только бо́льшая литературность изложения, сравнительно с документами межгородской переписки времени начала народно-освободительной войны и организации первого ополчения отличает так называемую «смоленскую»

---

[232] См.: Очерки истории СССР, стр. 554, 556; см. также: Платонов. О двух грамотах, стр. 197—198.

и московскую грамоты-воззвания, но и в самой их композиции сказывается литературный замысел, продиктованный целями агитации.

* * *

Наблюдения над сохранившимися памятниками московской и тесно связанной с ней казанской и рязанской агитации, которая звала к освобождению от оккупантов в первую очередь Москвы, а затем и всего Московского государства, показывают, что в конце 1610—начале 1611 г. определилось новое направление идеологической борьбы патриотов с интервентами и боярским правительством.

Если в ранней агитационной письменности преобладающим средством убеждения у организаторов народно-освободительного движения было описание насилий, разорения, надругательств, чинимых врагами над национальными святынями, то в этот период на первый план выдвигается разоблачение лживых обещаний врагов, данных в августовском договоре и широко оглашенных боярской агитацией, раскрывается посягательство договорных записей на национальный суверенитет страны и подчеркивается национальная измена боярского правительства, определяются имена патриотов и изменников, начинают вырисовываться черты будущих положительных и отрицательных героев «Новой повести».

В то время как в межгородской переписке первых месяцев народно-освободительной войны (1608—1609 гг.) призыв к защите отечества слился с призывом быть верными царю (Василию Шуйскому), — в период правления «семибоярщины» последний призыв отпал. Направленная против вражеской и боярской агитации, патриотическая агитационная письменность призывала к борьбе против «полских и литовских людей» и против русских изменников, «которые... королю прямят», против присяги Сигизмунду III и его обманного заверения дать на царский престол королевича Владислава. Обещание поставить русским царем на Москве королевича Владислава вызвало в межгородской агитационной переписке стремление разоблачить этот обман. Патриотическая агитация звала к освобождению от интервентов Москвы, Смоленска и всего «Московского государьства», к защите национальной независимости, к борьбе «за православную крестиянскую веру».

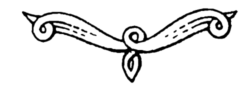
Изложение, особенно в московских воззваниях, приобретало все большую религиозную окраску. Усиливалась его эмоциональность, все чаще появлялись прямые обращения к читателям, призывы, предостережения, даже угрозы. Идеали-

зация патриотов влекла за собой применение соответствующих средств панегирического стиля. Все это делало литературность изложения более ярко выраженной, в отличие от скупо делового стиля ранних памятников агитационной письменности.

В первые месяцы народно-освободительной войны и в период организации первого ополчения агитационные задачи неразрывно связывались с практическими, военно-организационными, и в содержании документов — «отписок», «грамот» — конкретные указания и распоряжения, направляющие военные действия, сливались с призывами к борьбе и доказательствами ее необходимости и неотложности. В конце 1610—начале 1611 г. кружок патриотов начал рассылать из оккупированной Москвы воззвания, существенно отличающиеся от документов межгородской переписки того же времени, хотя и совпадающие с этими документами по содержанию призывов и характеру убеждающих доводов. Стоящие на грани литературы, обращенные ко всем «православным христианам», эти московские воззвания полностью посвящены призывам к борьбе и стремятся убеждать не только подбором фактов, но и эмоциональным их изложением. Участие литературно подготовленных людей в их составлении очевидно.

Обзор агитационной патриотической письменности конца 1610—начала 1611 г., сопоставление казанского, рязанского, московского и мнимого «смоленского» воззваний обнаруживают общность основных тем, приемов убеждения, призывов агитации центральных районов Русского государства, направление которой в ту пору было столь отлично от направления смоленской агитации.

На фоне памятников патриотической агитационной письменности, интенсивно появлявшихся накануне ряда восстаний против оккупантов в столице в начале 1611 г. и сбора под Москвой первого ополчения, становится более понятным создание уже подлинно литературного патриотического по содержанию произведения агитационного характера, столь необычного по своей форме, — «Новой повести о преславном Росийском царстве и великом государстве Московском». Так же, как и воззвания московских патриотов, «Новая повесть» заключает в себе прямой призыв к вооруженной борьбе с интервентами. Это и определило выбор автором жанра, сближающего его произведение с современной ему документальной агитационной письменностью.



Глава II

«НОВАЯ ПОВЕСТЬ», СОВРЕМЕННАЯ ЕЙ АГИТАЦИОННАЯ ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА

1

Историки литературы не раз отмечали, что многие литературные произведения, созданные в начале XVII в., во время крестьянских восстаний и польско-шведской интервенции, ставили перед собой прямую задачу воздействовать на общественное мнение. Защищая одних участников событий и осуждая других, авторы этих произведений были выразителями общественно-политического сознания той или иной социальной группы, занимавшей в классовой борьбе данного периода и в национально-освободительном движении против интервентов определенную позицию.

Среди произведений, особенно ярко отразивших оценку действий правительства «семибоярщины» и лагеря Сигизмунда III с позиций патриотического лагеря, в котором временно объединились с трудовым народом и некоторые слои феодальных верхов, выделяется «Новая повесть о преславном Росийском царстве и великом государстве Московском». Своеобразная по форме и остро публицистичная по содержанию, «Новая повесть» — наиболее убедительное свидетельство того, как в решающие годы борьбы за национальную независимость Руси тесно сближались между собой задачи агитационной письменности и литературы, как литература противоправительственного лагеря в годы боярского правления вынужденно становилась подпольной, когда ее агитационные цели выступали с полной очевидностью, и поэтому правящим верхам она представлялась особенно опасной.

Немногочисленные исследования о «Новой повести» содержат различные решения вопросов, касающихся не только формы,

в которой она написана (см. об этом стр. 93), но и времени ее создания и идейных позиций автора.

Более всего разработан вопрос о времени возникновения «Новой повести». С. И. Кедров определял дату написания «Новой повести» промежутком времени между возвращением части посольства из-под Смоленска в Москву (в конце декабря 1610 г.) и отъездом оставшихся в Вильну (12 апреля 1611 г.).[1] Макарий высказывал предположение, что «Новая повесть» была создана не позднее начала января 1611 г., когда «сам Гермоген, кажется, еще не находился под стражей».[2]

Наиболее полное обоснование датировки «Новой повести» находим у С. Ф. Платонова. По его мнению, повесть сложена после 14 декабря 1610 г., но до второй половины января 1611 г.[3] Верхняя граница устанавливается временем, когда до Москвы дошла весть об убийстве Лжедимитрия II: автор «Новой повести» нигде о нем не упоминает, между тем как до убийства о тушинском «царьке» постоянно говорилось в агитационной письменности и литературе. Нижнюю границу датировки С. Ф. Платонов основывает на том, что, судя по тексту, автору «Новой повести» были известны лишь события, совершившиеся в октябре, ноябре и декабре 1610 г., а о событиях начала 1611 г. упоминаний нет.[4] Объяснение последнему С. Ф. Платонов видит в том, что автор «Новой повести» якобы не знал ни о движении в городах, ни об ополчении, руководимом П. П. Ляпуновым, ни о деятельности Гермогена и грамотах, которые тот рассылал по городам.[5] Исследователь сам указывает, что «страстность, с какою написана Повесть, заставляет с осторожностью относиться к ее фактическим показаниям»,[6] но, датируя памятник, видимо, забывает об этом предостережении. Опираясь на то, что «Новая повесть» обходит молчанием начавшуюся борьбу против интервенции, С. Ф. Платонов ограничивает время ее создания началом января 1611 г. и даже склонен предполагать, что автор написал ее к рождеству

[1] См.: С. И. Кедров. Авраамий Палицын. — ЧОИДР, кн. IV, 1880, стр. 62.

[2] Макарий. История русской церкви, т. X. СПб., 1881, стр. 165. Однако следует напомнить, что в грамоте конца января 1611 г. рязанцы сообщали нижегородцам, как им удалось добиться у боярского правительства облегчения участи патриарха и возвращения ему части его дворовых людей и писцов (см.: ААЭ, т. 2, № 176-III).

[3] Платонов. Древнерусские сказания, стр. 117—118, 120—121, сноска 3.

[4] Там же, стр. 113—120.

[5] Там же, стр. 116.

[6] Там же, стр. 129.

Христову, рассчитывая, что на святки в Москву стекалось множество народа.[7]

Между тем отсутствием упоминания о ряде событий начала января 1611 г. нельзя с точностью обосновать датировку «Новой повести» до тех пор, пока анализ всего содержания произведения не покажет, что его автор действительно не знал об этих событиях, а не умолчал о них сознательно.

Притом, на основании имеющихся в «Новой повести» сведений крайний срок ее создания можно было бы отодвинуть и до начала февраля 1611 г., так как расправу с Блинским, о которой рассказывает автор, некоторые исследователи относят к концу января—первым числам февраля этого года.[8]

На вопрос об авторе этого произведения и его идейной позиции давались разные ответы, хотя определение этой позиции как «патриотической» было общим для всех исследователей.

Если С. И. Кедров [9] признал достоверность автобиографических сведений «Новой повести» и назвал ее автора «женатым человеком», который писал «из Кремля», т. е., очевидно, как досказывает эту мысль Макарий, был одним из «московских бояр, сидевших с поляками в Кремле (1610—1612)»,[10] или был близок к тогдашним правительственным кругам, то уже почти одновременно с этим архим. Леонид, Д. Скворцов [11] и рецензент работы С. Ф. Платонова в журнале «Русская мысль» (очевидно, П. Н. Милюков) [12] связали этого автора с Троицким монастырем. По мысли Д. Скворцова, автор «Новой повести» — не москвич, а «кто-нибудь из Троицы» и мог быть в Москве временно. Рецензент «Русской мысли» доказывал троицкое происхождение «послания» на основе дважды встречающихся в тексте выражений: « . . . иже у нас в Троице чудотворцы»,

---

[7] См.: там же, стр. 120—121, сноска 3; С. Ф. Платонов. Новая повесть о Смутном времени XVII века. — Статьи по русской истории. СПб., 1903, стр. 75. Описание неспокойно прошедших святок 1610—1611 гг. в Москве см. у Маскевича в кн.: Н. Г. Устрялов. Сказания современников о Димитрии Самозванце, т. II, стр. 49—50.

[8] С. Ф. Платонов датирует это событие декабрем 1610 г. (Платонов. Древнерусские сказания, стр. 122—123). Предложенная С. Ф. Платоновым датировка «Новой повести» принята современными исследователями. Несколько менее определенно датирует ее А. А. Назаревский: «. . . была написана во второй половине (может быть, в конце) декабря— начале 1611 г.» (Назаревский. Очерки, стр. 30).

[9] С. И. Кедров. Авраамий Палицын, стр. 62.

[10] Макарий. История русской церкви, т. X, стр. 165.

[11] Архим. Леонид. Сведения о славянских рукописях, стр. 196; Д. Скворцов. Дионисий Зобниковский. Тверь, 1890, стр. 71.

[12] «Русская мысль», 1888, март, библиографический отдел, стр. 161.

но подвергал сомнению автобиографические эпизоды «Новой повести», назвав их «мистификацией, употребленной с целью скрыть истинное положение автора», который был исполнителем поручения патриарха Гермогена. Далее рецензент высказал предположение, что написана «Новая повесть» по поручению самого патриарха, так как слова Гермогена о его отношении к восстанию якобы можно было внести в рассказ, лишь зная сокровенные думы патриарха.[13]

Вернувшись к точке зрения С. И. Кедрова, искавшего автора «Новой повести» в служилых кругах Москвы, С. Ф. Платонов уточнил характеристику вероятного автора-москвича: «Сочинитель подметного письма был простым дворянином или сыном боярским, или же приказным дьяком», который пытался «подорвать. . . в глазах народа» авторитет предательской аристократической верхушки.[14] Имеющийся в произведении резкий авторский отзыв о духовенстве (исключая оценки Филарета и патриарха Гермогена) приводит исследователя к выводу о том, что автор не мог быть представителем духовенства и монашества.[15] Позднее С. Ф. Платонов остановился на том мнении, что автором «Новой повести» был московский дьяк Новгородской чети Григорий Елизаров, ушедший от польских репрессий из Москвы в Троицкий монастырь.[16] Той же точки зрения (что автор — приказный дьяк) придерживается Н. К. Гудзий [17] и одна из групп авторов «Истории Москвы».[18] Суждение исследователей о том, что автор — «дворянин, находившийся на службе у боярского правительства»,[19] основано на представлении, что в мировоззрении автора «ярко выражена противобоярская тенденция».[20] Так слагается мнение, что автор «Новой повести» — идеолог служилого дворянства.

---

[13] См.: «Русская мысль», 1888, март, Библиографический отдел, стр. 161.

[14] Платонов. Древнерусские сказания, стр. 112, 126; подобной же точки зрения полностью придерживается С. К. Шамбинаго (История русской литературы, т. 2, ч. 2, стр. 37).

[15] См.: Платонов. Древнерусские сказания, стр. 111—112.

[16] См.: Платонов. Очерки, стр. 473, 480—481 и примечания 200 на стр. 632 и 195 на стр. 631 (однако в этом случае автор вряд ли упустил бы возможность напомнить о героизме защитников монастыря).

[17] См.: Н. К. Гудзий. История древнерусской литературы. Изд. 6-е, М., 1956, стр. 354.

[18] См.: История Москвы, т. I, стр. 333 (авторы раздела С. В. Бахрушин, А. А. Новосельский).

[19] Там же, стр. 629 (авторы раздела С. В. Бахрушин, С. К. Богоявленский, Н. В. Устюгов).

[20] Там же; см. также: Очерки истории СССР, стр. 607 (автор раздела Л. Н. Пушкарев).

Другая группа современных исследователей определяет социальное лицо автора и его идейную позицию иначе. В. Мальцев предлагает рассматривать «Новую повесть» «как целую политическую программу посадского мира, резко расходившуюся с политической линией боярства и дворянства».[21] Д. С. Лихачев определяет «Новую повесть» как «одно из первых в русской литературе выступлений средних классов населения».[22] Н. И. Тотубалин считает, что автор — «дворянин, сын боярский или приказный дьяк»,[23] явившийся выразителем «национальных идеалов» «новой, прогрессивной» к тому времени силы «посадского земского мира», что он принимал активное участие в первом и втором народных ополчениях, т. е. «выражал интересы средних сословий Москвы». Это заключение сделано на основе выпадов «Новой повести» в адрес боярских правителей — изменников, духовенства, не поддержавшего патриарха, и на основе авторских высказываний против «рабов-смердов».[24]

Учитывая предшествующие наблюдения, А. А. Назаревский, внимательно подобрав все эпизоды «Новой повести», в которых ее автор говорит о Москве («у нас зде в великом граде» или «зде у нас»), подкрепляет ими вывод, что автор — москвич и высказывает убедительное предположение, что дважды повторенное выражение «у нас в Троице» представляет собой позднейшее добавление «переписчика, монаха или вообще обитателя Троице-Сергиевой лавры».[25] Автора «Новой повести» А. А. Назаревский предлагает «отнести к демократическим кругам населения, боровшегося против интервентов, несмотря на некоторые противоречия и неясности в его высказываниях».[26] Напомним, что в понятие «демократические круги» А. А. Назаревский включает и так называемые «социальные низы» (городскую и крестьянскую бедноту) и служилый и посадский люд, и мелкое и среднее (отчасти) дворянство, и низшее и среднее (отчасти) духовенство.[27]

Из краткого обзора мнений историков и литературоведов о времени создания «Новой повести», ее авторе и избранной им форме изложения видно, что некоторые вопросы, притом

[21] В. Мальцев. Историческое значение обороны Смоленска в 1609—1611 годах. — Сб. «Смоленская оборона 1609—1611 гг.», Смоленск, 1939, стр. 16.

[22] Лихачев. Национальное самосознание, стр. 119.

[23] Тотубалин. Новая повесть.

[24] Там же, стр. 338.

[25] Назаревский. Очерки, стр. 30—32.

[26] Там же, стр. 32—42.

[27] Там же, стр. 8.

весьма существенные, остаются еще не решенными. В итоге мы не можем еще с полной ясностью представить себе, насколько «Новая повесть» характеризует литературный процесс начала XVII в. и в какой мере она связана с развитием агитационной письменности. Требует также пересмотра вопрос об идейной позиции автора, с которой неразрывно связан и самый способ изображения им участников событий. Характеристика отдельных приемов изложения, примененных в «Новой повести», не раскрывает еще литературного метода ее автора в целом и потому не дает достаточного материала для определения места этого произведения среди современных ему историко-публицистических памятников литературы и агитационной письменности. Возникший еще в 80-е годы XIX в. спор о том, рассказывает ли автор в «Новой повести» свою действительную биографию, или он «мистифицирует» читателя, чтобы скрыть ее, до последнего времени [28] был забыт (после исследования С. Ф. Платонова автобиографические данные памятника были признаны безусловно правдивыми).[29] Между тем мы видели по «смоленской» грамоте, что современная «Новой повести» агитационная письменность прибегала, с определенной целью, к тому приему, который исследователи этой «Повести» назвали «мистификацией» читателя, т. е. к изложению вымышленной биографии автора. Наконец, не разъяснен до конца самый отбор фактов, отраженных в «Новой повести», — определяется ли он лишь осведомленностью автора, или общественно-политической тенденцией, продиктованной его идейной позицией.

В дальнейшем изложении делается попытка наметить решение этих вопросов.

2

Не только своеобразная форма, но и само содержание «Новой повести» дает мало материала для сопоставления ее с историко-публицистическими произведениями на темы событий «Смуты». Да и по своей композиции она резко отличается от всех остальных повестей и сказаний полным отсутствием «исторического» подхода к теме.

В ряду историко-публицистических повестей начала XVII в. «Новая повесть» хронологически и по затронутым в ней темам

---

[28] Там же, стр. 33 и др.

[29] А. А. Назаревский, примыкая в общем к точке зрения С. Ф. Платонова, выражает сомнение в полной искренности всех высказываний автора повести о себе (см.: Назаревский. Очерки, стр. 33). Подробнее об этих сомнениях скажем ниже.

ближе всего стоит к «Плачу о пленении и о конечном разорении Московского государства». Только в «Плаче», так же как и «Новая повесть» написанном в тяжелые дни оккупации Москвы интервентами, с большой силой выражена скорбь патриота, свидетеля изменнических действий боярского правительства и мужественной обороны Смоленска, первых попыток внутри Москвы организовать сопротивление «окаянным» врагам. Оценка этих событий и их участников в «Плаче» совпадает с отношением к ним автора «Новой повести». Однако, в отличие от последней, автор «Плача» не зовет к активной борьбе, он лишь скорбит и убеждает искать выход в молитве о помощи свыше.[30] Отличает «Плач» и то, что, подобно другим повестям периода «Смуты», в нем рассказ о сегодняшнем дне начинается с воспоминаний о времени первой крестьянской войны, о первом Самозванце. И все же лишь в «Плаче», подобно «Новой повести», в центре внимания автора стоят злободневные события и связанный с ними вопрос — как спасти «великую Россию» и «преименитый град Москву» от захватчиков.

Из остальных повестей, возникших после освобождения Москвы от интервентов, очень кратко вспомнили об обороне Смоленска «Словеса дней и царей» И. Хворостинина и «Повесть книги сея», приписываемая Катыреву-Ростовскому. Деятельность Гермогена получила высокую, идеализированную оценку во «Временнике» И. Тимофеева, у Хворостинина и в Хронографе 1617 г., сдержанно похвальную — в «Повести книги сея» и в «Сказании» Авраамия Палицына. Больше внимания некоторые авторы уделили рассказу о великом посольстве, судьбе которого в «Новой повести», наоборот, отведено меньше места, чем повествованию о смольнянах и Гермогене, а в «Плаче» эта тема вообще обойдена. Авторы, вспоминавшие о «смутном времени» уже в царствование первого Романова, излагали в преувеличенно хвалебном тоне историю посольства, в котором видную роль играл отец и соправитель царя — патриарх Филарет. Тема посольства заняла видное место в «Словесах дней и царей» Хворостинина и особенно в «Повести книги сея».

Ближе всего к «Новой повести» подошли произведения, совпадающие с ней в отрицательной оценке боярского правительства, в частности Салтыкова и Андронова. «Временник», «Повесть книги сея» и (несколько сдержаннее) «Иное сказание»

---

[30] См.: История русской литературы в 3 томах, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, М.—Л., 1958 (Институт мировой литературы им. А. М. Горького и Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР), стр. 217.

изображают «седмочисленных бояр» изменниками, предавшимися на сторону врагов.

В то время как большинство авторов, писавших о «Смуте» и до и после автора «Новой повести», подходили к своей задаче издали (иногда от царствования Ивана IV) в поисках корней трагических событий, все внимание «Новой повести» сосредоточено полностью на «текущем моменте». Автор не заглядывает не только в XVI век, но даже в ближайшие минувшие месяцы. Он не вспомнил ни царя Василия Шуйского, предшественника «седмочисленных бояр», ни второго Самозванца, ни осады Троицкого монастыря. Он пишет не «в память предъидущим родом», он еще не историк эпохи, а участник или хотя бы свидетель событий, страстно зовущий современников незамедлительно активно вмешаться в них. Поэтому он не уводит их внимание к фактам, уже миновавшим, не пускается в экскурсы в прошлое, обычные у всех писателей его времени. Он объясняет своему читателя только то, что сейчас совершается на его глазах, сопровождая свои объяснения призывами действовать.

Эта особенность «Новой повести» и была причиной того, что исследователи сразу сблизили ее не с историко-публицистической литературой, хотя, как увидим, автор использовал некоторые ее традиции, а с патриотическими воззваниями, прямой задачей которых было сплочение народа в борьбе за независимость родины. Сопоставляли ли при этом «Новую повесть» с «посланиями», шедшими из Троицкого монастыря, или с якобы «подметными письмами», распространявшимися из Москвы, и т. д., «Новая повесть» представлялась разновидностью именно этих, деловых по своему назначению, образцов агитационной письменности.

Однако следует заметить, что «послания» и «подметные письма» (последние более характерны для времени крестьянской войны под руководством И. И. Болотникова и социального движения второй половины XVII в.) не были не только единственной, но даже и наиболее распространенной формой агитационной письменности рассматриваемого периода. Агитационные функции выполняли прежде всего те грамоты, «грамотки» и «отписки», какими обменивались между собой организаторы народно-освободительного движения с самого его начала, т. е. с 1608 г., и в частности — в период организации первого народного ополчения под стенами Москвы. Не была «подметным письмом» и та якобы «смоленская» «грамотка», которую со своим сопроводительным письмом москвичи (очевидно, совместно с рязанцами) предназначали для рассылки по городам, поднимавшимся на борьбу, и которую чаще всего сопоставляют

с «Новой повестью», доказывая, что она представляет собой, пусть литературно обработанное, но все же «подметное письмо». Следует сразу оговориться, что сочинение, пространно изложенное на 19 листах, не могло распространяться как «подметные листы» путем наклеивания ночью на воротах и стенах или разбрасывания в людных местах. Оно передавалось из рук в руки.[31] Из текста самого произведения видно, что автор был намерен распространить свое «писмо» только среди определенного круга населения, среди патриотов, «которыя за православную веру умрети хотят» (л. 388 об.). Давать «писмо» автор наказывал, строго «разсмотряючи и ведаючи», только «своей братие, православным християном», «а не тем, которыя были наша же братия. . . а ныне всею душею, без раскаяния отвратилися от християнства, и во враги нам претворилися, и. . со враги соединилися, и вкупе с ними вооружилися, и хотят нас до конца погубити» (л. 388 об.). Такой строгий выбор читателей был совершенно несовместим с чаще всего практиковавшимся способом распространения «подметных писем». По замыслу автора, его «писмо» должны были передавать из рук в руки определенным лицам. Враги и предатели, перебежчики не должны были не только читать, но и знать о существовании этого тайного «писма» («тем бы есте отнюд не сказывали и не давали прочитати» — л. 388 об.). Зная о наличии среди москвичей патриотически настроенных людей, автор смог тайно передать свое произведение кому-нибудь из них, о чем можно судить хотя бы по тому, что до нас дошел уже список с авторского текста. Очевидно, автор имел возможность «единому кому» из патриотов «втайне рещи» и свое имя, но не сделал этого (л. 388—388 об.).

Подобный способ распространения скорее всего напоминает пересылку агитационных грамот, «отписок». Любопытно в этой связи вспомнить текст подлинной смоленской агитационной «отписки». Отправляя ее из осажденного города, составители тоже не были уверены, кому она попадет, и наказывали передать ее тем, кому она обращена: «А где ся отписка придет к Москве, и вам бы сослать сее отписку в полки, ко князю Михайлу Васильевичю, к смольняном, а будет придет в полки, и вам бы послать к Москве, к смольняном же, чтобы всему городу Смоленску дворяном и детем боярским было ведомо».[32]

Перейдем к вопросу об отношении «Новой повести» к тематике и форме изложения памятников агитационной письмен-

---

[31] См.: Тотубалин. Новая повесть, стр. 332.
[32] АИ, т. 2, № 265-I, стр. 317.

ности, образцы которой характеризовались в первой главе настоящей работы, т. е. к «грамотам», «грамоткам» и «отпискам» преимущественно конца 1610—начала 1611 г. Отдельные эпизоды и факты «смоленской» «грамотки», сопровождавшей ее грамоты москвичей, а иногда и казанской «отписки» сопоставлялись уже исследователями с соответствующими эпизодами «Новой повести». Постараемся проследить, чем эта повесть близка к современной ей агитационной письменности патриотического лагеря в целом.

Основные темы «Новой повести» — разоблачение обмана королевских обещаний, закрепленных августовским договором 1610 г., раскрытие истинных намерений Сигизмунда III и предательской политики боярского правительства — это темы агитационной патриотической письменности центральных районов Русского государства, где в конце 1610—начале 1611 г. начало формироваться первое подмосковное ополчение, темы, особенно сильно прозвучавшие, как мы видели, в памятниках казанской, московской, рязанской, нижегородской агитации, а позднее и в грамотах других городов и волостей. Но эти общие с агитационной письменностью темы разработаны в «Новой повести» с гораздо более широким привлечением традиционных художественных приемов изложения, с большим литературным мастерством, сказавшимся не только в умении выдержать определенный план, но и в создании ярких образов врагов родины и контрастно противостоящих им образов патриотов — защитников ее.

* * *

С. Ф. Платонов уже обратил внимание на то, что по самому наименованию произведения — «Новая повесть» — определить его жанр невозможно, поскольку заглавие представляет собою позднюю приписку [33] и не соответствует целям, которые ставил перед собою автор. Это не всестороннее повествование о событиях, предназначенное для потомков, а произведение, которое должно было «возбудить открытое восстание в Москве» против интервентов и обращалось к современникам.[34]

---

[33] См.: С. Ф. Платонов. Статьи по русской истории. СПб., 1903, стр. 53, сноска; см. также: Платонов. Древнерусские сказания, стр. 109, сноска.

[34] См.: С. Ф. Платонов. Статьи по русской истории, стр. 53. Вслед за приписанным позднее заглавием в повести следует уже встречавшееся нам обобщенное обращение к патриотам всего Русского государства: «Преименитаго великого государства матере градовом Росийского царства православным християном, всяких чинов людем, которые еще. . . к сопрником своим не прилепилися» (л. 369).

Автор «Новой повести» сам определяет в заключении жанр своего произведения как «писмо»: «А сему бы есте писму верили без всякого сумнения. Яз вам сказываю и пишу» (л. 387 об.). Или далее: «И кто сие писмо возмет и прочтет, и он бы ево не таил, давал бы, разсмотряючи и ведаючи, своей братие, православным християном, прочитати вкратце» (л. 388 об.).

«Письмами» назывались не только «подметные письма». Иногда так определялись и произведения агитационной патриотической письменности (к примеру, московское воззвание),[35] где этот термин употребляется наравне с более частыми — «отписка», «грамотка», «грамота».[36] Как и «смоленская» «грамотка», «писмо» автора «Новой повести» представляет собой по самой своей задаче воззвание.[37] Поэтому рассказ о событиях прерывается в нем прямыми обращениями-призывами к читателю, подсказывающими ему определенные действия, либо укоряющими за страх перед врагом, либо приглашающими верить словам автора, вдуматься в них: «Вооружимся на общих сопо-

---

[35] ААЭ, т. 2, № 176-I, стр. 299.

[36] Письмом («писмом») в начале XVII в. называли то, что в старшем периоде определялось как «писма», «письмена», т. е. грамота, послание, сочинение, писание (ср.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II. СПб., 1902, стлб. 939. В дальнейшем — Срезневский. Материалы). В деловом языке, кроме того, «письмо» обозначало и самый процесс написания, работу пишущего (именно в этом значении рязанцы писали, что патриарх Гермоген не мог ответить на их «отписки» «письмом», так как у него были отняты дьяки и подьячие и некому было писать (см.: ААЭ, т. 2, № 176-III, стр. 301). Среди различных значений слова «грамота» в книжном языке древней Руси уже с XI в. известны следующие: письмо, деловая бумага («грамоты назывались разными названиями, смотря по тому, для какого дела они были написаны» — Срезневский. Материалы, т. I. СПб., 1893, стлб. 579—580). Письма отдельных лиц и коллективные одинаково могли называться грамотами или уменьшительно: «грамотка», «грамотица». «Отъписъку» И. И. Срезневский определяет как «записка», «доклад», вариант: «отпись» — «запись», «грамота». Эти значения явно связаны с глаголом «отъписати» — «написать, сообщить письменно» (Срезневский. Материалы, т. II, стлб. 805—806).

[37] Не меняет этого вывода и сопоставление «Новой повести» с троицкими «посланиями». По своей форме последние ничем не отличаются от агитационной патриотической письменности, и определение их как «посланий» принадлежит исследователям (С. И. Кедрову и архим. Леониду). Издатели т. 2 «Актов Археографической экспедиции» определяют одно из них (под № 190) как «воззвание», другое (под № 202) как «послание». В текстах же самих троицких агитационных произведений первое определено как «грамота» (ААЭ, т. 2, № 190, стр. 330), второе — как «писанье» (там же, № 202, от апреля 1612 г., стр. 343). Агитационные произведения Троице-Сергиевского монастыря по своей форме — те же воззвания-грамоты.

стат»; «Поревнуем и подивимся. . . Смоленьску»; «Подивимся и удивимся пастырю нашему»; «Сами вси видите»; «Приидите, приидите, православнии . . . мужайтеся, и вооружайтеся, и тщитеся на враги своя . . . не выдайте. . . спасителей наших»; «Скажу вам истинну, а не лжу»; «На то не смотрите, православнии християне и не имите тому веры»; «Сему слову болше верте, христолюбцы»; «А вы, православнии, не помогаете ему»; «Не нерадите о себе и о всех нас. Мужайтеся, и вооружайтеся и совет между собой чините»; «И препояшемся оружием телесным же и духовным» и т. д.

Подчеркивая агитационный характер своего «писма», автор в духе агитационной письменности указывает на необходимость его широкого распространения, как об этом писалось в «отписках» и «грамотах». Тот, «кто сие писмо возмет и прочтет, и он бы ево не таил, давал бы . . . своей братие, православным християном, прочитати вкратце . . . чтобы им было ведомо, а не тайно» (л. 388 об.). В той же традиции автор «Новой повести» убеждает поверить его «писму»: «А сему бы есте писму верили без всякого сумнения» (л. 387 об.).

Придавая изложению вид воззвания, автор «Новой повести» обнаруживает и стремление отойти от строго документальной формы. Черты литературного произведения обнаруживаются с первого обобщенного обращения и хорошо прослеживаются во всей композиции. «Новая повесть» построена по определенному плану, общая схема которого лишь отчасти обусловлена структурой делового документа, традиционными приемами изложения, принятыми в агитационной письменности. Этот план нельзя назвать просто трехчленным (на основе вставки в текст трех призывов),[38] поскольку ясно, что автор использует форму документа — грамоты. Нет также оснований считать изложение и беспорядочным.[39] Поднятые в «Новой повести» темы, характерные для всей агитационной патриотической письменности, излагаются в определенной последовательности, которой автор строго придерживается и на которую он постоянно указывает в тексте своего произведения.

Так, вслед за речью о героической борьбе Смоленска, автор считает долгом сказать и о стойкости русского посольства, находящегося под его стенами. Подобно тому как свое повествование о Смоленске автор начинает словами: «Поревнуем и подивимся великому оному нашему граду Смоленьску» (л. 369 об.), так же начинает он свою речь о посольстве: «По-

---

[38] См.: Т о т у б а л и н. Новая повесть, стр. 333.
[39] См.: П л а т о н о в. Древнерусские сказания, стр. 112.

добает же нам ревновати и дивитися и посланным нашим от всея нашея великия Росия» (лл. 370 об.—371) и о патриархе Гермогене: «Паче же подивимся и удивимся пастырю нашему и учителю» (л. 374 об.).

Вынужденный по ходу изложения, в рассказе о посольстве, напомнить о «благородных и великих самех земледержцов наших и правителей» (пославших послов под Смоленск), автор не может сразу не дать осудительную оценку их поведению — «ныне же, близ рещи, и кривителей» (л. 371). Однако, стремясь к последовательному изложению, он не переключается здесь на рассказ о том, почему правительство достойно подобной оценки. Автор заранее знает, что речь об этом он поведет позже, в другом месте и по другому поводу, поэтому оговаривается: «. . . и не о том днесь слово, иже впредь узрите» (л. 371). Такой же оговоркой автор сопровождает разоблачение обмана, совершаемого Сигизмундом III и его «доброхотами» из боярского правительства, ослепленными богатством: « . . . о них же нам впреди вмале будет слово» (л. 373).

Подвергнув разоблачению предательскую деятельность королевских «доброхотов», среди которых есть вознесшиеся не по чинам, автор не переходит тут же к характеристике отдельных лиц, а завершает начатый рассказ о событиях под Смоленском и о королевских захватнических планах, перенося речь о Михаиле Салтыкове и Федоре Андронове к последующей части, в которой повествуется о московских событиях и патриархе. « . . . о именех же их несть зде слова», — вновь оговаривает автор определенную последовательность своего изложения (л. 373).

Прославляя самоотверженный героизм патриарха Гермогена, якобы единственного, кто нашел в себе мужество противостоять врагам, оккупировавшим Москву (л. 376), автор напоминает об этом еще раз через несколько страниц фразой, подтверждающей продуманность его изложения: «Яко же и преже рех, что некому иному будет без него им, врагом, возбранити и стати накрепко, яко же он, государь» (л. 380 об.).

В связи с разоблачением предателей из боярского правительства автор подчеркивает глубину их падения ссылкой на то, что они служат «рабу». Но уже в первых строках своего произведения (л. 373) автор обещает сказать об Андронове позже: « . . . и смотрят из рук и искверных уст его, что им даст и укажет, яко нищии, у богатаго проклятаго. Иже впреди и мы вам проклятое имя его от бога и от человек вмале объявим. Зде же еще впреди поидем» (л. 382). И действительно, в заключение повествования о предательской деятельности бояр-

ского правительства автор осуществляет свое обещание, разоблачая злодеяния Федора Андронова (лл. 385 об.—386 об.) как самый яркий и возмутительный пример измены родине.

Как видим, по своей композиции «Новая повесть» не представляет последовательного сюжетного повествования о развертывающихся событиях; план ее построения отражает своеобразие художественного восприятия и оценок автором-патриотом современной ему исторической действительности.

3

Внутреннее единство всего изложения и стройность композиции поддерживаются тем, что все «писмо»-воззвание проникнуто единой «лирической стихией»,[40] авторским патриотическим настроением, его тревогой за судьбу Русского государства, желанием пробудить в соотечественниках решимость подняться на вооруженную борьбу против интервентов. Авторское лирическое настроение и определяет контрастную композицию произведения, противопоставляющую патриотам врагов и предателей, и лежит в основе художественных характеристик тех и других. Это постоянство главного принципа оценки событий и их участников обнаруживается уже в начальном обращении, которое несколько отличает «Новую повесть» от документальной агитационной письменности и сближает ее с московским и «смоленским» воззваниями.

Вместо обычных для воззваний всего периода интервенции обращений с точным указанием социальной принадлежности адресатов, автор «Новой повести», обходя социальные различия, начинает свое агитационное произведение обобщенным обращением к «православным християном». Он избегает упоминать о социальном разделении населения, предпочитая ему общее деление всех людей на патриотов и на врагов или изменников. Противопоставление патриотов и предателей пронизывает все изложение «Новой повести» с первых и до завершающих ее строк. Автор начинает «Новую повесть» обращением к «православным християном. . которые еще душь своих от бога не отщетили, и от православные веры не отступили, и верою прелести не последуют, и держатся благочестия, и к соперником своим не прилепилися, и во отпадшую их не уклонилися, и паки хотят за православную свою веру стояти

[40] Б. Бурсов. О национальном своеобразии и мировом значении русской классической литературы. — «Русская литература», Л., 1958, № 1, стр. 28—29.

до крове» (л. 369). Аналогичным противопоставлением повесть и кончается: автор просит давать его «писмо» «своей братие, православным християном. . которыя за православную веру умрети хотят», «а не тем, которыя были наша же братия, православныя християне, а ныне всею душею, без раскаяния, отвратилися от християнства, и во враги нам претворилися, и с ними, со враги, соединилися, и вкупе с ними вооружилися, и хотят нас до конца погубити» (л. 388 об.).

Для автора основным критерием деления населения на патриотов, к которым он обращается, и на врагов и их сообщников, изменников родины, является отношение к «христианской вере», символизирующей собою национальную культуру и независимость государства. Первый призыв к вооруженной борьбе полностью построен на таком отождествлении защиты отечества с защитой православия: «Вооружимся на общих сопостат наших и врагов, и постоим вкупе крепостне за православную веру, и за святыя божия церкви, и за свои души, и за свое отечество, и за достояние, еже нам господь дал! И изберем славную смерть. . нежели зде безчестное и позорное и горкое житие под руками враг своих» (л. 369—369 об.).

Призыв автора обрамлен рассуждением на религиозные темы. Обращаясь к религиозным чувствам своих читателей, он призывает их позаботиться о своих душах. Он обещает им после смерти в борьбе с врагом загробное «царство небесное и вечное» (л. 369 об.).

Основной призыв к защите веры и национальной независимости, в обобщенном виде выражающий задачу борьбы против нарушений августовского договора с Сигизмундом III, автор повторяет и от лица смольнян, напоминая о том, что осажденные в Смоленске русские люди решили не сдаваться и не покоряться и единодушно до конца стоять против «общего. . . сопостата и врага, короля», Сигизмунда III, «за православную веру, и за святыя божия церкви, и за свои души, и за всех за нас», т. е. русских людей (л. 369 об.). Несмотря на то, что этот призыв имеет более сильную религиозную окрашенность по сравнению с лозунгами, с которыми выступали сами народные защитники Смоленска, автор верно передает их основное содержание, ставшее известным в Москве, очевидно, еще в 1609 г. Авторскую вставку представляют лишь слова о том, что смольняне стоят «за всех за нас», отразившие понимание автором «Новой повести» громадного значения обороны Смоленска для защиты всего Русского государства.

В соответствии с религиозной окраской патриотических призывов, автор вводит в окончательную форму своего призыва к вооружению и к восстанию образ «оружия духовного»: «Паки молю вы, — начинает автор свой развернутый призыв. — Не нерадите о себе и о всех нас! Мужайтеся, и вооружайтеся. . И препояшемъся оружием телесным же и духовным, сиречь молитвою и постом и всякими добрыми делы, и станем храборъски за православную веру и за все великое государство, за православное християньство, и не подадим того пастыря нашего и учителя и крепкаго побораталя по вере православной и того нашего преславнаго града, иже за всех за нас такоже стоит и сопостата нашего держит. Сами все ведаете, что аще не ныне умрем, всяко умрем. . Аще ли ныне терпим, время длим, сами от себя за свое нерадение и за недерзновение погибнем. Что стали, что оплошали, чего ожидаете, и врагов своих на себя попущаете, и злому корению и зелию даете в землю вкоренятися, и паки, аки злому горкому пелыню, распложатися?!» (л. 383—383 об.).

Образ «оружия духовного», которым должны вооружиться все патриоты, относится к группе традиционных метафор, использующих воинскую терминологию в применении к борьбе за истинную веру: в «Новой повести» эти метафоры широко развернуты в рассказах о Гермогене. Восходящее в конечном итоге к Библии, это метафорическое осмысление воинской терминологии через церковно-панегирические жанры проникло в историческую литературу и в повестях о Смуте начала XVII в. приобрело особую популярность. Причину этого следует искать, по-видимому, в том, что борьба за независимость государства отождествлялась в это время с борьбой за православную веру, и потому в сознании народа патриоты сближались с мучениками за веру, к которым в течение всего средневековья прикреплялось определение — «воин Христов».[41] В таком же духе выдержан призыв автора «Новой повести» к незамедлительной организации вооруженного восстания против польско-литовского закабаления «всего великого государства», за освобождение от национального порабощения, призыв к вооруженной борьбе до победы или смертного конца. В этом широком значении мотив защиты «православной христианской веры», как мы видели, обязательно присутствует в агитационной патриотической письменности на про-

[41] В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 102—109. (В дальнейшем — Адрианова-Перетц. Очерки).

тяжении всего периода борьбы против иностранной интервенции, а в период 1610—начала 1611 гг. становится ведущим во всех призывах к борьбе за восстановление национальной независимости страны.

Совпадение призыва «Новой повести» к вооруженной борьбе с призывами агитационных грамот особенно оттеняется своеобразием другого призыва, с каким обращается также патриотически настроенный автор «Плача о пленении и о конечном разорении Московского государства» к «благочестивым, христоподражателной любве исполненым людям». Автор «Плача», близкий к автору «Новой повести» в оценке смольнян, патриарха Гермогена и предательского боярского правительства, особенно Салтыкова и Андронова, зовет лишь «просити милости у всещедраго бога с неутешными слезами и воздыханием и стенанием. . . покаянием и милостынями и прочими благими детелми».[42]

Характерными признаками патриотов, с точки зрения автора «Новой повести», являются верность православию как символу национальной культуры и независимости, готовность активно защищать его и отказ от какого бы то ни было сотрудничества с врагами.

Авторский призыв стоять «вкупе крепостне за православную веру, и за святыя божия церкви, и за свои души, и за свое отечество, и за достояние, еже нам господь дал» (л. 369) раскрывает это главное требование к патриотам. Таковы были цели смольнян, защищавших свой город от войск Сигизмунда (лл. 369 об.—370), и послов, оказавшихся под стенами Смоленска (л. 374), и Гермогена, внушавшего этот основной призыв в своих устных выступлениях-проповедях (лл. 374 об.—375).

Подлинные патриоты, о которых ведет речь автор, отличаются стойкостью в борьбе с врагом, они готовы принять смерть, но не сдаваться. Таковы защитники Смоленска, единодушно отказавшиеся покориться королю, отвергшие всякие его «прелестные ложные обещания» (л. 369 об.), исполненные «храбрости, и крепости, и великодушия», и «непреклонного ума» (л. 370). Не сговариваясь, их поддерживают послы, которые «крепце и непреклонно» (л. 374) отстаивают договорные условия и, «в руках будучи у своего злаго сопостата и врага, и у смерти стоячи, и всякую нужу терпячи, и лиц своих противу его, сопостата, не стыдят, и в очи ему говорят, что отнюдь єво воли не бывати и самому ему у нас не живати, да не токмо ему, но и рожденному от него» (л. 374 об.). Так же «крепок»

[42] РИБ, т. XIII, стлб. 233.

в своем стремлении защитить «веру» патриарх Гермоген, который «всегда близ смерти стоит от тех общих наших врагов и губителей» (л. 381 об.).

Целям патриотов противостоят намерения врагов и примкнувших к ним изменников. Они умышляют: «. . . како бы им великое государьство наше похитити, и вера християньская искоренити, и своя богомерзская учинити» (л. 372).

Отрицательная оценка врагов и их «способников», так же как и положительная оценка патриотов, вытекает из ясного понимания того, что враги и изменники родины угрожают национальной независимости Русского государства и подготавливают его захват. Автор пишет, что враги «хотят нас конечно погубити, и под меч подклонити, и подружия наша и отроды в работу и в холопи поработити, и прижитие наше пограбити, горше же всего и жалостнее, — святую нашу непорочную веру вконец искоренити, и свою отпадшую учинити, и сами в нашем достоянии жити» (л. 377).

Воинство короля названо «бесовъским» (л. 373 об.) враги «безбожниками» (л. 378 об.). Также «безбожниками» (л. 370), «веры отступниками» (л. 378), которые «от бога отпали и от православныя веры отстали» (л. 373), «богоотступниками. разорителями веры християнския. . первенцами сатанины. . . июдиными предателя Христова братиею» (лл. 376 об.—377) называет автор и изменников родины, потому что они «заедино с ними, со враги. . . хотят нас всех погубити и веру християньскую искоренити» (л. 382 об.).

«Новая повесть» прямо говорит о том, что необходимо врагов «победити и царство свободити» (л. 376 об.). Победа возможна, как пишет автор, если таких стойких патриотов, как смольняне и патриарх Гермоген, в «Росийском государстве хотя и немного было, не токмо что все» (л. 370 об.). Поэтому он строго осуждает изменников родины и своей целью ставит возбудить в патриотах стремление к активной борьбе, подражание «крепким стоятелям», Смоленску и Гермогену. Только благодаря таким стойким патриотам, убеждает автор, «все великое наше государьство спасется, и от тех врагов избавится, и отстоится» (л. 376).

Однако ни общие оценки патриотов и врагов-изменников, ни приведенные в «Повести» примеры образцового поведения патриотов — жителей Смоленска, членов великого посольства, патриарха Гермогена, сами по себе еще не позволяют составить сколько-нибудь определенного представления о социальных симпатиях автора. Ниже на основе анализа содержания «Новой повести» мы поставим вопрос о том, к какой социальной

группе участников национально-освободительного движения конца 1610—начала 1611 г. ближе всего стоял патриотически настроенный автор.

4

С особым воодушевлением говорит автор о защитниках Смоленска и о важнейшем значении обороны этого города для охраны национальной независимости всей страны.

В современной «Новой повести» документальной агитационной патриотической письменности центральных и северных районов тема смоленской обороны не получила значительного развития. В конце 1610—начале 1611 г. в центр внимания агитационной письменности попадали прежде всего новейшие события дня; о стойкости же смольнян, осажденных еще осенью 1609 г., было уже широко известно. Внимание привлекала судьба великого посольства и его отдельных членов, что «было им скорбьно» (см. казанскую грамоту).[43] О защите Смоленска агитационные грамоты писали скупыми фразами деловой речи в связи с рассказом о нарушении августовского договора, предусматривавшего снятие осады с города: «И нынеча, господа, король стоит под Смоленском с литовскими людми, к Смоленску приступает безпрестани, забыв крестное целованье», — сообщали ярославцы.[44]

От такого лаконичного, точного делового сообщения фактов в агитационной письменности отличается образный эмоционально окрашенный язык «смоленской» и сопровождающей ее московской грамот, а также «Новой повести», когда они вспоминают об осажденных смольнянах.

Художественные приемы автора «Новой повести» подчинены стремлению изобразить героическую борьбу Смоленска, как пример патриотизма для всеобщего подражания: Смоленск «всем нам по бозе и по православной вере побарати ревность дает, чтобы мы все, видев его крепкое и непреклонное стояние, такоже крепко вооружилися и стали противу сопостат своих» (л. 376 об.). Четко осознавая общегосударственное значение обороны Смоленска в ходе борьбы с интервенцией, автор обрамляет свою речь горячими призывами последовать примеру стойкости и мужества истинных патриотов, защитников города: «Поревнуем и подивимся великому оному нашему граду Смоленьску», — начинает автор риторическим обращением-призывом свое восхваление Смоленска (л. 369 об.).

---

[43] ААЭ, т. 2, № 170-I, стр. 292.
[44] Там же, № 179-I, стр. 305 (от февраля 1611 г.).

Ярко оценочный характер эпитетов, которыми сопровождается речь об осажденном городе, показывает, что автор прославляет Смоленск за героическую борьбу с врагами родины: «великий. . град» (л. 369 об.), «крепкостоятелный и поборательный по вере» (лл. 370 об., 373 об.), «крепкий град» (л. 372 об.), «крепкий наш. заступник и поборник» (л. 372 об.), «воистинну великий град» (л. 375). Подбор отдельных синонимов подчеркивает стойкость, активность сопротивления города-патриота: Смоленск «крепко вооружился, и укрепился, и не покорился, и не здался. Да и ныне стоит и крепится, близ рещи, что все великое наше Росийское государство держит и всех тех врагов наших, тамошных и здешних, и того самого общаго нашего сопостата короля страшит» (л. 375).

Те же средства помогают автору показать, как быстро мог бы овладеть Русским государством враг, «аще бы не оный град по се время ему претил и држал, без всякаго бы сомнения, давно сопостат нашь у нас зде был. И аще бы ему бог попустил за великия грехи наша, вконец бы всеми нами обовладел и во всем бы над нами волю свою сотворил» (л. 375 об.).

Эмоционально окрашенные эпитеты, синонимы, риторические вопросы и обращения, подчеркивающие непреклонный, «крепкий» дух патриотов Смоленска, и создают тот торжественный стиль, которым автор повествует о смоленских событиях.

Обращая внимание читателей на длительность обороны Смоленска риторическим восклицанием («сами ведаете, с коего времяни сидят» — л. 369 об.), автор выражает свое преклонение перед стойкостью сопротивления осажденных — своей же «братии, православных християн», которые «в е л и к у ю всякую с к о р б ь и т е с н о т у терпят» «и всякое в е л и к о е у т е с н е н и е терпят», но «стаят к р е п ц е» (л. 369 об.).[45]

Патриотизм и мужество смольнян — «к р е п к о е стояние и в е л и к о е скорбное терпение» (л. 370 об.) — получают высокую авторскую оценку. Их героизм подчеркивается перечнем достоинств: смольняне наделены «храбростью, и крепостью, и великодушием, и непреклонным умом» (л. 370). Картина героической борьбы осажденных приобретает особую динамичность благодаря ряду глагольных синонимов: «. . .многих. . . наших врагов перерубили, и перегубили, и позорныя смерти многим давали. Да и ныне. . . всегда их, врагов, губят и зелне им грубят» (л. 370).

---

[45] Здесь и дальше нами выделяются разрядкой те слова в тексте «Новой повести», которые характеризуют анализируемые художественные средства, применяемые ее автором.

Сообщая о решении смольнян стоять не на жизнь, а на смерть, автор выражает свое сочувствие патриотам в эмоционально окрашенных определениях их действий и настроений: осажденные «хотят славне умрети, нежели безчестне и горко жити» (л. 369 об.). Единодушие, с которым смольняне приняли и до последних дней жизни готовы выполнять свое решение, автор подчеркивает синонимическим рядом, не зная или возможно, преднамеренно замалчивая все факты социальных столкновений: «И вси стоят единодушьно, и непреклонно, и неподвижно умом и душею» (л. 369 об.).

В данном случае автор «Новой повести» отступил от действительности, достоверно отразив лишь преобладающую настроенность осажденных по отношению к вражескому лагерю, которая сохранялась до последних дней осады. В общем же «Новая повесть» правдиво осветила огромное значение обороны Смоленска в ходе борьбы с открытой интервенцией Сигизмунда III. По оценке историков, Смоленск в этой войне играл роль города-ключа ко всему Русскому государству.[46] Государственное сознание автора «Новой повести» помогло ему оценить значение смоленской обороны для судьбы страны. Широко разработав смоленскую тему, он ярче, чем авторы других современных ему агитационных и литературных произведений, показал и подчеркнул важность сопротивления смольнян. По мнению автора, интервенты, Сигизмунд III именно «непокорением и удержанием того крепкаго нашего града еще не до конца все наше Росийское великое государьство у себя в руках видят» (л. 372 об.), но если враг сумеет овладеть Смоленском, он покорит Москву, а с нею и всю страну (л. 373 об.). Города-крепости, подобные Смоленску, — надежная защита государства и достойны восхваления: «Аще бы таких крепкостоятелных и поборательных по вере градов в Росийском государстве хотя и немного было, не токмо что все, никако же бы тем нашим врагом и злым волком было в нашу землю входно, отнюдь, просто рещи, и повадно» (л. 370 об.). И если защитники Смоленска устоят до победного конца, «тою своею крепостию все царство удержат от того лютаго нашего сопостата» (л. 370 об.), тогда «во оном царстве сам той град спасеся, и иных спасе, и сопостата и врага-короля попра и прогна, и все свое великое государство удержа» (л. 370 об.).

В приведенном ниже риторическом восклицании чувствуется восхищение автора тем, что слава о геройском подвиге смольнян

---

[46] См.: Мальцев. Борьба за Смоленск; Очерки истории СССР, стр. 540, 543, 553: см. также соответствующий раздел гл. I настоящей работы.

уже разнеслась по всей стране («И каково мужество показали и какову славу и похвалу учинили во все наше Росийское государьство!» — лл. 369 об.—370), поразила врагов, докатившись до Речи Посполитой, и может быть, донеслась до Рима и других государств (л. 370).

Мечтая о победе защитников Смоленска, автор «Новой повести» вопрошает себя, кто из современных ему писателей был бы достоин поведать о всемирной славе героев: «Тогда кто готов будет изрещи ту их доблесть и крепость!». Он ожидает более пышного восхваления, чем смог написать сам: «Т о г д а и п а к и д о с т о и т д е р з о с т н о р е щ и, что такоже не в свою едину землю, но и во иныя многия орды: до Царяграда, и до Рима, и до Иерусалима, и к самому Востоку же, и Западу, к Северу и Югу славе той проити» (л. 370 об.).

Среди традиционных риторических сравнений, которые применяются в «Новой повести» по отношению к защитникам Смоленска и врагам-интервентам, изредка встречаются индивидуальные экспрессивные образы. Один представляет Смоленск в виде отважного воина, схватившего с риском для жизни под уздцы взбешенного неудержимого жеребца: «. . аки прехрабрый воин, лютаго и свирепаго и неукротимаго жребца, ревущаго на мску, браздами челюсти его удержевает, и все тело его к себе обращает, и воли ему не подаст» (л. 375—375 об.). И далее следует развернутая расшифровка иносказания: «Тако же и оный великий град, по своим делам и паки великий, тому сопостату нашему и похитителю веры нашея православныя, ревущему на великое наше государство и на всех нас, во уме ему запрещает и к нам итти возбраняет» (л. 375 об.) Так в художественном образе-аллегории находит воплощение авторская оценка исторических событий современности, связанных с обороной Смоленска, высокая оценка защитников крепости и ненависть к сильному и опасному врагу.

Выразительное, оригинальное сравнение проводит основную мысль «Новой повести» об общегосударственном значении смоленской обороны: «А ныне его, сопостата нашего, злаго короля, той нашь град ни за главу, ни за руце, ни за нозе, но за самое злонравное и жестокое сердце держит и к нам итти претит» (л. 375 об.).

Своим особым вниманием к теме Смоленска и глубоко эмоциональным изображением мужества его защитников автор «Новой повести» сближается с составителями московского и так называемого «смоленского» воззваний, в задачу которых, впрочем, видимо, не входило показать Смоленск как одно из самых серьезных препятствий на пути королевских войск

в Москву. Прекрасно понимая, что со Смоленском связано представление об упорной борьбе против королевских полчищ, московские патриоты составили «грамотку» (якобы полученную «ис-под Смоленска») от имени «бедных пленных», переносящих в королевском стане, в плену, такие же притеснения, каким подвергались сами москвичи в оккупированной интервентами столице. И «смоленская» «грамотка» считает, что подвиг смольнян всем известен, что их стойкость непоколебима: «А то вы сами ведаете, что делаетца в Смоленске. Не на божию ли помощь надеютца?! Стали за православную крестьянскую веру и седят крепко и несумнено. И милосердый бог и пречистая богородица не заступает ли их?!».[47]

Ни в одной из известных нам повестей о событиях времени польско-литовской интервенции тема смоленской обороны не разработана так подробно, как в «Новой повести», и этим подчеркивается ее особая близость в данном эпизоде к современным ей «смоленскому» и московскому воззваниям. По самому настроению рассказа о смольнянах наиболее близок к «Новой повести» своим горячим сочувствием к осажденным только очень краткий эпизод, посвященный им в «Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства»: «Живущии же во граде Смоленске благочестивии людие мученическими страданми изволиша лучше смерть восприяти, неже в люторскую веру уклонитися и мнози гладом и смертию нужною скончашася».[48] Однако смысл героического подвига смольнян этим эмоциональным отзывом не раскрывается, да и эпизод этот написан уже тогда, когда Смоленск вынужден был прекратить сопротивление.

Еще короче рассказал об осаде Смоленска И. Хворостинин: «Стратилат же града того, воини и жители, елицы бяше в нем, тако противу козней их противление благопотребно себе творя, не леняся».[49] Ни малейшей попытки поставить в пример героическую оборону Смоленска у И. Хворостинина нет. Он писал в иной исторической обстановке, и задача его «Словес» была очень далека от той цели, какую ставил перед собой автор «Новой повести».

Иначе, чем в «Новой повести» освещена тема Смоленска и в «Повести книги сея», приписываемой Катыреву-Ростовскому. Здесь вся заслуга обороны Смоленска присвоена «крепкому поборнику и разсмотрительному воеводе» князю М. Б. Шеину.[50]

---

[47] ААЭ, т. 2, № 176-II, стр. 300.
[48] РИБ, т. XIII, стлб. 228.
[49] Там же, стлб. 552.
[50] Там же, стлб. 598.

5

С темой Смоленска в «Новой повести» неразрывно связана сопутствующая и сливающаяся с ней тема великого русского посольства, находившегося в королевском лагере. Правда, посольству уделено гораздо меньше внимания, чем обороне Смоленска, но и оно представлено как положительный пример мужественного сопротивления врагам, и его изображение начинается также авторским советом: «Подобает же нам ревновати и дивитися и посланным нашим от всея нашея великия Росия. . . под онный град Смоленеск, к тому сопостату нашему и врагу-королю, на добрейшее дело, на мирное совещание и на лутшее уложение» (лл. 370 об.—371). Героизм посольства проявляется в его единоборстве с лагерем короля Сигизмунда, от захватнических намерений которого приходится отстаивать условия августовского договора. Автор однако избегает подробностей, описывая в общих чертах те притеснения, которые переносит в королевском лагере русское посольство. Король отказывается осуществить договорные условия, «якоже нам годе[51]. . . И тех посланных наших держит и всякою нужею, гладом и жаждою конечно морит и пленом претит» (л. 374). Если среди москвичей автор особо выделяет патриарха Гермогена, то среди членов посольства он обособляет «вящих самых двух», противопоставляет их большинству участников, которые так же, как и «избранные» москвичи, не осмелившиеся открыто выступить против врагов, не выдержав притеснений, «все, для великие скорби и тесноты, не мога терпети, тому сопостату-врагу, королю, поклонилися и на ево волю верилися» (л. 374). Поведение этой части посланцев автор в какой-то мере оправдывает трудностями, которые выпали на их долю; обвинение смягчается таким доводом: «Того не вем, все ли от желаннаго сердца к нему приклонилися, или будет втайне искренное к нам, и ныне-де, жжаты, с нами же за веру стояти хотят?» (л. 374). Такая снисходительность автора в оценке поведения участников посольства вполне объяснима, если мы вспомним, что и самого себя он (вымышленно или автобиографически) изобразил не только не решающимся на открытый протест, но и служащим врагам, пользующимся их доверием.

Сообщая о расколе в великом посольстве («разошлися и разъехалися овии к нам, а овии инуде, по своим местом» — л. 374), автор подчеркивает, что спор с королем прекратило большин-

---

[51] Угодно, приятно (Срезневский. Материалы, т. I. СПб., 1893, стлб. 540).

ство, что только небольшая группа самых стойких осталась под Смоленском, что во главе этой маленькой «дружины» стояли «вящие самые», достойные сравнения со смольнянами. Не осуждая строго изменников из посольства, «Новая повесть» восхваляет стойкость тех, кто продолжал сопротивляться требованиям Сигизмунда.

Маленькая группа во главе с «вящими самыми» подчеркнуто противопоставлена большой массе ушедших: «. . . пошли от нас со многими людьми в велицем числе, а ныне-де и в мале дружине осталися вящих самых два, а то-де и все», остальные покорились королю (л. 374). Под этими двумя автор (и переписчик) подразумевает Филарета Никитича Романова и Василия Васильевича Голицына.[52]

Именно этих двоих «вящих самых», выделяя их из числа оставшихся членов посольства, автор считает возможным прославить за твердость патриотического духа, за то, что они непреклонно стояли «за святую непорочную християньскую веру и за свою правду» (т. е. за осуществление августовского договора). Только этих послов он наделяет эпитетами, характеризующими стойкость, только их удостаивает сравнения с защитниками Смоленска (л. 374). Они «стоят крепце и непреклонно умом своим» (л. 374), «крепце и вседушно по православней вере побарают» (л. 375 об.) «. . . яко же оне, гражане», т. е. как и смольняне (л. 374), они «противу того супостата нашего (короля, — *Н. Д.*) ни в чем лиц своих не стыдят, и в правде противу его стоят. Аще и не во ограде со гражаны (смольнянами, — *Н. Д.*) сидят и усты своими с ними совету не чинят, и божиим промыслом сердцы своими вкупе со гражаны по благочестии горят» (л. 376).

Образно говорит автор о горящих благочестием сердцах Филарета и Голицына, которые, не сговариваясь, выступают заодно со смольнянами. В заслугу обоим он ставит стойкую защиту условий, на которых Владислав мог быть принят царем, и твердое, единодушное со смольнянами выступление против требования Сигизмунда. Автор прямо высказывает свое намерение прославить, восхвалить Филарета и Голицына: «Подобает же им велми дивитися и хвалити их. Что есть того похвалнее и дивнее и безстрастнее», — начинает он свой панегирик «вящим самым» (л. 374). Оказавшись фактически в плену, «в руках будучи у своего злаго сопостата и врага, и у смерти стоячи, и всякую нужу терпячи» (л. 374 об.), они находят мужество открыто заявлять королю свои требования (столь

[52] См.: Платонов. Древнерусские сказания, стр. 113.

близкие условиям, выдвинутым в грамотах патриархом Гермогеном)[53] и отстаивать их: «и в очи ему говорят, что отнюдь его воли не бывати и самому ему у нас не живати, да не токмо ему, но и рожденному от него, аще не освятится тако, яко же мы, божисю благодатию» (л. 374 об.). Подражать им автор призывает не только от своего имени. По его словам, патриарх Гермоген ставил их наравне со смольнянами и поучал следовать их примеру (л. 375).

Так, рисуя великое посольство, автор «Новой повести» выделяет и прославляет лишь Филарета и Голицына, оставляя в тени не только массу уехавших из-под Смоленска (что вполне объяснимо), но и ту малую «дружину» остальных послов (их свиту и рядовых членов посольства), оставшихся под Смоленском вместе с этими двумя «вящими самыми».

Однако изображение Филарета и Голицына последовательными сторонниками и неуклонными борцами за «правду» августовского договора не вполне соответствует действительности. Оба они принадлежали к числу главных послов и были одними из самых «вящих» москвичей, представителями влиятельных боярских фамилий.[54] Их политические установки несколько расходились с условиями августовского договора, который они должны были проводить в жизнь. Посольская миссия должна была добиваться скорейшей присылки Владислава в Москву, перехода его в православную веру, отвода королевских войск из-под Смоленска и выполнения других договорных условий.[55] Голицын же и Филарет принадлежали к группе московской аристократии, прочившей русских кандидатов на царский престол. Это и способствовало тому, что гетман С. Жолкевский настоял на почетной высылке их из Москвы под Смоленск в составе «великого посольства» (с В. В. Голицыным во главе).[56] В. В. Голицын и сын Филарета Михаил Романов были опасными конкурентами Владиславу.[57] По воспоминаниям С. Жолкевского, В. В. Голицын уже по дороге

---

[53] См. отрывок подлинной грамоты послов боярскому правительству от конца ноября 1610 г. (СГГиД, ч. 2, № 215, стр. 468—478); ср. с грамотой Гермогена Сигизмунду III за сентябрь (12?) 1610 г. (Сборник Муханова, № 109, стр. 182—184; СГГиД, ч. 2, № 207, стр. 446—451) и рассказом «смоленской» «грамотки» о позиции патриарха в этом вопросе (ААЭ, т. 2, № 176-II, стр. 300).

[54] О составе главного посольства см.: Платонов. Очерки, стр. 460—461.

[55] См.: Очерки истории СССР, стр. 552; см. также: АЗР, т. IV, № 209, стр. 475.

[56] См.: Очерки истории СССР, стр. 550.

[57] См.: Записки Жолкевского, стр. 86—87.

в Смоленск якобы тайно переписывался в своих целях с Лжедимитрием II,[58] а Филарет вел с патриархом Гермогеном[59] тайные переговоры о воцарении своего сына.

Однако под Смоленском, уже после того, как происки врагов привели к расколу в посольстве, оба они действительно продолжали оставаться на своих постах, и деятельность Голицына в посольстве была довольно активной. Он и среди москвичей считался выдающимся по своим способностям и деятельности боярином, которого, очевидно, не без оснований опасался С. Жолкевский.[60] Распространению известности В. В. Голицына способствовал тот факт, что он выступал против приказов боярского правительства, требовавших присягнуть самому Сигизмунду III, и в этом решении его поддерживала группа посольства, оставшегося под Смоленском.[61] Активность Голицына проявилась не только в переговорах с врагами на многочисленных съездах обеих сторон, но и в той тайной деятельности, в которой он сам сознавался. Так, по рассказу Жолкевского, Голицын признался, что писал письма к патриарху Гермогену, стремясь поставить в известность Москву, что король не хочет дать Владислава на русский престол и желает сам властвовать в России. Эти сведения были использованы для агитации.[62]

Личность В. В. Голицына, главы посольства, привлекала внимание не только автора «Новой повести»; особенно она интересовала ту группу московских патриотов (возможно, связанных с П. П. Ляпуновым?), которые передали казанскому дьяку вести о тяготах, переносимых В. В. Голицыным и его «товарыщи».[63] Составители той же казанской грамоты ни словом не обмолвились о другом члене посольства, посланном под Смоленск в качестве представителя духовенства, — ростовском митрополите Филарете. Как подтверждают дневники осады Смоленска, деятельность Филарета была гораздо менее активной и стойкой, чем Голицына, который и в польском лагере воспринимался как главное лицо всего русского посольства.[64]

[58] См.: там же, стр. 110; см. также: АЗР, т. IV, стр. 481.

[59] См.: там же, стр. 482—483; см. также: Шепелев. Организация первого ополчения, стр. 189; История Москвы, т. I, стр. 330—331.

[60] См.: Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 2, т. VI—X. Изд. т-ва «Общественная польза», СПб., стлб. 935. (В дальнейшем — Соловьев. История России).

[61] См.: Платонов. Очерки, стр. 465—466.

[62] См.: Записки Жолкевского, стр. 115.

[63] См.: ААЭ, т. 2, № 170-I.

[64] См.: Поход его королевского величества в Москву (Россию) 1609 года. — В кн.: РИБ, т. I, стлб. 698, 706, 718.

Изображая Филарета и Голицына истинными патриотами, достойными удивления и подражания, автор «Новой повести» несколько идеализирует «вящих самых», в особенности Филарета Романова (деятельность которого была далеко не столь примерной), сравнивая их упорство с подлинно патриотическим подвигом защитников Смоленска. Что же в действительности защищали в королевском лагере те «вящие самые» «с малою дружиною», которые так высоко вознесены в «Новой повести»? Они продолжали отстаивать условия августовского договора, который изменил некоторые первоначальные статьи февральского (дворянской ориентации) и июньского договоров 1610 г., обусловившие воцарение в Москве Владислава. Изменения эти откровенно отражали «притязания старой московской боярско-княжеской знати. Пункт о повышении людей „меньшего стану“ по заслугам был опущен, зато было добавлено обязательство короля „московских княженецких и боярских родов приезжим иноземцам в отечестве и в чести не теснити и не понижати“».[65] Заключение московским боярским правительством августовского договора с поляками и приглашение королевича Владислава на русский престол предусматривало отказ Русского государства от самостоятельной национальной внешней политики, согласие на подчинение ее интересам Польши, а действия московских бояр в конечном счете расценены были как преступная измена родине.[66]

Именно в защите условий августовского договора от посягательств Сигизмунда III автор «Новой повести» и видит правоту позиции «вящих самых», расценивает их миссию как «добрейшее дело», «мирное совещание», «лучшее уложение»; именно за эту «правду» стоят послы: «И те-де наши оставшии, сами ваши, стоят крепце и непреклонно. . . за. . . веру и за свою правду, на чем был зде (т. е. в Москве, — *Н. Д.*) с подручником его (т. е. Сигизмунда III, — *Н. Д.*) з Желтовъским. . . совет положил с нашими земледержьцы (т. е. членами боярского правительства, — *Н. Д.*)» (л. 374).

Как видим, оба героя, принадлежащие к «избранным», «благородним», превознесены автором «Новой повести» за то, что они продолжают упорно отстаивать договор, защищающий интересы боярской знати, в целом, в том виде, как он был заключен с гетманом Жолкевским 17 августа 1610 г.

Подобная оценка этих деятелей и их борьбы за «правду» августовского договора вступает в некоторое противоречие

---

[65] Очерки истории СССР, стр. 548—549.
[66] См. там же.

с тем, как беспощадно сам автор разоблачает обман всей политики Сигизмунда III, всех его попыток скрыть свои захватнические планы, между прочим и с помощью того же договора о кандидатуре Владислава. Вот почему совершенно неоправданно дипломатическая деятельность участников посольства в королевском лагере приравнивается в «Новой повести» к действительно героическому подвигу смольнян.

В своей оценке поведения послов «Новая повесть» занимает особое место. Эта оценка не подтверждается ни сдержанными отзывами позднейших писателей, ни современной посольству агитационной письменностью. Объяснение этому, очевидно, следует искать в особенностях мировоззрения и политических симпатий автора.

Автор «Плача», вспомнивший о патриотическом поведении смольнян и Гермогена, ничего не говорит о посольстве. Эта тема появляется у позднейших писателей — Хворостинина и автора «Повести книги сея», которые освещали ее, сообразуясь с иной исторической обстановкой. Хворостинин поставил на первое место в посольстве Филарета, назвав только его и представив дело так, будто именно его Гермоген «избра» и «подвизаше к подвигу» просить у короля на русский престол Владислава.[67] Но и Хворостинин, рассказав об отказе короля принять условия, на соблюдении которых настаивало посольство, кратко сообщил лишь о том, что король «главнейших взя, во свою страну отведе и заточи во своих градех»,[68] однако ни словом не обмолвился о мучениях, каким, по словам «Новой повести», подвергали послов, и о проявленной ими стойкости. Шире рассказ о посольстве в «Повести книги сея». Во главе посольства названы В. В. Голицын — «муж великаго разсужения, изящны в посолственных уставех и искусны», и Филарет — «муж духовны и многоразсудны».[69] Речь к королю ведет Голицын. Условия послов отвергнуты королем, который «разжегся яростию» и послов «заточению предаша». Пребывание их в плену автор кратко называет «бедой», однако избегает каких бы то ни было подробностей.

В своем восхвалении посольства автор «Новой повести» расходится и с современной ему агитационной письменностью. В ней эта тема почти не развита, очевидно, потому, что основным назначением патриотической агитации было, во первых, дать практические указания к действиям против интервентов,

---

[67] РИБ, т. XIII, стлб. 552.
[68] Там же, стлб. 553.
[69] Там же, стлб. 602.

а во-вторых, доказать, что августовский договор, защищать условия которого должны были послы, нарушен. Ни в московской, ни во мнимой «смоленской», ни в нижегородской ранних грамотах (в отличие от казанской и рязанской «отписок») о посольстве и августовском договоре непосредственной речи не ведется. Составители «смоленского» воззвания, обратившиеся к москвичам якобы от имени «бедных пленных», томившихся в королевском стане, как видно, не решились отождествить их с членами посольства, отстаивавшими под Смоленском августовский договор.

Однако и памятники патриотической агитационной письменности конца 1610—первых двух месяцев 1611 г. и прежде всего оба воззвания, которые вышли из кружка московских патриотов, связанных с патриархом Гермогеном, обращены были не столько против самого августовского договора, сколько против нарушений его условий (обещания прислать на Москву королевича, вывода войск интервентов из России), против требований целовать крест самому королю Сигизмунду III, а не Владиславу, присяга которому уже была принесена. Составители «смоленского» воззвания, отразившего беспокойство за судьбу «лутчих людей» (которых «литовские люди» собираются «вывесть»), первой причиной того, что Владислав не мог быть отпущен на царский престол, считали «на Москве над лутчими людьми непостоянство во всем крестопреступлением» [70] (нарушение присяги Владиславу?). Между тем августовский договор в конечном счете защищал интересы боярской знати. Из очевидного желания обойти стороной существование различий в социальных интересах участников патриотического лагеря составители обоих московских воззваний, а позднее — агитационных грамот формирующегося первого ополчения выдвигали на первый план призывы к борьбе за национальное освобождение Русского государства, в защиту православной веры от «пременения в латынство», обращаясь вообще ко всем «православным христианом», и в то же время избегали решительного отказа от августовского договора.[71] В определенных кругах кандидатура Владислава (при условии соблюдения договорных ограничений) получила широкую популярность, как противопоставлявшаяся раньше Лжедимитрию II, а позднее — Сигизмунду III, и продолжала упоминаться в агитационных грамотах вплоть до включения

[70] ААЭ, т. 2, № 176-I.

[71] Ср. попытку организаторов первого ополчения «заслонить социальные требования простого народа» популярными в народе лозунгами народно-освободительной борьбы (Очерки истории СССР, стр. 562).

пункта о кандидатуре королевича в текст патриотической присяги ополчения наряду с решением отложить вопрос о будущем царе.

Исключение составляет казанская грамота, направленная резко против кандидатуры Владислава, против присяги, принесенной ему по августовскому соглашению, и решительно требовавшая: « . . . и короля и королевича, опричь государя царя и великово князя Дмитрея Ивановича всеа Русии, не хотети, по сему крестному целованью».[72] Как мы видели, эта грамота упоминает также и о посольстве, находящемся под Смоленском, но среди всех его членов (согласно ее ориентации) интересуется лишь судьбой В. В. Голицына.

Другим исключением является грамота от имени рязанцев и П. П. Ляпунова, сторонника дворянской политики в ополчении.[73] В данной грамоте вообще нет упоминаний о Владиславе; в ней звучит решительный отказ от повиновения предательскому боярскому правительству, хотя объяснение этому опять-таки дается обычное: «бояре московские» «ничего не совершили» «по своему договорному слову . . . на чем им договоряся, корунный гетман Желковский королевскою душею крест целовал».[74] Рязанская грамота упоминает одного из членов «великого посольства» Василия Сукина. Однако привлечение внимания к имени думного дворянина, одного из числа перешедших на сторону Сигизмунда III, выдает лишь дворянскую ориентацию составителей рязанской грамоты и никак не свидетельствует об их желании найти среди послов примеры патриотизма.

Позднее агитация формирующегося первого ополчения отказывается от решения вопроса о кандидатуре будущего царя. В ярославской февральской грамоте, как мы видели, выдвигается решение признать царем «кого нам на Московское государьство и на все государьства Росийского царствия государя бог даст» и по этой новой присяге «ему, государю, служити и прямити и добра хотети во всем вправду».[75] Однако это решение звучит первое время осторожно, одновременно

---

[72] ААЭ, т. 2, № 170-II, стр. 293.

[73] О том, что П. П. Ляпунов был против кандидатуры Владислава, см.: Очерки истории СССР, стр. 555.

[74] ААЭ, т. 2, № 176-III, стр. 301. Именно речь о боярах в этой грамоте сопровождается эмоционально окрашенными риторическими определениями. Они «богоотступники», которые «прельстяся на славу века сего, бога отступили и приложилися к западным и к жестокосердным, на своя овца обратились», от них, примкнувших к «польским» и «литовским людям», население претерпевает «гоненье и тесноту велию» (там же).

[75] Там же, № 179-II, стр. 308.

с прежним, еще не вполне отвергающим возможность осуществления условий августовского договора и того, что «король. . . даст. . . сына на Московское государьство».[76]

Еще позже в крестоцеловальной записи казанцев, приложенной к их «отписке» в Пермь от 12 июня 1611 г., когда в Казани уже познакомились с «грамотами» первого ополчения, «из полков, из-под Москвы, от бояр и воевод и ото всей земли»,[77] высказывается решительный отказ повиноваться «боярам» из московского правительства, и приносится новая присяга: « . . . королю и королевичу полскому и литовскому креста не целовати и не служити и не прямити ни в чем никоторыми делы». Вместо согласия на кандидатуру Владислава уже твердо высказывается решимость присягнуть царю, которого «даст бог».[78]

Ближе всего к автору «Новой повести» в решении всех этих вопросов, связанных с августовским договором, стоят сам патриарх Гермоген и составители обоих московских воззваний. Московская и мнимая «смоленская» грамоты не отрицают августовского договора вообще, они обличают королевских ставленников и русских изменников за нарушения договорных условий, от которых ничего «вправду» не «устояло», и убеждают не верить «никоторыми делы, что быть у нас на Москве королевичю государем».[79] Позиция патриарха определена еще точнее (известно, что он признавал августовский договор). Как сообщает «смоленская» «грамотка», от признания августовского договора и от Владислава как будущего царя Гермоген откажется лишь в том случае, если «королевич не креститца в крестьянскую веру и не выйдут из Московские земли все литовские люди».[80] Вспомним еще раз грамоту Гермогена от последних чисел декабря 1610 г., в которой он просит Сигизмунда III ускорить приезд Владислава в Москву.[81]

Автор «Новой повести» будто бы целиком воспроизвел взгляды и настроения Гермогена (лл. 371 об.—372). Очевидно, не случайно он подчеркнул, что патриарх поддерживает посольство, одобряет его цель, учит последовать примеру послов (л. 375). Как отмечал еще С. Ф. Платонов, «все симпатии» автора «Новой повести» были на стороне Гермогена,[82] и это,

[76] Там же.
[77] Там же, № 188, стр. 318.
[78] Там же, № 188-I, стр. 320.
[79] Там же, № 176-II, стр. 300.
[80] Там же.
[81] См.: СГГиД, ч. 2, № 217, стр. 479—480.
[82] См.: Платонов. Древнерусские сказания, стр. 127.

как увидим ниже, способствовало созданию идеализированного образа патриарха-патриота.

О политической и социальной позиции автора «Новой повести» трудно говорить вполне определенно, поскольку ко времени создания этого произведения представители различных сословий в противовес требованиям присяги Сигизмунду III готовы были поддержать кандидатуру Владислава и не отвергали августовского договора в целом, а лишь выступали против нарушения его условий (можно думать, что такая нерешительная политика была свойственна скорее всего представителям феодальных верхов, бывшим сторонникам договора). Однако предположение о близости в этих вопросах взглядов автора «Повести» и патриарха Гермогена (возможно, и членов кружка московских патриотов — составителей московского и «смоленского» воззваний) подтверждается не только словами самого автора, почти пересказывающего точку зрения патриарха, и его идеализацией Гермогена, но и особым (не свойственным в такой степени ни одному из памятников патриотической агитационной письменности или литературы) одобрением миссии посольства, отстаивавшего августовский договор в целом, и вниманием к судьбе «благородних» «избранных» Филарета и Голицына в то время, когда их дипломатическая деятельность, по сути дела, уже не могла повлиять на ход событий.

6

Выдвигая примеры героической стойкости и мужества в борьбе с интервентами (Смоленск, «вящих двух» из посольства), автор «Новой повести» особенное внимание уделил патриарху Гермогену. Патриарх в «Новой повести» — идеальный патриот, единственный в Москве и во всей стране вдохновитель назревающего вооруженного сопротивления интервентам, стойко и мужественно, хотя и в одиночку, выступающий с обличением врагов и предателей бояр.

Преувеличение роли патриарха в деле организации народного сопротивления интервентам и боярскому правительству наметилось, как показано выше, уже в агитационной письменности участников первого ополчения, в межгородской переписке, современной созданию «Новой повести». Однако из сопоставления этих документов с «Новой повестью» видно, что ее автор пошел значительно дальше в идеализации патриарха, в стремлении поставить в центре всего патриотического движения одного Гермогена.

Не переоценивая и не снижая роли патриарха Гермогена, советские историки признают, что он поддержал начавшуюся народно-освободительную борьбу и способствовал ее развитию.[83] Не ставится под сомнение и «целый ряд открытых выступлений» Гермогена в защиту национальной независимости России, расцениваемых современной наукой как защита прежде всего православной церкви от засилия церкви римско-католической; [84] с этих позиций следует рассматривать также его отношение к августовскому договору и кандидатуре Владислава.

Судя по грамотам боярского правительства, адресованным под Смоленск или ко всей стране, и по материалам патриотической агитационной письменности, Гермоген предпочел (как и феодальные верхи) согласиться на условия августовского договора, нежели оказаться перед угрозой антифеодального движения под знаменем «хорошего царя» Димитрия Ивановича (Лжедимитрия II). Со стороны патриарха, естественно, следовало ожидать, что, принимая условия августовского договора, он будет настаивать в первую очередь на неприкосновенности православного вероисповедания.[85]

Предварительным обязательным условием воцарения Владислава в России было принятие королевичем православия. Под таким условием с кандидатурой Владислава соглашался и патриарх Гермоген.[86]

Однако существует предположение, что тайные симпатии патриарха (так же, как возможно, и автора «Новой повести») склонялись в сторону русских претендентов на царский престол и что конечной его целью было выступление не только против Сигизмунда, кандидатура которого с конца 1610 г. неизменно сопутствовала кандидатуре королевича, но и против Владислава.[87] Первое общественное выступление Гермогена перед представителями дворянства и служилыми людьми, сошедшимися для решения «как бы нарушить крестное целование» королевичу Владиславу, состоялось еще в сентябре 1610 г., в связи с попыткой интервентов ввести оккупационные войска в столицу.[88] В октябре 1610 г., тотчас после занятия интервентами Кремля и в связи с тем, что они продолжали бездей-

---

[83] См.: История Москвы, т. I, стр. 332.

[84] См.: Очерки истории СССР, стр. 555.

[85] См. об этом: Записки Жолкевского, стр. 94.

[86] См. «смоленское» воззвание (ААЭ, т. 2, № 176-II, стр. 300), грамоты Гермогена и др.

[87] См.: История Москвы, т. I, стр. 330—331; Записки Жолкевского, стр. 74—75.

[88] См.: С. М. Соловьев. История России, кн. 2, т. VIII, стлб. 939—940; История Москвы, т. I, стр. 327.

ствовать против Лжедимитрия II, патриарх «начал заводить смуту и кровь», действуя через священников, через московское духовенство.[89] Польские интервенты, описывая позже деятельность Гермогена против оккупантов, обвиняли его в том, что он нарушал свои прямые обязанности пастыря, ведя себя «не так, как бы пристало такому святительскому чину».[90]

Как рассказывается в памятниках агитационной патриотической письменности, Гермоген после известного столкновения с представителями боярского правительства 30 ноября—1 декабря 1610 г., распространив «по сотням» распоряжение собрать московских людей в Успенский собор, запрещал собравшимся целовать крест Сигизмунду III.[91] С конца декабря 1610 г. (после убийства Лжедимитрия II) Гермоген стал рассылать грамоты, призывающие к борьбе с интервентами. Они появились позже, чем возникло освободительное движение, уже тогда, когда будущие организаторы первого ополчения развернули свою деятельность (см. об этом выше, в первой главе).

Выступления Гермогена против интервентов привлекли к нему внимание не только современной агитационной патриотической письменности, но и литературы. Право называть всероссийского патриарха своим приверженцем было одинаково заманчивым как для предательского боярского правительства, так и для организаторов патриотического сопротивления. С начала 1611 г. все призывы к борьбе, содержавшиеся в межгородской переписке, подкреплялись авторитетом патриарха Гермогена, его «благословением». Поскольку для всего периода народно-освободительной войны характерна религиозная форма выражения призывов, отождествляющая национальность с православной верой (соответственно этому патриотами назывались стоящие «за веру православную», а изменники именовались «богоотступниками»), естественно было представить вождем борцов за «христианскую веру» против «безбожного латинства», т. е. вождем защитников национальной независимости Русского государства, именно главу русской церкви. Руководителям народного ополчения было важно подчеркнуть разрыв патриарха с предательским боярским правительством. В более поздних февральской и мартовской

---

[89] См.: РИБ, т. I, стлб. 680—682; История Москвы, т. I, стр. 332.

[90] АЗР, т. IV, № 209, стр. 481.

[91] См. об этом в казанской грамоте: ААЭ, т. 2, № 170-I, стр. 292; см. также: СГГиД, ч. 2, № 215, стр. 491; Платонов. Очерки, стр. 478—480, 484—485; Платонов. Древнерусские сказания, стр. 113—114.

ярославских грамотах это сделано с особой решительностью. Они не ограничиваются доказательством того, что правительство и враги нарушили условия августовского договора. И поскольку у всех еще было на памяти, как, согласно договору, к присяге Владиславу приводили с «. . . благословения» Гермогена, составители их решаются упомянуть об этом, хотя все же избегают определения нового отношения патриарха к августовскому договору в целом. В грамотах лишь подчеркивается, что в это время Гермоген в своих публичных выступлениях («при всех людех») обличал «еретиков» (боярина М. Салтыкова и «литовских людей»).[92]

В ранней агитационной письменности конца декабря 1610—января 1611 г. (казанской, мнимой «смоленской», рязанской грамотах) приводились рассказы о случаях притеснения московскими властями Гермогена, которые должны были свидетельствовать о борьбе патриарха с боярским правительством против соглашения последнего с Сигизмундом III. На этой фактической основе постепенно (см. московское воззвание) вырастал идеализированный образ «пастыря», «несуменно» защищающего «истинную христианскую веру» и призывающего паству к борьбе за нее, образ мученика, стойко претерпевающего гонения. Приводимые факты деятельности патриарха сами по себе должны были убеждать адресатов в справедливости того, за что он борется, поэтому рассказ о Гермогене в «отписках» и «грамотах» ведется обычно сжато, деловито, точным языком документа.

Но с течением времени, особенно после того, как по городам распространились московские воззвания (грамота москвичей и «смоленская» «грамотка»), в эпизодах, посвященных Гермогену, появляются эмоционально окрашенные хвалебные эпитеты, которые подсказывали читателям определенную оценку деятельности патриарха. Начали накапливаться те элементы панегиризма в характеристике Гермогена, которые окружили его ореолом подвига. Наиболее полное выражение эта тенденция к идеализации Гермогена нашла в «Новой повести».

Как мы уже видели выше (в первой главе), патриотическая агитационная письменность конца 1610—начала 1611 г. изображала патриарха Гермогена активным деятелем, рассылающим по городам грамоты и обращающимся к населению с «речью», организатором и даже инициатором (о последнем умалчивает московская и рязанская агитация и вполне оп-

---

[92] ААЭ, т. 2, № 179-I, стр. 304—305; см. также: СГГиД, ч. 2, № 241, стр. 518 (от начала марта 1611 г.).

ределенно пишут более поздние нижегородская и ярославская грамоты)[93] начавшегося освободительного движения в Москве, Рязанском крае и других городах.

В отличие от «Новой повести», современная ей агитационная письменность изображает патриарха на фоне общенародного растущего сопротивления, во главе ополчения, стекающегося к Москве из разных городов. Судя по рассказу казанской и мнимой «смоленской» грамот, он организует демонстрацию протеста москвичей против присяги Сигизмунду III, и как сказано в «смоленском» воззвании, «в грамотах своих от себя» пишет «во многие городы», являясь активным участником патриотического движения народа. Ему помогает, с ним связан и за него заступается перед боярским правительством П. П. Ляпунов с рязанцами. Нижний Новгород направляет в Москву посыльных за грамотами патриарха, и Гермоген наставляет их «речью». В патриотических грамотах подробно сообщается, население каких городов и волостей собирается под «благословение» патриарха. Московское воззвание сообщает, что за Гермогеном «последуют» «все крестьяне православные».

Агитационная письменность, обращенная к широким массам населения, учитывала реальные силы народно-освободительного движения и не замалчивала их роль. Многие ранние грамоты 1611 г. нижегородцев, рязанцев и ярославцев подкрепляли именем патриарха Гермогена и его «благословением» самую мысль о формировании всенародного ополчения. По-видимому, под влиянием слагавшейся легенды о руководящей организаторской роли Гермогена, нижегородцы выдали вологодцам московскую и «смоленскую» грамоты за воззвания, присланные самим патриархом. Наказ вести ополчения к Москве нижегородцы, ярославцы и рязанцы также подкрепляли «благословением» патриарха. Сообщая вологодцам свое решение присоединиться к ополчениям, продвигающимся к Москве, нижегородцы изображают создание ополчения и борьбу в защиту национальной независимости государства как священный долг русских, исполнение которого дарует «от святейшаго Ермогена патриарха московского и всеа Руси и ото всего освященного собору и всево христьянсково рода. . . вечное благословенье».[94] Рязанцы используют имя патриарха с той же целью. Они пишут, что сбор ополченцев в Нижнем Новгороде и их собственный поход «к Москве» совершается «по благословенью святейшаго Ермогена, патриарха московского и всеа

[93] ААЭ, т. 2, № 176-I, II, III; ср.: №№ 176, 179-I, стр. 305 и № 188-II, стр. 321.

[94] Там же, № 176, стр. 298.

Русии».[95] Именем Гермогена, писавшего и словесно приказывавшего П. П. Ляпунову в Рязань, во все украйные и в понизовые города, поддерживает авторитет возникающего народного ополчения ярославская грамота.[96]

Патриарх Гермоген изображается как защитник православия, как первый патриот страны равно всеми составителями грамот, независимо от социальных симпатий участников формирующегося первого ополчения. Основная цель грамот — подчеркнуть, что «благословение» патриарха Гермогена простирается только на патриотов, что изменники не удостаиваются от него «благословения» как «вероотступники».[97]

При изображении Гермогена патриотом агитационная письменность по-прежнему прибегает к деловитому описанию некоторых фактов из его жизни, но постепенно не ограничиваясь этим, начинает применять риторические приемы прославления его. Открывающее простор для применения оценочных определений, столкновение Гермогена с боярами из-за присяги королю (ср. изобилующее метафорами, риторическими приемами изложение этого эпизода в «Новой повести») в «грамотах» описывается еще просто, деловито, с конкретными подробностями.[98] Факт, используемый с агитационной целью, выбран исключительно удачно, и в казанской грамоте воздействие на патриотические чувства достигается с помощью подробного описания столкновения патриарха, защитника православия и изменников родины, вымогающих у него «благословение» на присягу Сигизмунду III, на полную сдачу врагам. За рассказом о вечернем, а затем повторном утреннем посещениях патриарха М. Салтыковым, Ф. Андроновым и Ф. И. Мстиславским, о «брани» между встретившимися, следует завершающее характеристику предателей сообщение о том, что они хотели «зарезати» патриарха.[99] Чтобы придать еще большую убедительность всему повествованию, описание столкновения патриарха с изменниками в казанской грамоте вставлено в рассказ очевидца событий.

Этот же эпизод, помогающий скупыми средствами документальной прозы охарактеризовать патриотизм Гермогена и глубину падения предателей родины, встречается в ярославской грамоте. Передавая дошедший до Ярославля слух о столкновении патриарха с М. Салтыковым, составители ярославской

[95] Там же, № 176-III, стр. 301.
[96] См.: там же, № 179-I, стр. 305.
[97] Там же, стр. 306.
[98] См.: там же, № 170-I, стр. 292.
[99] См.: там же.

грамоты, в отличие от казанцев, стремятся привлечь внимание не к тому, какие издевательства переносит Гермоген от изменника, а к тому, что изменник родины достоин лишь проклятия патриарха. М. Салтыков, как изображает дело ярославская грамота, «приходил к святейшему Ермогену, патриарху московскому и всеа Русии, благословения просити, чтобы ему говети», но Гермоген «благословения не дал» и проклял его «отныне и до века».[100]

Деловой характер изложения событий из жизни патриарха Гермогена выдержан в основном и в рязанской агитационной грамоте. Она уже не перелагает известного эпизода о столкновении патриарха с боярами, повествуя о притеснениях, чинимых ему последними.[101] (Оговорка, что рязанцам «ведомо подлинно», сколько мучений выпало на долю Гермогена и всех жителей Москвы, вызвана желанием подчеркнуть правдивость рассказанного в грамоте).[102] Однако в описании этих притеснений уже появляется оттенок некоторой эмоциональной приподнятости, используется метафора: патриарх — «пастырь», «христиане» — «овцы», «бояре» — «богоотступники», которые, «прельстяся на славу века сего, бога отступили и приложилися к западным и к жестосердным, на своя овца обратились».[103]

Итак, межгородская переписка времени организации первого ополчения создает положительную характеристику Гермогена, в основном еще просто и деловито описывая эпизоды его жизни конца 1610 г., выступления против политики боярского правительства и Сигизмунда III. В массе агитационных патриотических грамот патриарх представлен стойким патриотом, иногда вдохновителем-зачинателем и организатором (!) народного ополчения и всегда активным деятелем патриотического лагеря. Выделяя Гермогена среди борцов против интервентов, агитационная письменность этого периода, однако, еще не преувеличивает его роли настолько, чтобы нарисовать его одиноким, лишенным широкой поддержки. Она чужда необоснованного «хвалословия».

Заметный шаг к идеализации Гермогена сделан был тем кружком московских патриотов, из которого вышли московское и так называемое «смоленское» воззвания.

Уделяя мало внимания сообщениям о конкретных фактах деятельности патриарха, московское воззвание усиливает панегиризм его характеристики эмоциональными стилистиче-

---

[100] Там же, № 179-I, стр. 306.
[101] Там же, № 176-III, стр. 301.
[102] См.: там же.
[103] Там же.

скими средствами. Именно здесь намечается изображение Гермогена в традиционном облике «пастыря», каким, вслед за библейской традицией, уже в XI в. в русской литературе метафорически представлялся глава церкви, «соблюдающий» «стадо Христово» — русский народ. Эта метафора, в согласии с литературной традицией,[104] широко разработана «Новой повестью» применительно к Гермогену. В московской грамоте патриарх изображен «прям, яко сам пастырь», который «душу свою за веру крестьянскую полагает несуменно».[105] Прославление Гермогена усиливается здесь особенно при помощи сопоставления стойкости патриарха по отношению к врагам с «прямотой» и непоколебимостью «самого пастыря», т. е. Христа. Развивая дальше традиционную метафору, составители грамоты ставят патриарха во главе всего зарождающегося народного движения и считают это залогом победы: «Ему все крестьяня православные последуют, лише неявьственно стоят».[106] Попутно следует заметить, что использование рязанцами той же метафоры в их рассказе о притеснении патриарха боярами-изменниками может служить дополнительным подтверждением знакомства рязанцев с обоими московскими воззваниями.

Когда в июне 1611 г. ярославцы, осведомляя казанцев о положении дел в стране, пересказали им, между прочим, содержание московских воззваний, они подхватили также панегирический по отношению к Гермогену тон последних и характеристике всей деятельности патриарха придали героические черты: «И господь на нас еще не до конца прогневался; неначаемое учинилось: отцем отец, святейший боголюбивый великий господин святейший патриарх Ермоген московский и всеа Русии стал за православную веру несуменно и, не убоясь смерти, услыша то от еретиков, от Михайла Глебова (т. е. Салтыкова, — *Н. Д.*) с товарыщи и от литовских людей, призвав всех православных крестьян, говорил и укрепил, за православную веру всем велел стояти и померети, а еретиков при всех людех обличал. И толко б не от бога послан и такого досточудного дела патриарх не учинил, и за то было кому стояти? . . . И в городы патриарх приказывал, чтоб за православную веру стали, а кто умрет, будут новые страстотерпцы. И то все слыша от патриарха, и видя своими очима, городы все обослались и пошли к Москве».[107]

---

[104] См.: Адрианова-Перетц. Очерки, стр. 97—102.
[105] ААЭ, т. 2, № 176-I, стр. 299.
[106] Там же.
[107] Там же, № 188-II, стр. 321 и др.

Как видим, ярославцы уже решительно делают патриарха Гермогена инициатором похода народного ополчения к Москве. Легенда, усвоенная впоследствии дворянско-буржуазной историографией, оказывается созданной в агитационных целях самими участниками первого ополчения.

Приведенные факты показывают, что агитация патриотического лагеря стремилась подчеркнуть участие патриарха Гермогена в освободительном движении; иногда даже преувеличивая его роль, приписывала ему инициативу организации ополчения. Настойчивое напоминание о «благословении» Гермогена не только повышало авторитет организаторов борьбы против интервентов и утверждало справедливость самой борьбы, но и должно было противодействовать попыткам вражеской и боярской агитации, продолжавшей вплоть до февраля 1611 г. распространять слухи, будто патриарх по-прежнему благословляет народ на присягу Владиславу, за которым в то время стоял король.[108] Необходимо было лишить врагов возможности опираться на этот довод, показать народу, что патриарх не только не поддерживает больше замыслы боярского правительства, но и открыто борется с ними. Когда с середины декабря 1610 г., после убийства Лжедимитрия II, Гермоген начал особенно энергично выражать свой протест против нарушения августовского договора и против требований присягать Сигизмунду III, патриотическая агитация получила возможность призывать его именем на борьбу с интервентами. В памятниках агитационной письменности участников формирующегося первого ополчения (в московской, «смоленской», рязанской, нижегородской, ярославской и других грамотах) имя всероссийского патриарха приводилось как призыв к патриотической национально-освободительной борьбе, приемлемый и убедительный для всех социальных слоев населения.

В этом отношении по пути агитационной письменности пошел и автор «Новой повести», уделивший особое внимание теме патриотизма Гермогена.

* * *

На фоне выработанной агитационной письменностью конца 1610—начала 1611 г. характеристики патриарха Гермогена и при сопоставлении ее с реальной действительностью, тен-

---

[108] См.: АИ, т. 2, № 321, стр. 378 (грамота бояр в Смоленск от конца февраля 1611 г.).

денциозная «литературность» его портрета в «Новой повести» выступает с полной отчетливостью.[109]

Автор «Новой повести» избегает конкретной характеристики участия Гермогена в организации народно-освободительного движения, о котором настойчиво напоминали агитационные грамоты. Он предпочитает общими словами говорить о борьбе его как главы церкви с «богоотступниками» и «латинянами». Об этом наглядно свидетельствуют те синонимы, которые подбирает автор «Новой повести», характеризуя патриарха. Гермоген «по православной вере побарает, и всех тех душепагубных наших волков и губителей увещевает... словом божиим всем соперником нашим загражая уста и посрамляя лица и безделны отсылая от себя. И нас всех укрепляет и поучает, чтобы страха их и прещения не боятися, и душами своими от бога не отщетитися» (л. 374 об.); «всех нас крепит, и учит, и тому же граду (Смоленску, — *Н. Д.*) ревновати велит», «всех крепит, и учит (в Москве, — *Н. Д.*), и умными их в погибельный ров впасти не велит. И паки великое сие безводное море словесы своими утишивает и украчает» (л. 376—376 об.). При попытках изменников из боярского правительства «понудить» народ сдаться «в их вражие хотение», Гермоген «сам никако же не поколебался и не покачнулся нимало», и народа «такоже на зло не поустил, и умных их вовеки не пленил, но и паче укрепил» (л. 379—379 об.).

Автор «Новой повести» оговаривает, что Гермоген как идеальный патриарх не может призывать к вооруженному восстанию; он лишь «ожидает с часу на час божия поможения и вашего (т. е. от населения, — *Н. Д.*) тщания и дерзновения на них», на врагов (л. 384). Вопреки распространенному представлению, отразившемуся в патриотических грамотах, в обязанности патриарха, по мнению автора «Новой повести», не входит давать «словесное повеление и ручное писание» о начале вооруженного восстания: дело «государя, святителя великаго» лишь «благословить» начавшееся восстание (л. 384).[110] Поэтому

---

[109] Составителей агитационных грамот не останавливало то, что еще в последних числах декабря 1610 г. Гермоген просил Сигизмунда III ускорить приезд Владислава в Москву на царство (см. «смоленское» воззвание), а ранее того «благославлял» народ на присягу по августовскому договору (см. грамоту П. П. Ляпунова и рязанцев и ярославскую февральскую грамоту).

[110] По мнению А. А. Назаревского, «Автор „Новой повести“, можно думать, действительно не знал, что патриарх Гермоген не только сочувственно относился к проявлявшемуся уже сопротивлению полякам, но давал свое благословение на восстание

в «Новой повести», в отличие от агитационной письменности, призывы к вооруженной борьбе с врагами исходят не из уст патриарха, а от имени самого автора. «Вестью» же всем «христианом» о том, что приспело время поднять вооруженное восстание против оккупантов, оказывается в авторском освещении тот же факт отказа Гермогена от сотрудничества с боярским правительством и от присяги Сигизмунду (лл. 378 об.—380, 384), что и приводимый в агитационной письменности. Однако в «Новой повести» сцена обличения патриархом изменников — членов боярского правительства изображена с присущим ее автору стремлением представить Гермогена патриотом — святым мучеником.

Если в действительности патриарху Гермогену не принадлежала роль организатора первого ополчения и зачинателя народной освободительной борьбы, то нельзя отказать ему в том, что после убийства Лжедимитрия II, со второй половины декабря 1610 г., он начал действовать гораздо смелее, стал рассылать по городам тайные грамоты, направленные против требований боярского правительства и интервентов,[111] созывать москвичей и призывать их отказаться от принесения присяги Сигизмунду III. Патриаршие грамоты не сохранились, но об их существовании говорят различные источники.[112]

Уже к 7 января 1611 г. грамоты боярского правительства приходят в Смоленск к посольству без подписей патриарха.[113]

и таким образом как бы становился во главе народного движения» (разрядка моя, — *Н. Д.*). В доказательство приведены некоторые даты и факты патриотического движения и деятельности Гермогена (Назаревский. Очерки, стр. 37 и 38, сноска 2). Нам кажутся более правдоподобными сомнения, высказанные по этому поводу С. Ф. Платоновым. Согласно предположению С. Ф. Платонова, причина столь уверенного заявления автора «Новой повести», что Гермоген сам не подаст знака к восстанию, может крыться в очень близком знакомстве автора с патриархом и с тем положением, в котором Гермоген находился. (Платонов. Дневнерусские сказания, стр. 128—129). Предположение рецензента книги Платонова («Русская мысль», 1883, № 3, стр. 161) будто автор «Новой повести» призывает к восстанию от своего имени, но «по поручению патриарха», — трудно доказуемо.

[111] По мнению авторов «Истории Москвы» (т. I, стр. 332), Гермоген в своих грамотах якобы освобождал население от присяги Владиславу и убеждал объединенными силами идти к Москве.

[112] См. выше, гл. I настоящей работы. Поляки — интервенты, обвиняя Гермогена в активной патриотической деятельности, «недостойной» патриаршего сана, рассказывают, что Гермоген сразу же после убийства Лжедимитрия II «в тот час по городам смутные неправдивые грамоты, кроворозлитие Московскому государству вновь заводячие, писал», «бояр всех московских (т. е. боярское правительство, — *Н. Д.*). . . а при них и нас (т. е. интервентов, — *Н. Д.*). . . невинно и неправдиво оскаржал» (АЗР, т. IV, № 209, стр. 482).

[113] См.: РИБ, т. I, стлб. 720.

За рассылку своих грамот, за деятельность против боярского правительства Гермоген в начале января 1611 г. был посажен под стражу, так что посланцы городов с трудом могли проникать к нему.[114]

Как мы видели, агитационная письменность уделяет много места рассказу о рассылке патриархом грамот (см. рязанскую, мнимую «смоленскую», нижегородскую, ярославскую и другие грамоты). Автор же «Новой повести» замалчивает факты «ручного писания» (рассылку грамот) и «словесного повеления» (выступление Гермогена перед москвичами в Успенском соборе), о которых писала казанская и другие агитационные грамоты и которые имели место в последних числах декабря 1610—первых числах января 1611 г., т. е. в то время, когда создавалось произведение. Между тем, если согласиться с мнением С. Ф. Платонова, что рассказ автора «Новой повести» (в той части, где он говорит о своем положении) не вымышлен, то следует полагать, что, о деятельности патриарха, привлекавшего «все симпатии» автора, последний должен был знать, очевидно, гораздо больше, чем составители агитационных грамот, современных «Новой повести», и сам П. П. Ляпунов.

В характеристике деятельности патриарха Гермогена С. Ф. Платонов идет вслед за автором «Новой повести», когда пишет: «О д и н о к и й , н и к е м н е п о д д е р ж а н н ы й старец лишен был возможности действовать, как бы хотел, и ему оставалось только твердым словом своим возбуждать и ободрять народное движение, поднятое им самим».[115] Хотя в примечании исследователь оговаривает существование другой точки зрения, но сам примыкает к утверждению, сложившемуся в агитационных грамотах, что движение городов началось «по благословению патриарха», что оно якобы зарождалось и развивалось уже вслед за его указанием.[116]

Аллегорическое изображение героической стойкости Смоленска и восхваление непреклонности послов (Голицына и Филарета) сменяется в «Новой повести» панегириком Гермогену, в лице которого автор видит высший образец патриотизма.

В скупых авторских отступлениях раскрываются намерения писателя: о героях, подобных Гермогену, «таких в е л и к и х и крепких и н е п о к о л е б и м ы х столпах», автор считает возможным «рещи» лишь в торжественных тонах,

---

[114] См.: История Москвы, т. I, стр. 332.
[115] П л а т о н о в. Очерки, стр. 486. Разрядка моя, — *Н. Д.*
[116] Там же, стр. 486—487, 633, прим. 203.

«вестно и дерзостно» (л. 381 об.), слово о патриархе должно «в лепоту реченно бысть» (л. 381). «Великий и крепкодушный», он достоин названия «пастыря доброго» (л. 381—381 об.), каким книжники награждали лишь избранных героев. По мнению автора, Гермоген заслуживает всяческой похвалы, и, в случае победы над врагами, спасение Русского государства, избавление его от врагов следует признать заслугой двух «крепких стоятелей и поборателей по вере нашей християньстей»: Смоленска, на границе государства, а «зде» (т. е. в Москве) — «того крепкаго нашего и непоколебимаго столпа» Гермогена (л. 376); автор предвещает в будущем сложение в их честь «великих» и всемирно известных повествований: «Никако же такова повесть велия и притча во многих землях утаится, но повсюду пронесется и прославится» (л. 376 об.).

Рисуя моральное совершенство патриарха, автор пророчит ему бессмертие: «Аще ему, государю, случится за слово божие и умрети, не умрет, но жив будет вовеки» (л. 381 об.).

Если бы не было героически борющегося Смоленска, вся тяжесть защиты независимости государства и охраны от «конечного искоренения» «святой и непорочной нашей веры» пала бы на патриарха, и автор, хотя и оговаривается («не смею дерзнути рещи»), что не знает, «удержал бы или нет до конца» эту ношу Гермоген, однако его одного во всей Москве и даже во всей России выдвигает как стойкого патриота, «по бозе великого и непоколебимого» «нашего столпа» (л. 375 об.) и на него возлагает большие надежды. Автор вполне уверен во всенародной известности патриарха, перешедшего на сторону патриотов: «Имя же его всем ведомо» (лл. 374 об., 379).

Речь о Гермогене, так же как речь о Смоленске, автор начинает призывом оценить мужество патриарха: «Паче же подивимся и удивимся пастырю нашему и учителю, и великому отцем отцу, и святителю! Имя же его всем ведомо» (л. 374 об.) и последовать примеру обоих: «. . . и не подадим того пастыря нашего и учителя и крепкаго поборателя по вере православной», «и того нашего преславнаго града, иже за всех за нас тако-же стоит и сопостата нашего держит» (л. 383 об.).

Каждое упоминание о патриархе автор сопровождает устойчивыми определениями, своего рода постоянными эпитетами, подчеркивающими стойкость патриарха перед лицом врага: «крепкий и непоколебимый столп», «твердый адамант», «крепкий поборатель по вере хри-

стияньстей» (л. 371 и др.), «н е п р е к л о н н ы й в вере стоятель» (л. 381), «непобедимый». Эпитеты такого рода не только оттеняют качества патриота, подражать которым призывает автор, но и способствуют резкому противопоставлению патриарха изменникам из боярского правительства. Если первый — «н е л о ж н ы й стоятель» (л. 371), «крепкодушный», то вторые — «душепагубные» и «человекоядные волки». В изображении автора, о твердость Гермогена разбиваются любые попытки изменников «покачати» его, «поколебати» и заставить сдаться «в их вражие хотение», т. е. выступить заодно с предательским боярским правительством (л. 379). Так, желая возвеличить своего героя, автор «Новой повести» удостаивает его постоянного определения «великий». Идеализация Гермогена прежде всего и сказывается в изображении его единственным среди москвичей патриотом, в умолчании автора о народном движении, поднявшемся в Москве с первых дней ее оккупации и к ноябрю—декабрю 1610 г. уже достигшем значительного размаха.

Москва, оккупированная врагами и достойная оплакивания «великими слезами», «многими главами и душами врагом и губителем покорилася, и предалася, и в волю их далася, к р о м е того нашего великого крепкаго и непоколебимаго столпа, разумнаго и твердаго адаманта, и с н и м (а не самостоятельно! — *Н. Д.*) еще многих православных християн, которыя хотят стояти за православную веру и умерети» (л. 375). Те из «православных христиан», о которых говорит здесь автор, не принадлежат, однако, к активным борцам с оккупантами; они «не могут ничево учинити и не смеют стати. А им, врагом, ничего не сотворити» (л. 382 об.). Как видим, «Новая повесть» противоречит агитационной письменности в описании московских событий, развернувшихся после убийства Лжедимитрия II. Подлинным борцом с врагами, активным деятелем— патриотом «Новая повесть» признает только одного патриарха: «Ина толка у нас ныне по бозе и по пречистей его матери стены и забрала, что он, государь, великий святитель и крепкий заступитель» (л. 382 об.). Идеализация Гермогена, таким образом, достигается путем создания впечатления о его п о л н о м о д и н о ч е с т в е среди «православных христиан», которые, как изображает «Новая повесть», еще не поднялись на борьбу с врагами. Автор резко противопоставляет патриарха части духовенства, из корысти переметнувшегося в стан интервентов (л. 382), и изменникам родины типа Михаила Салтыкова и подчеркивает, что среди некоторых «избранных», т. е. бояр, зреют только тайные патриотические настроения, и никто не осмеливается поддержать Гермогена (л. 382 об.). Но, главное,

автор замалчивает тот факт, что гораздо раньше открытого выступления Гермогена, как свидетельствует агитационная письменность, уже в ноябре—декабре 1610 г. на вооруженную освободительную борьбу стало подниматься население страны и столицы; предательское же правительство бояр лишилось серьезной поддержки в стране уже в октябре 1610 г.[117] С намеренным игнорированием этого факта тесно связано и преувеличение роли патриарха в деле освобождения Русского государства от интервентов.

Мысль об одиночестве Гермогена в борьбе усиливается в «Новой повести» сравнением его со Смоленском, вступившим в единоборство с врагом, а также — с той частью посольства, которая, находясь фактически в плену у короля, продолжала отстаивать условия договора. Подчеркивая безукоризненность поведения патриарха, автор (как и составители большинства грамот) замалчивает и другой факт [118] из недалекого прошлого Гермогена — то, что он вместе с боярским правительством заключал августовский договор.

«Новая повесть» расходится с характером идеализации Гермогена в агитационной письменности: в ней замалчивается участие широких народных масс в освободительной борьбе, Гермоген представлен единственным истинным патриотом в облике церковного пастыря, который не занимался ни «словесным повелением», ни «ручным писанием». В грамотах и «отписках» патриарх показан на фоне широко разлившегося народно-освободительного движения, его ошибка с заключением договора разъясняется в его же пользу, и сам он представлен организатором и активным участником освободительной борьбы, ее вождем.

Противопоставляя Гермогена изменническому боярскому правительству, автор «Новой повести», так же как и составители агитационных патриотических грамот, вводит рассказ о столкновении, происшедшем между патриархом и М. Салтыковым. Действующие лица не названы: автор вообще не называет имен — те, о ком он пишет, были уже известны современникам либо как изменники, либо как патриоты. Характеристика противников дается в иносказательной форме, через развернутое метафорическое сравнение известного всем «отцем отца и святителя» с «великим столпом», а изменника родины — со «злым человекъядным волком» (л. 379).

---

[117] См.: Очерки истории СССР, стр. 551.

[118] Об этом факте упоминает, например, ярославская грамота (ААЭ, т. 2, № 179-I).

Картина столкновения боярина и патриарха развертывается в духе церковно-панегирической литературы, так обычно изображающей единоборство святого со «злуначальным губителем божияго жребия» (л. 379). В данном случае место отрицательного персонажа занимает не названный по имени «той прежереченный многодушьный губитель и злый разоритель великаго государства», изменник-«богоотступник», т. е. М. Салтыков (л. 379 об.). Видя, что патриарх не поддается его соблазну («видев. . . крепкое и непреклонное того столпа стояние») и по-прежнему стоит «за святую и непорочную веру и за все православное християньство», он прибегает к угрозам, «аки безумный пес» начинает «лаяти и нелепыми славами, аки сущий буй, камением, на лице святителю метати, и великоимянитое святительство безчестити, и до рождьшия его неискусным и болезненым словом доходити» (л. 379 об.).

Как «твердый адамант», патриарх не внял «никако тому речению» изменника-боярина «и того. . . буесловия не убоялся, ни устрашился, наипаче же посмеялся тому его безумному словесному дерзновению, но и зело ему вспретил и велие ему зло провозвестил» (л. 379 об.). Оружием Гермогена является его патриаршее слово, его проклятие, и автор изображает, как в ответ на угрозы «богоотступника» «святейший» патриарх «из пречестных своих уст ему (т. е. М. Салтыкову, — *Н. Д.*) изрек. . . яко острым оружием, своим святительским словом тело и злохитрую душу его посекл» (л. 379 об.). Проклятие патриарха, переданное для большей убедительности прямой речью, выражено традиционной фразеологией, принятой при изображении столкновений, из которых победителем выходит положительный герой. «Да будеши проклят. . . в сем веце и в будущем» вместе с Сигизмундом и Владиславом (если Владислав не примет православия) — так проклинает патриарх, а его враг-боярин, «окаяный, стули лице свое, отиде со всем своим сонмом посрамлен и изумлен» (лл. 379 об., 380); при этом, в полном согласии с фактами, автор добавляет, что боярин притворно раскаялся «о прадерзке словесней. . . и у великаго святителя и у незлобиваго учителя прощение испросил» (л. 380—380 об.).

О патриотической деятельности Гермогена «Новая повесть» мало что может рассказать конкретного, так как и в действительности его жизнь была не богата примерами героизма.

Автор «Новой повести» в идеализированной характеристике патриарха подчеркивает его неустанную заботу о «православных христианах», которых он учит верности родине, непоко-

лебимости и стойкости, мужеству в борьбе с врагами. Оттеняя в его поведении эти черты, автор широко использует традиционный метафорический стиль, проявляя, однако, своеобразие в истолковании и применении отдельных элементов этого стиля. Следует отметить, что именно в эпизодах «Новой повести», посвященных Гермогену, сильнее всего сказалось стремление автора украсить изложение, придать ему особую торжественность, что и породило определенный налет риторичности.

Гермоген, наставляющий москвичей, представлен в традиционном образе «доброго пастыря», «неложного пастыря», охраняющего свою паству и церковь — «чистую голубицу» — от врагов, «душепагубных человекоядных волков» (л. 384). Этот евангельский образ «доброго пастыря» (Христа) в исторической литературе XV—XVI вв. был очень распространен.[119] Гермоген достоин сравнения с «пастырем добрым», который «душу свою полагает за овца» (л. 381 об.), он подобен самому Христу — пастырю, часто изображаемому с агнцем на плечах,[120] только на «вые» Гермогена не одна овца, а все «заблудшие» «православни християне» (лл. 381 об. и др.).

В характеристике учительной деятельности «доброго пастыря» обращает на себя внимание уподобление мятущихся москвичей «великому безводному морю», которое патриарх «словесы своими утишивает и украчает». Это уподобление стоит в стороне от традиционной метафоры: море — жизнь, бурное море — жизнь, полная волнений, тревог, нестроений, применявшейся в различных жанрах древнерусской литературы, в том числе и в исторических. Автор сочетал здесь глагол «утишивает» с эпитетом моря «безводное», хотя «утишивать» можно лишь волны на море. Образ «безводного моря», имеющий оттенок отрицательный, возник, видимо, под впечатлением другого, также восходящего к библейскому языку, образа «безводного источника». Такой метафорой апостольские послания определяли «лжеучителей», грешников (у митрополита Илариона соответственно: «пресохшее озеро» — иудейство).[121] В глазах автора «Новой повести» москвичи, которые сами не могли разобраться в происходящем и не выступали против врагов, — своего рода грешники: патриарх «утишивал» не раз вспыхивавшие противоправительственные выступления московского посада, направляя народный гнев против оккупантов и отводя его от русских властей. Но, быть может, волнующаяся

---

119 См.: Адрианова-Перетц. Очерки, стр. 97—102.
120 См.: там же, стр. 98.
121 См.: там же, стр. 50, 52.

толпа, волнения населения в стране просто напомнили автору море, и он уточнил сравнение определением «безводное».

Особенно широко и оригинально применяется в «Новой повести» для изображения стойкости Гермогена традиционная метафора: «столп», «непоколебимый столп». К ней автор возвращается постоянно. Иногда эта метафора вводится в ее обычном виде: автор рассказывает, как сторонники Сигизмунда III замыслили «непоколебимаго нашего столпа покачати и на свою отпадшую от бога страну кочнути», чтобы этот «великий столп и твердый адамант. . сам бы поколебался», т. е. «здался в их вражие хотение», и своим примером «всему бы множесвенному народу. . . в погибелный ров во веки пасти понудил» (л. 379). Но «великий же и непоколебимый столп богом крепко водружан» на незыблемой почве: «не на песце основан, но на земли сердечней тверде. Сам никако же не поколебался и не покачнулся нимало» (л. 379).

Затем метафора (непоколебимо возвышающийся столп, основанный на тверди сердечной) разрастается. Возникает образ «великой полаты широтою и долготою и округ», с живущим в ней «многочисленным народом» — символ всей Русской земли, которая «стоит и держится» этим столпом, опирается на него и благодаря ему нерушима (л. 379—379 об.).

Тот же метафорический образ «столпа» повторяется при изображении оккупированной врагами страны, в которой не сдался только один патриарх и один «яко столп, непоколебимо стоит посреди нашея великия земли, сиречь посреди нашего великаго государства» (л. 374 об.). Одиноким «непоколебимым столпом» стоит он и в Москве, «всеми стенами и многими главами» сдавшейся врагам (л. 375).

Образ «непоколебимого столпа» снова появляется, когда автор уравнивает общегосударственное значение воинской доблести защитников Смоленска, мужества «вящих самых» из посольства и выступлений патриарха Гермогена против врагов, против присяги Сигизмунду. В трактовке автора, патриарх «непоколебимый столп сам крепко и непоколебимо во уме своем стоит, и не стены едины великаго нашего града (т. е. Москвы, — *Н. Д.*) держит», но своим патриотическим примером и силой своего морального превосходства над остальными людьми «всех крепит, и учит, и умными их в погибельный ров впасти не велит. И паки великое сие безводное море словесы своими утишивает и украчает» (л. 376).

Своеобразие применения в «Новой повести» традиционного в древнерусской литературе эпитета-метафоры «столп», определяющего стойкость, непоколебимость, может быть наглядно представлено при сравнении с употреблением того же эпитета в наиболее близком к «Повести» по своему патриотическому настроению «Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства». Здесь образ Гермогена также идеализирован, и автор также наделяет его прославляющими эпитетами: «Непоколебимый. . . столп благочестия, предивный рачитель християнския веры, крепкий твердый адамант, человеколюбивый отец, премудрый ерарх».[122] Однако дальше этой традиционной формулы автор «Плача» не пошел. Между тем в «Новой повести» образ «столпа» получил оригинальное развитие, которое возможно было навеяно строительной техникой XVI—XVII вв. Своды «единостолпных» палат, которые в это время вошли в употребление, действительно опирались на единственный столп в центре палаты (таковы Грановитая палата и ряд монастырских трапезных середины XVI—XVII вв.). Подобно тому, как столп этот «держал» своды палаты, так и Гермоген, стоя «посреди нашея великия земли», «все великое наше Росийское государство держит» (л. 375).[123]

В облике Гермогена «Новая повесть» стремится подчеркнуть его мужество перед врагами, которое должно, по замыслу автора, стать для «православных христиан» примером для подражания и побудить их к восстанию. Сопоставление Гермогена со Смоленском отражается и в своеобразной перекличке метафор, представляющих Смоленск в образе мужественного воина, сдерживающего дикого коня — полчище Сигизмунда, и характеризующих Гермогена «воином Христовым». Традиционная метафора «крепкий воин Христов»[124] развертывается в целую картину: оружием патриарха, соответственно его сану, является «слово божие», которое заменяет «воину Христову» тулы и мечи, шлемы и копья, крепостные стены и вооруженное воинство, «понеже ему не дано то, ни повелено от сотворшаго вся того держати» (л. 380 об.). «Слово божие», которое он несет своей пастве, — вот оружие и доблесть «воина Христова» (лл. 380 об.—381). В исторической литературе начала XVII в., когда призывы в защиту национальной независимости приобретают сильную религиозную окрашенность и звучат как при-

---

[122] РИБ, т. XIII, стлб. 230.

[123] Это толкование было предложено Д. С. Лихачевым при обсуждении данной работы.

[124] См.: Адрианова-Перетц. Очерки, стр. 102—108.

зывы «за веру православную», с новой силой оживает и метафора «воин Христов». Автор «Новой повести» делает эту метафору одной из главных, определяющих Гермогена. Желая возвеличить патриарха, он придает образу «воина Христова» еще большую значимость и величие, прибегая к гиперболе. «Воин Христов» сравнивается с «исполином-мужем»: «. . . аки исполин-муже, б е з о о р у ж и я и б е з о о п о л ч е н и я в о и н ъ с к а г о, токмо учение, я к о п а л и ц у, в руку свою держа противa в е л и к и х а г а р я н с к и х п о л к о в и побивая всех. Такоже и он, государь. . . токмо с л о в о м б о ж и и м всем соперником нашим з а г р а ж а я уста и посрамляя лица и безделны о т с ы л а я от себя. И нас всех у к р е п л я е т и п о у ч а е т, чтобы страха их (от врагов, — *Н. Д.*) и прещения не боятися, и душами своими от бога не отщетитися» (л. 374 об.). Часто эта метафора встречается рядом с другими, близкими ей: забрало, стрелы, стена, щит.[125]

Отсутствие конкретных фактов восполняется в характеристике Гермогена риторическими приемами восхваления, использованием широко известных в XVII в. метафор, риторических восклицаний и обращений, перифраз, которые подчеркивают его идеальные качества. Отлично владея традиционными тропами, автор умеет, опираясь на них, проявить и свое индивидуальное истолкование, находит новые оттенки значения привычных образов. Нередко вкладываемый в эти образы смысл разъясняется им самим.

Обращаясь к литературным портретам Гермогена, мы видим, что в ближайшем по теме к «Новой повести» «Плаче о пленении» также упоминается лишь об учительной деятельности патриарха. Выше уже указывалось, что в «Плаче» ему присвоен тот же метафорический эпитет «непоколебимый столп», а сам он представлен как «человеколюбный отец», который, «видя людей божиих, иже в велицей России мятущихся и зело погибающих, много наказуя их и полезная вещая им».[126] Содержание приводимой далее речи Гермогена сводится к предостережениям против «злохищных волков» (в этом «Плач» совпадает с «Новой повестью») и к советам молиться богу, «да подаст вам разум благ, еже творити душам своим полезная и царствующему граду и окрестным градом благостройная, а не мятежная».[127] В чем, однако, заключалось это «благостройное» и

---

[125] См.: там же, стр. 108.
[126] РИБ, т. XIII, стлб. 230.
[127] Там же, стлб. 230—231.

противопоставленное ему «мятежное», — автор не раскрыл. Тема Гермогена не заняла большого места в «Плаче», и в нем нет ни малейшей попытки так приподнять образ патриарха, чтобы сделать его примером для подражания, изобразить единственным борцом за правду.

Во «Временнике» И. Тимофеева Гермоген изображен «крепце храбрствовавшим» против «латыни», «огненосным ревнителем... за Христову веру», «языком единем токмо со усты, яко мечем, противныя немилостивне» посекающим. Среди «посеченых» названы Салтыков и Андронов. Во «Временнике» вспоминается и о том, как «новоблагоотступницы преже ласканми, потом же прещенми» пытались склонить Гермогена к присяге Владиславу, за которым стоял Сигизмунд III.[128] Но и у этого автора нет такого преувеличения реальных заслуг патриарха, как в «Новой повести».

Особое место занимает характеристика Гермогена в «Словесах» И. Хворостинина. Явный почитатель патриарха, всячески подчеркивающий, как ценил его Гермоген, Хворостинин защищает его поведение во время борьбы за свержение Василия Шуйского, а затем изображает его сторонником кандидатуры Владислава: «да будет нам владыко и царь», если примет нашу веру, но «несть нам царь», «аще не будет единогласен веры нашея».[129] За это требование Гермоген подвергся гонениям «властодержцев», но продолжал «яко предобрый воин Христов» «обычное свое учение», «немилостивно велеречием своих словес погубляющи враги божия закона».[130]

Как видим, портрет Гермогена, созданный автором «Новой повести», не отразился у последующих писателей, хотя некоторые из них дали положительную, а иногда и очень высокую оценку его поведения во время оккупации Москвы. Наличие общих с «Новой повестью» панегирических метафор, примененных в характеристике патриарха (воин Христов, непоколебимый столп), свидетельствует лишь о том, что она создавалась средствами традиционного стиля.

Своеобразие изображения Гермогена в «Новой повести» определено прежде всего агитационными целями, стремлением не только отделить патриарха от предательского боярского правительства, но и противопоставить их друг другу. Осуществить это автору удалось за счет идеализации Гермогена, как патриарха, отрешенного от всяких «мирских» дел. Сама же

---

[128] См.: там же, стлб. 440.
[129] Там же, стлб. 550.
[130] Там же, стлб. 551.

идеализация достигнута при помощи традиционных средств церковно-панегирической литературы; именно они позволили автору превратить реального исторического деятеля в схематичного положительного героя, противопоставленного врагам и изменникам родины. В рамках обычного для исторических и публицистических произведений начала XVII в. изображения патриотов как «православных христиан», а врагов и предателей — как «бесовского сонмища богоотступников», «Новая повесть» наделила Гермогена чертами идеального христианина, т. е. святого мученика, вся жизнь которого отдана мужественной защите «православной веры» от «безбожных», «богоотступников». И в этом заключается еще одно отличие образа патриарха в «Новой повести» от того представления о нем, которое отразилось в «отписках», «грамотах» и воззваниях патриотического лагеря.

7

Изображение смольнян, «вящих» из великого посольства. и Гермогена в «Новой повести» показывает, что ее автор считает стойкость наиболее необходимым качеством истинных патриотов, защищающих родину от интервентов, поэтому все положительные примеры поведения и характеризуются одними и теми же определениями: крепкий, непоколебимый, твердый. Положительные герои «Новой повести» не только стойко, крепко, твердо, непреклонно борются с оружием в руках, как смольняне, или отстаивают условия августовского договора, как члены посольства или поддерживающий послов Гермоген, но и не поддаются ни на какие лживые и льстивые обещания врагов.

Оценка автором «Новой повести» Сигизмунда III и всего лагеря оккупантов, с одной стороны, и русских пособников их, т. е. в первую очередь боярского правительства, с другой, сложилась в обстановке, когда боярское правительство и оккупационные власти требовали присяги самому королю как отцу королевича (в дополнение к уже принесенной присяге Владиславу). Этот новый поворот политики означал не только подмену кандидатуры Владислава кандидатурой Сигизмунда, но и отказ от условий августовского договора.

Обман августовских договорных обещаний раскрывается и в агитационной патриотической письменности, и в «Новой повести». Однако, уделяя много внимания разоблачению нарушения договорных условий, «грамоты» и «отписки» не отводят особого места характеристике Сигизмунда III, не выделяют его из «панов», «литвы», тогда как «Новая повесть» именно в образе

короля воплощает зло, принесенное интервентами русскому народу.

Как справедливо отметил С. Ф. Платонов, автор «не отрицает безусловно кандидатуры Владислава».[131] Быть может, он и предпочел бы русского претендента на престол из рода Голицыных или Романовых. Не случайно автор с явным осуждением пишет о мотиве, побудившем выдвинуть иностранного кандидата на русский престол: «. . . гордости ради и ненависти не восхотеша многи от християньска рода царя изобрати и ему служити, но изволиша от иноверных и от безбожных царя изыскати и ему служити» (л. 373). Однако автор полагает, что в свое время заключенный августовский договор был все же делом справедливым («правдой» — л. 376) по сравнению с «блазным оманом и прелестью» (л. 378), т. е. с тем, что позже задумал и пытался осуществить Сигизмунд III.

Владислав представлен «Новой повестью» в образе «ветви» от того же «гнилаго и нетвердаго, горкаго и криваго корении древа», без будущего (л. 371). Эта ветвь выросла в «застени», без «праведного солнца», во «тме неведения». Автор образно излагает условия договора, на которых по настоянию посольства и патриарха Гермогена должны были принять Владислава русским царем: «. . . нам бы его (Владислава, — *Н. Д.*), по нашему закону, аки новородити, и от тмы неведения извести, и, аки слепу, свет дати, и на великий престол возвести и посадити, и скипетр Росийскаго царства вручити» (л. 371 об.). Здесь в традиции церковно-дидактической и хронографической литературы [132] образ тьмы использован для характеристики безбожия, ереси, иноверия, а свет — определение православной веры, противопоставленной «латинству». Требование предварительного принятия Владиславом православной веры основывается на ожидании автора «Новой повести», что иностранный кандидат в русские цари сохранит «закон» и «устав», издавна утвердившиеся на Руси. Кроме того, автор требует предварительного вывода войск интервентов «с царствующаго града (Москвы, — *Н. Д.*) и изо всея нашея земли, вон. . . в свою их проклятую землю и веру» (л. 372).

Итак, сама по себе кандидатура Владислава для автора «Новой повести» приемлема, но при соблюдении определенных условий договора, которые помогли бы ему после принятия православия, «рости бо. . . и цвести во свете благоверия, и своея бы ей горести отбыти, и претворитись бы в сладость, и

---

[131] Платонов. Древнерусские сказания, стр. 121.

[132] См.: Адрианова-Перетц. Очерки, стр. 38—41, 56.

всем людем подовати плод сладок» (л. 371 об.). Эти условия принятия Владислава на царский престол полностью совпадают с требованиями, которые, по свидетельству «Новой повести», «смоленского» воззвания и других источников, предъявлял по этому поводу патриарх Гермоген.

Не договор осуждает автор и не кандидатуру Владислава, а Сигизмунда, нарушившего августовские условия, сделавшего не так, «яко же нам годе», и М. Салтыкова с Ф. Андроновым и другими «избранными» за то, что они в этом способствовали королю. Поэтому же так преувеличенно автор восхваляет тех, кто твердо стоит за претворение договора в жизнь.

Авторская «правда» — это «правда» послов и патриарха Гермогена, которые поддерживают августовский договор. Договор прямо назван посольской «правдой» (л. 374), миссия послов — «добрейшим делом», «мирным совещанием», «лутшим уложением» (л. 371). Гермоген, по рассказу автора, стоит за кандидатуру Владислава (против Сигизмунда) при условии соблюдения договорных обещаний — принятия королевичем православия (лл. 379 об.—380).

Одним из важнейших пунктов договора автор считает сохранение издавна принятых русских «законов» и «уставов», на основе незыблемости которых, по его мнению, возможно верное служение царю Владиславу: «. . . и ему бы (т. е. Владиславу, — *Н. Д.*) у нас вся добрая творити, и закона бы нашего и устава ничем не разоряти. . . А нам бы ему также неизменно и непоползновенно служити» (л. 371 об.). Исполнение августовского договора, полагает автор, привело бы к установлению утраченного «порядка»: «. . . уже бы к тому неповинней крови християнстей не литися, и волнению престати, и впредь тихо и безмятежно жити» (л. 372).

Таким образом, автор «Новой повести» не был бы принципиальным противником кандидатуры Владислава, если бы обусловивший его воцарение договор был соблюден. Но, как видно из всего содержания его «Повести», разоблачающей королевский обман, он писал свое воззвание уже тогда, когда никаких надежд на реальность выполнения «правды» августовского договора у него не оставалось. И его задача заключалась в том, чтобы раскрыть своим соотечественникам (прежде всего москвичам, часть которых еще верила в возможность выполнения условий этого договора и в приезд Владислава в Москву) их заблуждение и показать подлинные захватнические намерения Сигизмунда III, который, как уверен автор, захватив Русское государство, отдаст его на разграбление своим наместникам — «сподручникам».

Поставив перед собой такую задачу, автор, как увидим, значительно расширил и усилил, по сравнению с агитационной письменностью, осудительную характеристику главы интервентов — Сигизмунда III, использовав в ней и традиционные средства хронографического стиля, и выразительность бытовых сравнений, которые сделали более доходчивым и убедительным портрет врага. Вместе с тем «Новая повесть», подобно всей агитационной письменности участников народно-освободительной войны, воздействует на читателей и картинами вражеских насилий, произвола. Стремясь обосновать мысль о необходимости начать вооруженное восстание в самой Москве, автор, естественно, с особым вниманием останавливается на поведении оккупировавших столицу польско-литовских отрядов. Не ограничиваясь обобщенной картиной насилий («какое гонение на православную веру и какое утеснение всем православным християном. всегда многим смертное посечение, а иным зелное ранение, а иным грабление, и женам безчестие и насилавание» — л. 384), автор рисует бытовые сцены, которые разыгрывались постоянно на глазах москвичей у торговых мест, где товар отнимали «сильно и смертию претили», в Кремле, у городских ворот, где прохожих, «аки мышей, давили». Именно эти картины насилий заставляют автора прервать рассказ и обратиться к читателям с горестными упреками. Он предупреждает их, что слезы, рыдания и воздыхания не помогут, нужен «подвиг и радение», т. е. активный протест. Если же мы «над ними, враги, ничего не промышляем, и все в презорство пущаем, и сами в свою землю и веру злое семя вкореняем» (л. 385—385 об.).

* * *

Итак, в основе отрицательной характеристики Сигизмунда III лежит осуждение его за обман с августовским договором и исторически правильная оценка автором связи похода короля на Русское государство с агрессивными замыслами его предшественников: «Злонравный же, злый он, сопостат-король, никако же ничего того (т. е. августовского договора, — *Н. Д.*) не хотя и не мысля в уме своем, тако тому быти, яко же нам годе, — понеже от давных лет мыслят на наше великое государство все они, окаянники и безбожники, иже и преже того были ево же братия. . . како бы им великое государьство наше похитити. . . Но не у бе им было время, дондеже прииде до того нынешняго нашего сопостата-врага, короля» (л. 372).

Историческая литература средневековья вплоть до начала XVII в., резко разграничивая положительных и отрицательных

героев, представляла первых руководимыми божественной силой, а поступки и поведение вторых приписывала внушению дьявола.[133] Так и в «Новой повести» Гермогену, смольнянам и другим патриотам помогают сам бог и богородица, Сигизмунд же уподоблен «сатане», а его слуги — «бесам», обманывающим «православных христиан» (л. 377 об.). Традиционный книжный прием поддерживается в «Новой повести» агитационным назначением произведения, которое побуждает автора высказывать свою определенную оценку, указывая читателю, кто враги и кто патриоты.

Уподобление Сигизмунда сатане, а всего вражеского воинства, «способников» короля (л. 370), его «подручников»-предателей, королевских «доброхотов» — бесам прочно закрепляется в «Новой повести». Воссоздается картина: «Окаянный», «супостат нашь и сущий враг всех нас» (л. 378), Сигизмунд мечтает овладеть Русским государством, и тогда «подручники» короля («такие же безбожники») будут ему, как «сатане» «бесы», «жертва приносити», собирая с покоренного населения «дани-оброки всякия тяжкия» (л. 378 об.) Полки короля названы его «бесовъским. . . воиньством» (л. 373 об.—374); к «тое же душепагубныя бесовския сонмицы» причислены М. Салтыков (л. 379) и Ф. Андронов. Последний, грабя богатства из вверенной ему казны, готовится в случае поражения «им бы у сатаны у своего величества своего не отщетится, и тем бы. . . к нему примирится, и смертию бы от него не скончатися» (л. 386 об.).

С хронографическими отрицательными героями сближают Сигизмунда в «Новой повести» традиционные звериные образы, посредством которых в хронографах XV—XVI вв. обычно характеризовались человеческие страсти.[134] Сигизмунд сравнивается со «злым волком», стоящим «под городом Смоленьском» (л. 378 об.), и со змием. В этих и других «звериных» символах, в сравнениях врагов и предателей со львами и псами, автор использует те оттенки значения этих образов, которые они сохранили от своего первоначального книжного происхождения (из библейско-византийской переводной и оригинальной рус-

---

[133] См.: Д. С. Лихачев. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII века. — ТОДРЛ, т. VIII, 1951, стр. 219; см. стр. 14, 24 и другие той же статьи в переработанном виде, опубликованной в книге: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958 (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР); Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 338 (В дальнейшем — Лихачев. Русские летописи).

[134] См.: Лихачев. Русские летописи, стр. 341.

ской религиозно-панегирической литературы) и которые иногда расходятся с их значением в устном народном творчестве.[135]

Раскрывая «блазный оман и прелесть» Сигизмунда, интервентов и предателей и указывая на многочисленность и силу врага («число много»), автор «Новой повести» прибегает к метафорическому изображению короля — «сатаны» в виде «змия», а его «бесовского воинъства» в виде змей, скорпионов и волков. Предполагаемый захват Москвы автор, например, описывает так: «Тогда, аки змий, возлетит к нам со всем своим бесовским воинъством. Й которые ныне зде, у нас, все на нас востанут, аки змии и скорпии, или, яко волки лютыя» (л. 378). Образ змея здесь использован автором в духе книжной традиции, как символ зла, «лести», коварства и всякого обмана, как символ страшного по своей силе врага.[136] Те же метафоры применяются для изображения королевского «бесовского воинъства», «безбожников», наделенных «змииными устами» (л. 384) и сравниваемых с «душепагубными человекоядными волками» (л. 384), «лютыми», «злыми» и «гладными волками» (лл. 372, 370, 370 об.).

Образ враги-волки, примененный к Сигизмунду и ко всем врагам, развивается автором так же, как и другие, вслед за прочно сложившейся книжной традицией и является частью развернутой картины: пастух, овцы и волк. Автор раскрывает эту метафору, когда сравнивает смольнян с «агнцами», оказавшимися во «устах волчиих», т. е. врагов, осадивших Смоленск (л. 370 об.). Религиозный оттенок этой метафоры враги-волки[137] ощущается в том, что автор подчеркивает иноверие интервентов и их вражду к православным: «великие агарянские полки», «душепагубные наши волки и губители» (л. 374 об.). В применении к Сигизмунду, приравненному к самому «сатане», образ волка также звучит по-книжному традиционно. В характеристиках интервентов встречаются и другие «звериные» метафоры, сравнения: «аки псы» (л. 378), «аки лютыя львы» (л. 370) и др.

Но рядом с традиционными «звериными» метафорами появляется и оригинальное сравнение Сигизмунда и его войска с «лютым, свирепым и неукротимым жребцом», «ревущим на мску». Это сравнение составляет часть приведенного выше (стр. 105) сопоставления героически сопротивляющегося Смоленска с «прехрабрым воином», который этому «жребцу» — «браздами челюсти. . . удержевает и все тело его к себе обращает и воли ему не подаст». Это иносказание затем подробно разъяс-

---

[135] См.: Адрианова-Перетц. Очерки, стр. 118—121.
[136] См.: там же, стр. 94.
[137] См.: там же, стр. 97, 100—102.

няется: «жребец» — «сопостат наш и похититель веры нашея православныя», он «ревет» на «великое наше государство»; воин — Смоленск «все тело его к себе обращает», не дает королевскому войску идти к Москве. Бытовой характер картины не нарушается тем, что в ней упоминается «мска» — мул: это животное было широко известно в русской литературе уже с XI в. Может быть, не случайно автор представил в образе этого мирного животного, на которое ревет «лютый и неукротимый жребец», Русское государство: оно не давало повода Сигизмунду III для нападения.

Изображая Сигизмунда, автор дает общую отрицательную оценку ему, его полчищам и сообщникам как воплощению зла[138]: «злодей наш» (л. 373 об.), со «злым умышлением» (л. 373 об.), «злонравный же злый он, сопостат-король» (л. 372), «злодеец нашь» (л. 377 об.), «аки злой волк» (л. 378 об.), со «злокозненым сердцем» (л. 379) — всякий раз подчеркивает автор «Новой повести», упоминая о Сигизмунде, и тот же отпечаток накладывает на характеристику интервентов (сердце их «злокозненое и злоестественое», а сами они, «аки злыя волки» — л. 370) и русских сообщников короля («злодеев»), в частности М. Салтыкова («злый разоритель великаго государства», со «злохитрой душой» — л. 379 об.) и Ф. Андронова («враг и лютый злодей нашь» — л. 386, «дело» его «злое» — л. 385 об.).

Изображение интервентов в «Новой повести» подчинено задаче разоблачения их как захватчиков путем раскрытия обмана августовских обещаний. Автор всякий раз подчеркивает, что подлинное лицо интервентов всем очевидно, что они общие «видимые враги» (л. 381).

Повествование о нарушении договорных условий одновременно вырастает в «Новой повести» в характеристику поступков Сигизмунда. Вместо того, чтобы вывести войска из Москвы и из всей Русской земли, как было обещано в договоре, король «всю нашу землю наполнил» «своим воиньством» (л. 374—374 об.), а сам, «аки злой волк», продолжает «под городом Смоленьском стояти» и решил «тем врагом воля дати землю нашу разоряти, и неповинную кров христьяньскую разливати, и на достолных безмерныя и неподъятныя кормы имати, и до смерти же мучити»; приказал король и «посланных наших насмерть морити, и у нас зде, в великом граде (т. е. в Москве, — *Н. Д.*), великое утеснение чинити» (л. 378 об.). Автор напоминает о тех страшных притеснениях, которые уготовил «злодей» для послов: «И тех

---

[138] См.: Л и х а ч е в. Русские летописи, стр. 340.

посланных наших держит и всякою нужею, гладом и жаждою конечно морит и пленом претит» (л. 374).

Так, через описание действий, не расходясь в этом отношении с хронографическим приемом раскрытия характера злодея,[139] «Новая повесть» рисует отрицательный образ Сигизмунда III. Однако облик Сигизмунда раскрывается также через изображение его помыслов и страстей. Разоблачая вражеские планы захвата Русского государства, автор обнажает мысли и чаяния своего отрицательного героя, наделенного «злонравным и жестоким сердцем». Сигизмунд думает лишь о том, как бы он «вконец бы всеми нами обовладел и во всем бы над нами волю свою сотворил» (л. 375 об.). «И уже конечно во уме своем мыслит, что великое наше государство обовладел. . . конечно надежен стал быти» (лл. 373 об.—374), — подчеркивает автор самоуверенность короля.

Жажда славы и властолюбие у короля настолько велики, что хотя он «и сам зде (в Москве, — *Н. Д.*) жити не хощет», но от своих захватнических замыслов ни за что не откажется, «токмо бы ему своя воля сотворити и великая бы слава учинити, что всеми бы нами обовладели, и нам бы под рукою его быти и его слыти» (л. 378 об.).

Раскрывая «злонравие» «сопостата», заглядывая в его «злокозненое сердце», хранящее «тайну» (л. 379), автор разоблачает его тактику обмана с августовским договором, его хитроумный политический расчет: он выдвинул кандидатуру королевича как раз в период «смуты» среди русских и династического кризиса: «И паки надеяся на то, окаянный, что. . . царский корень у нас изведеся. . . и земли нашей без них, государей, овдовевши и за великия грехи наша в великия скорби достигши. И горши всего, разделение в ней на ся учинися. И гордости ради и ненависти не восхотеша многи от християньска рода царя изобрати и ему служити, но изволиша от иноверных и от безбожных царя изыскати и ему служити» (л. 373).

Желая убедить «православных» в том, что обещания, данные в августовском договоре, — «блазный оман и прелесть», что «ничему тому не бывати. . . что сыну зде у нас живати», автор напоминает о нарушении договорных обещаний, о продолжении военных действий и обращается к житейскому опыту читателей: «Чаю, яко и малым отрочатем, слышавше, разумети мощно, не токмо сверстным и в разуме совершеным человеком! Коли отец лиха хощет сыну?!. . . И нам сына дати, а самому, аки злому волку» продолжать разорять будущую вотчину

[139] См.: там же, стр. 343.

сына?! (л. 378—378 об.). Стремление раскрыть читателю тайные помыслы Сигизмунда, найти для них психологическое объяснение (какой отец хочет зла своему сыну?) — характерная черта литературного приема автора. Он как бы ищет реального объяснения поступков отрицательного героя не только в его «злом нраве», но и в отцовских чувствах.

Так жизненные наблюдения автора углубляют риторическое выражение душевных состояний отрицательного героя, выполненное в привычной хронографической манере. Подобное сочетание двух разностильных описаний находим в эпизоде, показывающем, как Сигизмунд нетерпеливо ждет покорения Русского государства и уже заранее охвачен радостью будущей победы: он «зело зель возрадовася во злокозненом сердцы своем и воскипе всеми уды своими» (л. 372). Вслед за этим, выдержанным в риторическом стиле [140] оборотом, автор спешит сделать свой высокий слог более ясным для массового читателя: [141] «. . . яко бы некто, не изгубя, велико богатество хощет обрести, и вельми рад бысть в сердцы своем, и, некоея ради вины, еще не до конца его видит в руках своих» (л. 372). И далее проводится параллель между переживаниями людей, охваченных жаждой легкой наживы, и чувствами, которые должен был, по мнению автора, испытывать Сигизмунд: «Тако же и он, окаянный король. Ни ему искони дано от бога и паки ни его достояние, ни отечество, а хощет сие великое наше государство и в нем безчисленное богатество взяти и владети, и радуется, и кипит злым своим сердцем» (л. 372—372 об.). Затем следует полное злой иронии над королем описание его нетерпения, выполненное как бытовой, просторечный рассказ: ожидая покорения России, он «чаяти, яко и на месте мало сидит или такоже мало и спит от великия тоя своея радости» (л. 372 об.). Так хронографический образ «злодея» Сигизмунда приобретает бытовые черты.

На житейский опыт читателей рассчитывает автор и тогда, когда вводит бытовое сравнение нападения Сигизмунда на Русское государство с поведением «злого и силного безбожника», который совместно со своими «злодеями» хочет взять за себя насильно богатую и «благоверную» красавицу-невесту, не взирая на нежелание самой невесты, ее родственников и доброжелателей. «Силою и некоим ухищрением» надеется он «под ся» покорить «сродников и доброхотов невестних», «тогда и невесту за ся и со всем ея богатеством получит» (л. 372 об.).

---

[140] См.: там же, стр. 340.
[141] См.: Тотубалин. Новая повесть, стр. 336—337.

Автор, как обычно, спешит сам растолковать читателю свое сравнение — иносказание: невеста — Москва, «царствующий великий наш град», не желающий покориться врагу, за Москвой стоит «все наше Росийское великое государьство», «достояние» (л. 372 об.). Под «сродниками» и «доброхотами» невесты автор подразумевает Смоленск («оный крепкий наш же заступник и поборник, иже он, окаянный, под ним стоит») «и иные и все грады наши, не хотящие за него» (лл. 372 об., 373). В образе «злодеев», помогающих «безбожнику» «пояти» невесту, выведены предатели из боярского правительства, подготавливавшие сдачу Москвы Сигизмунду.

Как видим, автор «Новой повести» предпочел и в данном случае отойти от традиции изображения государства в годы бедствий в облике скорбящей вдовы [142] и построил своеобразную картину борьбы за невесту — между «безбожником» и его злодеями, с одной стороны, и «доброхотами и сродниками» невесты — с другой. Тон бытового рассказа в этой картине выступает особенно наглядно, если поставить рядом такое же сравнение России с невестой в «Плаче о пленении». Здесь автор, вспоминая былую «высоту и славу великия России», заканчивает сравнением: «. . . и во всем, дерзновенно рещи, толикаго учреждения бысть преисполнено, и светом и славою превзыде, яко невеста на прекрасный брак жениху уготована».[143]

Резко отрицательная оценка в «Новой повести» Сигизмунда III не выделяет сама по себе это произведение из ряда других литературных рассказов о нем. Как ни мало внимания уделено королю в «Плаче о пленении», но и здесь он наделен эпитетами, подчеркивающими его враждебность «православной вере» и жестокость. «Литовский король» в «Плаче» — «нечестивый», он «воста на православную христианскую веру», «велику ярость и злобу воздвиже», «многи грады и села разори, церкви и монастыри разруши», он «несытный кровожелатель», «злочестивый». Не вдаваясь в подробное разоблачение обмана королевского договора, автор «Плача» все же называет обещание дать королевича на русский престол «враждебным королевским лукавством».[144]

---

[142] Этот традиционный образ России — вдовы развернут во «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева (см.: О. А. Державина. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник». — В кн: Временник Ивана Тимофеева. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной, М.—Л., Изд. АН СССР, 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 159—161 и 365. (В дальнейшем — Временник Тимофеева).

[143] РИБ, т. XIII, стлб. 221.

[144] Там же, стлб. 228—230.

В согласии с такой оценкой короля, «Плач» определяет и королевское войско, и его «гетмана». «Воинство литовское» — «треклятое», «проклятое», «поганые», «злохищные волки», «нечестивые», «пагубные волки, вкрадшиеся в оград Христова стада», «окаяннии», у них «дерзобеснии. . . руце», «нечестивии руце», они кидаются на москвичей «жестосердо, яко лви»; гетман этого «воинства» — «злояростный и бесодерзостный». Глубоко эмоционально в «Плаче» подробное описание насилий, чинимых интервентами в Москве.[145]

И. Тимофеев очень бегло коснулся событий, происходивших в оккупированной столице, в главе, посвященной патриарху Гермогену. В ней он не вспомнил Сигизмунда III, но свое отношение к королю выразил, рассказывая «о таборех», т. е. о Тушинском лагере. Здесь он косвенно, через характеристику первого Лжедимитрия, дает оценку и польскому королю. «Гришка Рострига, порекло Отрепьев», — «скимен, аспида же, обаче и яйцо василисково» — «яко сын обещанием злобы его Жигимонту, литовску кралю», он «от пазуху его» был выпущен на нас, наполненный «скорпииным. . . ядом».[146] Так привычные звериные метафоры, какими наделен вышедший «от пазуху» королевской, Самозванец, обращаются и на самого Сигизмунда. Затем идет полный осуждения рассказ о том, как «дерзостне яряся» на благополучие России, особенно на ее «пресветлую веру», король отпустил свое войско на поддержку второго Самозванца. Характерно, что в дальнейшем интервентов, исполнителей планов короля в Москве, Тимофеев именует кратко «литва» или «латыняне», а весь свой гнев в рассказе о Гермогене обрушивает на «злолютную злобу» «соприобщающихся» к врагам русских изменников.[147]

Очень кратко, но с определенно отрицательной оценкой изложена история с кандидатурой Владислава на русский престол в Хронографе редакции 1617 г. Сообщив о русском посольстве к королю, автор этой статьи сразу открыл обман короля: «Древниа же лжи проказивыа лестьцы злохитрыя поляки аще и мирная совещаваху, но в сердцы язвы лукавыя ношаху. Тогда и мирная составлениа разрушати начинаху и народ християнский тяжко озлобляху» [148] (см. то же в «Ином сказании»).[149]

---

[145] См.: там же, стлб. 229—233.
[146] Там же, стлб. 409.
[147] Там же, стлб. 409—410, 440.
[148] Там же, стлб. 1309.
[149] Там же, стлб. 123.

Авраамий Палицын уклонился от общей оценки польского короля и его войска, ограничившись лишь кратким рассказом об отказе Сигизмунда выполнить условия, переданные от московского правительства посольством. Этот эпизод с явным осуждением вспоминает «Повесть» Катырева-Ростовского, говоря о «ярости», «гневе», «гордых словесах» и «претителных обидах», какими король ответил послам.[150] Но в этом позднем рассказе уже отпали все те осудительные эпитеты, какими так щедро наделили короля и его воинство свидетели оккупации Москвы — авторы «Новой повести» и «Плача о пленении».

8

Безоговорочно отрицательной оценкой всего поведения Сигизмунда III, замыслившего «обман» еще в пору заключения двух договоров, определяется оценка в «Новой повести» и тех русских, которые в той или иной степени, сознательно или невольно, способствовали успеху действий интервентов.

За прямой союз с врагами и помощь в осуществлении обмана автор сурово обличает изменников из боярского правительства, хотя за доверие к вражеским лживым заверениям, за отсутствие твердых патриотических настроений, за нерешительность, пассивность по отношению к захватчикам, при тайном сочувствии патриотам, автор лишь укоряет своих соотечественников, признаваясь, что и сам он «ради суетныя сея славы и тленнаго богатества» «прилепился» к «ним, ко врагом» (л. 387 об.).

Эта попытка отойти в историческом рассказе от прямолинейного разделения всех людей на добрых, наделенных только положительными свойствами, или злых, не имеющих ни одного хорошего качества, и показать, что бывают люди и неплохие, но слабые, неспособные, по разным причинам, на активное противодействие врагам, — весьма характерна для автора «Новой повести». Именно годы «Смуты» дали много примеров такого нестойкого поведения, когда люди, даже и понимая, кто враг, не имели мужества открыто выступить против него. Причисляя и себя к таким «грешным» людям, автор делает попытку найти им, чаще всего занимавшим в обществе видное положение, извинение.

Автор предполагает, что и среди восхваляемых им членов великого посольства были люди, которые не «от желаннаго сердца. . . приклонилися» к королю, а «втайне» искренне «с нами же за веру стояти хотят», но они «ныне. . . жжаты»,

[150] Там же, стлб. 688—689.

«великие скорби и тесноты, не мога терпети», и поэтому «разошлися и разъехалися» (л. 374). Автор не находит для них слов прямого осуждения, хотя и противопоставляет им оставшихся в королевском лагере и «крепце и непреклонно» отстаивающих «правду» договора членов посольства. Только это противопоставление и вносит ноту осуждения в характеристику уехавших.

Такое же противопоставление ощущается, когда автор, упомянув о «православных христианах» Москвы, которые «хотят стояти за православную веру и умерети», начинает рассказ о мужественных защитниках Смоленска (л. 375): первые только «хотят», а вторые уже борются и умирают за «всех нас». И эти еще не выступившие, но желающие защищать веру, москвичи «давно бы страха ради, прещения от бога отступили, душами своими пали и прапали» (л. 376), если бы их не «крепил и не учил» «непоколебимый столп» — патриарх. Снова сопоставление со стойкостью Гермогена подчеркивает, что те, кого он «крепил», еще не ведут настоящую борьбу.

Поэтому-то рассказ о мужественных защитниках родины и веры, смольнянах и патриархе, и переходит в призыв к тем, кто еще стоит в стороне от борьбы, хотя и не помогает врагам: «Мужайтеся и вооружайтеся» (л. 376 об.).

Еще яснее сказалось намерение автора отделить прямых пособников короля от той части господствующего класса, которая держится от них в стороне, но и не ведет борьбу с ними, когда он гневно обличает «земледержьцев». Среди «избраних» есть, говорит он, и «сердцем желаннии по християньстей вере и по всех по нас жалеют и радят, от тех же чинов и боляръских родов, но не могут ничево учинити и не смеют стати, что не с кем побарати, и своего величества отбыти. А им, врагом, ничего не сотворити» (л. 382 об.). Этот эпизод интересен не только явным стремлением оправдать бездействие «избранных», но и попыткой переложить ответственность за это бездействие на тех, кто не идет «побарати» вместе с «избранними». Видимо, автору дело представляется так, что «избраннии» должны возглавить поднявшийся на борьбу народ, а пока — не их вина, что они не могут «врагом ничего сотворити». И снова — лирически выраженное обращение к читателям («молю вы с великими слезами и сокрушенным сердцем»): «Мужайтеся и вооружайтеся», «Что стали, что оплошали?!» (л. 383, 383 об.).

Упрекая бездействующих, призывая их «кровопролитие воздвигнути», автор беспощадно осуждает изменников, «доброхотов» короля и среди них особенно М. Салтыкова и Ф. Андронова. Врагов и предателей «Новая повесть» клеймит с одинаковой силой, и отрицательное отношение к ним автора постоянно

звучит в его эмоционально окрашенной образной речи — в оценочных эпитетах, метафорах, сравнениях. «Общие наши видимые враги», «губители» (л. 381, 381 об.) душ и тел, «сопостаты наши» и «враги наши тамошние (т. е. осадившие Смоленск, — *Н. Д.*) и здешние (оккупировавшие Москву, — *Н. Д.*)» (л. 375), «соперники» постоянно называются автором «злыми» и «лютыми». Заодно с врагами «чюжими» действуют «свои» предатели (л. 381 об.).

Изобличаемые изменники родины принадлежат к правящим кругам, господствующим сословиям. Это «избраннии», «благороднии», из высоких «чинов и боляръских родов» (л. 382 об.), «земледержьцы» (л. 382) и «правители» (л. 386). Автор обвиняет их в предательстве, но не за принятие договора 17 августа, а за согласие сменить августовские условия на требования полной капитуляции, которые выдвинул Сигизмунд: «Горши же нам всего учинили, что нас всех выдали, да не токмо выдали, ино заедино с ними, со враги, вооружилися вкупе, и хотят нас всех погубити, и веру християньскую искоренити» (л. 382—382 об.). Среди изменников — и высшее духовенство, отошедшее от патриарха Гермогена, присоединившееся к предательскому боярскому правительству (бывшие патриаршие «сынове и богомолцы, той же сан на себе» имеющие высокий, — л. 382).

Предателей из боярского правительства, королевских «доброхотов», автор расценивает как «наших врагов» (л. 370), «наших злодеев» (л. 373) за то, что они хотят «ево, злодея нашево», самого Сигизмунда «на наше великое государство посадити и ему служити» (л. 373 об.), т. е. за их отказ от августовских договорных условий. «Мало не до конца Росийское царство ему, врагу, предали» (л. 373 об.), — обвиняет автор и раскрывает далее суть политики предательского правительства: «Аще бы им мощно, то единем бы часом привлекли его, врага, сюде и во всем бы с ними над нами волю свою сотворили» (л. 373 об.). Своим потакательством королю бояре облегчают ему полный отказ от договорных записей и способствуют осуществлению королевских замыслов (л. 373 об.).

Осуждая членов боярского правительства как пособников короля, автор горько упрекает их и за моральное падение, за то, что они заботятся только о своих личных интересах и стремятся, на случай победы пробуждающихся к борьбе патриотических сил (л. 386 об.), обеспечить себе, с помощью награбленного богатства и верной службы, покровительство Сигизмунда. Автор видит порок предательского правительства и в том, что оно допустило к власти над «благородними» выходца из «смердовских рабов», каким был Ф. Андронов

(л. 385 об.): «. . . растлилися умы своими и восхотеша прелести мира сего работати и в велицей славе быти, и инии, не сыи человецы (намек на Ф. Андронова, — *Н. Д.*), не по своему достоиньству саны честны достигнути. И сего ради. . . к нему, сопостату нашему, королю, вседушно пристали, и окаянными своими душами пали, и пропали» (л. 373—373 об.). Автор «Новой повести» не сторонник подобных нарушений обычая и обвиняет «земледержьцев» — «правителей» за то, что они «государьское свое прирожение пременили в худое рабское служение, и покорилися, и поклоняются неведомо кому, сами ведаете» (л. 382).

Обличая бояр как «изменников всему нашему великому государству» (л. 378), как королевских «доброхотов», объединившихся с врагами, автор рисует их теми же средствами, что и врагов: противопоставление патриотов врагам и предателям основано на подчеркивании разного отношения их «к православной вере». «Богоотступниками» называет он и предателей, которые «от бога отпали, и от православныя веры отстали» (л. 373). Это «злодеи наши» «крестопреступники и веры отступники» (л. 378), «кровопролители, и разорители веры християнския. . . первенцы сатанины», «июдины» «предатели Христова братии» (лл. 376 об.—377); от этих «врагов, от чюжих и от своих», «святая и непорочная вера наша» гибнет (л. 381 об.). Таким образом, отношение к «православной вере» остается главным критерием оценки изменников.

Резкое осуждение предательской политики боярского правительства идет по тому же пути, что и в патриотической агитационной письменности, т. е. по пути разоблачения изменников из правительства, от присяги которому один за другим начали отказываться города и волости Русского государства уже в декабре 1610 г.[151] Описание предательских действий боярского правительства, его отступления от договора 17 августа и сообщничества с Сигизмундом автор сопровождает сатирическими замечаниями. Именно за измену обличает он боярство, прибегая к своему излюбленному приему — обыгрыванию смысла слов. Бояр из правительства, властителей Русской земли, теперь предавших ее, автор считает недостойными прежнего их имени «земледержьцы и правители», «ныне же по своему уму достигли имя, что землесъедцы» и «кривители» (лл. 386, 371, 374, 382).

Автор «Новой повести» едко высмеивает бояр за то, что эти «избрании», «благороднии» в погоне за личным благопо-

---

[151] См.: ААЭ, т. 2, №№ 170, 176, 179 и др.

лучием унижаются перед выходцем «от смердовских рабов» (Ф. Андроновым), представляя их в образе нищих, подобострастно ждущих от «богатого проклятаго» приказов и подачек: «. . . и смотрят из рук и искверных уст его, что им даст и укажет, яко нищии, у богатаго проклятаго» (л. 382). И в бездействии «земледержьцев» против Ф. Андронова, не в меру возвысившегося над «благородними», виноваты, по мнению автора, не столько «простии и неимянитии люди», но прежде всего «сами болярския и дворянския дети, и сами дворяне, доброродни и изрядни всем, иже иному он. . . и в подножие ног негожь», из которых «не смеют ни един тому врагу воспретити» (л. 386). За то, что сами «благороднии» смирились со своим униженным положением перед выходцем из «смердовских родов», за то, что они «молчат и не говорят и ни в чем ему не претят», автор сравнивает их с ослепшими и онемевшими («яко ослепоша и онемотеша» — л. 386).

Раскрывая перед читателями облик изменников из боярского правительства, автор «Новой повести» так же, как и патриотическая агитационная письменность, избирает в качестве наиболее отрицательных примеров М. Салтыкова и Ф. Андронова. Хотя они и не названы по имени, но по описанию читатель мог без труда догадаться, что речь идет именно о них.

Оба предателя в прошлом были тушинцами, участвовали в заключении февральского договора 1610 г.,[152] занимали важные посты на службе у интервентов; оба были в равной мере близки к Сигизмунду и его канцлеру, соперничали между собой в желании выслужиться и в погоне за наживой подсказывали, как лучше обмануть общественное мнение; оба заслужили одинаковую ненависть народа.

Предательский характер поведения Ф. Андронова и М. Салтыкова с достаточной ясностью раскрывается в их переписке [153] с королевским лагерем. Из самого факта их «конкуренции» в правительстве Гонсевского, а также из содержания их взаимных обвинений, в которых оба использовали ходившие про них слухи, явствует, что они были наиболее активными прислужниками Гонсевского: и тот и другой предали родину, холопски служили королю и интервентам, чувствовали себя на Москве полновластными правителями, награбили несметные богатства, чинили насильства, гонения и жестоко расправлялись над своими соотечественниками. Содержание их писем показывает, что они возбуждали к себе

[152] См.: Очерки истории СССР, стр. 543, 551.
[153] АИ, т. 2, № 306-I—IV.

наибольшую ненависть населения Москвы. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что, когда однажды толпа москвичей потребовала выдачи предателей из Кремля на расправу, в числе первых из сообщников врага были названы боярин М. Г. Салтыков, казначей Федор Андронов, думный дьяк И. Т. Грамотин и др.

То, что именно их из всей группы близких к правительству пособников интервентов наиболее ненавидел народ, подтверждают и грамоты патриотического лагеря.[154] Имена Михаила Салтыкова и Федора Андронова встречаются в агитационной письменности всегда рядом, как имена представителей предательского боярского правительства, без подчеркивания каких-либо различий между ними. Так, в казанской грамоте, изображавшей события по горячим следам со слов очевидца, они оба названы как участники ссоры с патриархом Гермогеном.[155] При описании этой ссоры в агитационной письменности[156] на первый план выдвигается стремление к фактической точности изложения, с помощью которой следовало убедить в том, что Михаил Салтыков и Федор Андронов — враги и сторонники Сигизмунда, «богоотступники», а Гермоген — патриот. В грамотах нет ни описания психологических переживаний М. Салтыкова, ни образных книжных сравнений, ни стремления создать образы злодеев.

Автор «Новой повести» ставил перед собой задачу создать литературные портреты Салтыкова и Андронова. Зная, как ненавистны оба предателя особенно москвичам, хорошо осведомленным и о сношениях их с королевским лагерем, и о безудержном самоуправстве в Москве, и о столкновении с патриархом из-за присяги королю, автор счел возможным даже не называть их обоих прямо по именам, как это делалось в «отписках» и грамотах организаторов народного ополчения.

В рассказе об этих изменниках он прибегает к обобщенной характеристике, к перифразу, как поступал и в других случаях, когда речь шла о хорошо известных читателям лицах и событиях. Не называя имени Салтыкова (Михаил), автор с явным осуждением говорит, что этот изменник из «тое же душепагубныя бесовъския сонмицы» короля-сатаны, выходец «от нашего Христа тезоименитаго рода», но изменивший православию и ставший «злоначальным губителем божияго жребия», он не достоин «по своему его злому делу» называться «именем» в честь архангела Михаила, «во имя мысленнаго или

[154] ААЭ, т. 2, №№ 170-I, 176-I—II, 179-I.
[155] См.: там же, № 170-I, стр. 292.
[156] См.: там же, №№ 170-I, 179-I.

святого»,[157] «но достоит его нарещи злый, человекъядный волк» (л. 379).

Далее всякое упоминание о М. Салтыкове автор сопровождает отрицательным определением, приравнивающим изменника к врагам. Те же хронографические средства изображения, что были использованы для характеристики врагов, применяются автором и при обрисовке облика М. Салтыкова.

Причисляемый к врагам, носителям злого, сатанинского начала, М. Салтыков также наделяется чертами «злодея» (л. 380). Он «многодушьный губитель и злый разоритель великаго государства» (л. 379 об.) со «злохитрой душой» (л. 379 об.) и «злохитрым» умом (л. 379). Автор «Новой повести» задается целью не только сообщить о самом факте предательства одного из членов боярского правительства, как это делает агитационная письменность. С помощью книжных «звериных» метафор, а также посредством психологических наблюдений над «злохитрой душой» М. Салтыкова, он стремится воссоздать в целом образ изменника и выставить его как отрицательный пример, достойный осуждения. Для характеристики предателя используются традиционные книжные метафоры и сравнения: «душепагубный волк» (л. 379), «аки змий», соблазняющий патриарха впасть «в погибельный ров во веки», т. е. перейти на «предательскую» «отпадшую от бога страну» (л. 379 об.), «аки безумный пес» (л. 379 об.), «аки лев» (л. 380), «аки скоропия» (л. 380 об.).

Эти книжные образы усиливают в облике М. Салтыкова черты, противоположные тем, которыми наделен патриарх Гермоген. В картине их столкновения М. Салтыков обрисован как злой враг, «волк», замыслы которого враждебны патриотическим намерениям Гермогена. Автор стремится показать, в противовес моральному совершенству патриарха, «лицемерство» «лукавой» души изменника, «аки в темне храмине» скрытой в его «скверном теле» (л. 380).

Посредством «звериных» метафор автор подчеркивает низменные страсти М. Салтыкова. Лукавый замысел («суеумышленная и человекоубиенная мысль и воля» — л. 379), попытка переманить патриарха на сторону приспешников Сигизмунда наводит автора на сравнение М. Салтыкова со «змием» — соблазнителем. При описании же ссоры, начатой М. Салтыковым, когда он убедился в непоколебимости решения патриарха стоять «за православное християньство», изменник, грозящий патриоту, сравнивается с «. . . безумным псом». Эта тради-

---

[157] Платонов. Древнерусские сказания, стр. 114, сноска.

ционная метафора, применяемая для осудительной характеристики поведения врагов,[158] в «Новой повести» разрастается в целую картину: «. . . отверзл свои человекоубиенныя уста, и начат, аки безумный пес, на аер зря, лаяти, и нелепыми славами, аки сущий буй, камением, на лице святителю метати» (л. 379 об.). «Злохитрая душа» «богоотступника» была посечена проклятием патриарха, уподобленного святому, а «буесловие» и «безумное словесное дерзновение» приостановлено его «святительским словом» (л. 379 об.). Но автор тут же предупреждает читателей, что раскаяние М. Салтыкова лицемерно; хотя «окаянный, стули лице свое, отиде со всем своим сонмом посрамлен и изумлен», но «паче же зло возъярен на великаго пастыря и учителя и в правде крепкаго стоятеля, аки змий, дыша, или, аки лев, рыкая» (л. 380) (последним сравнением со «львом рыкающим» подчеркивается сила злобы изменника).[159]

Автор пытается заглянуть в душу М. Салтыкова, чтобы разоблачить его лицемерие и показать его окончательное моральное падение. Шаг за шагом в «Новой повести» прослеживается как М. Салтыков, поразмыслив, понимает свою ошибку и, побоявшись, что об оскорблении, нанесенном им Гермогену, узнают в народе, отказывается от своих слов; попытавшись распространить слух, что был пьян, он попросил у патриарха прощения. Автор призывает не доверять лицемерному поведению М. Салтыкова (л. 380 об.) — образчику той политики обмана общественного мнения, которую проводили изменники и враги.

Следует заметить, что автор «Новой повести», описывая ссору с патриархом из-за присяги королю, участником ее сделал одного Салтыкова, тогда как агитационная письменность (например, казанская грамота) называет и Андронова. Возможно прежде всего, что в агитационной письменности оба имени изменников называются по традиции, но может быть также, что автор, по своему служебному положению связанный с боярством, особенно негодовал на Салтыкова, представителя «благородних» «избраних», как он именует боярство, кому, с его точки зрения, надлежало возглавить борьбу с интервентами. А может быть, в данном случае автор «Новой повести» стремился подчеркнуть, что в переговорах с Гермогеном Салтыкову принадлежала ведущая роль.

---

[158] См.: Адрианова-Перетц. Очерки, стр. 93.

[159] См.: там же, стр. 89. Метафора «лев» символизирует и врагов, и силу героев. Эта метафора применяется и к характеристике Лжедимитрия (см.: там же, стр. 88).

Отношение автора «Новой повести» к Федору Андронову определяется сразу же в риторическом восклицании, выражающем возмущение тем, что во главе государства оказался «неведомо кто».[160] Ни черт отрицательного хронографического героя, ни «звериных» традиционных метафор, с помощью которых обрисован М. Салтыков, автор не использует при изображении Ф. Андронова, подчеркивая этим свое презрение к нему, свое убеждение в его ничтожестве. Основными приемами характеристики Андронова являются сатирический перифраз, построенный на игре слов, и уничижительные сравнения, напоминающие, что, в отличие от «благороднних», этот изменник вознесся не по своему «достоянию» (л. 386).

Обличая Андронова в перифразе, раскрывающем, о ком идет речь, автор обыгрывает резко контрастные по смыслу слова. Федора Андронова он не считает возможным «назвати» «во имя» «преподобнаго», «страстотерпьца», «святителя» или «святого» Федора Стратилата (л. 385 об.). По мнению автора, Андронов заслужил имя «неподобнаго» «землеедца», «мучителя, и гонителя, и разорителя, и губителя веры християньския» (л. 385 об.), подобного Пилату, своей жестокостью и гонениями на христиан и расправой над Христом вызвавшего всеобщую ненависть народа. К «смердовскому рабу» автор считает возможным применить и более злое сравнение: «И по словущему реклу его, такоже не достоит его по имяни святого назвати (т. е. Федора Стратилата, — *Н. Д.*), но по нужнаго прохода людцкаго, Афедронов» (лл. 385 об.—386). Так, не стесняя себя, высмеивает автор «Новой повести» «имя» Андронова, «проклятое. . . от бога и от человек» (л. 382). Подобный способ острословить, играя на созвучных, но контрастных по смыслу словах, издавна был известен русской литературе и явился в ней под воздействием народного, возможно, даже профессионально-скоморошьего юмора.[161]

---

[160] Боярин М. Салтыков в письме к литовскому канцлеру Л. Сапеге подчеркивал незнатное происхождение Ф. Андронова, донося, что «отец его. . . торговал лаптеми», а сам Андронов «на Москве был торговый мужик» (АИ, т. 2, № 306-I, стр. 361 — от октября—ноября 1610 г.).

[161] Ранние примеры такого рода словесной игры находим в «Молении» Даниила Заточника — см.: Д. С. Лихачев. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника. — ТОДРЛ, т. X, 1954, стр. 115. См. также: В. П. Адрианова-Перетц. У истоков русской сатиры. — В кн.: Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц, отв. ред. Д. С. Лихачев, Изд. АН СССР, М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 154—155.

С особым презрением автор говорит об Андронове потому, что этот «враг и лютый злодей нашь не в свое достояние вниде», вознесся над всеми «благородними», «избраними», которым он «и в подножие ног негожь», и эти «благороднии» теперь унижаются перед ним, как «нищие», а «всяких чинов люди за тем врагом ходят и милости и указу от него смотрят» (л. 386 и др.).[162]

С целью подчеркнуть свое презрение к выскочке автор сравнивает Андронова с популярным литературным героем Ихнилатом, жестоким царским советником, хитростью пробравшимся к власти, чинившим жестокие расправы и в конце концов погибшим от своих же козней. В XVI—XVII вв. переводная повесть о Стефаните и Ихнилате была широко распространена в связи с тем, что затрагивала злободневный вопрос о царских советниках.[163]

Андронов, «аки Ихнилат, в цареву ризницу въеся, казити и губити то великое царское сокровище, от многих лет многими государи-самодержьцы, великими князи и цари всеа Русии собраны и положено» (л. 386—386 об.). Во время правления Гонсевского Андронов занимал пост главного казначея.[164] Даже Салтыков в письме к литовскому канцлеру Л. Сапеге [165] обвинял Андронова в безудержном разграблении государственной казны. Вполне понятно поэтому негодование патриотически настроенного автора «Новой повести», свидетеля этого расхищения; понятно и то, что этой теме он уделяет так много внимания. Скупой на конкретные подробности в других случаях, здесь автор прибегает к перечислению «камык и портищ», «злата и сребра и бисерия велия», которое «врагу-королю» отсылается в «ковчегах», и предупреждает, что казна будет

---

[162] А. А. Назаревский (Очерки, стр. 44) полагает, что смысл этого упрека заключается лишь в том, что Андронов был изменником и что «плебейское происхождение» его не повлияло на оценку автором поведения «благородных». Однако не менее сильным в боярском правительстве был и Салтыков, и тем не менее заискивание перед ним автор повести не подчеркнул и не поставил в особую вину «избранним». При истолковании данного эпизода в рассказе об Андронове нельзя не учитывать того обстоятельства, что спор о возвышении «не по достоинству», т. е. о нарушении феодальной иерархии в годы «Смуты» не только не потерял своей остроты, но временами становился особенно напряженным. Автор «Новой повести», конечно, знал, что Андронов был из «торгового» рода, но он намеренно преувеличил «низость» его происхождения, чтобы подчеркнуть незаконное, с его точки зрения, возвышение этого члена боярского правительства. Нет поэтому и основания переводить слово «достояние» в данном контексте как «имение», «наследство» (Очерки, стр. 45), отвергая основное значение этого слова.

[163] См.: История русской литературы, т. 2, ч. 1, стр. 184.

[164] См.: Платонов. Древнерусские сказания, стр. 113.

[165] См.: АИ, т. 2, № 306-I, стр. 361 (от октября—ноября 1610 г.).

Андроновым ограблена до конца: «Он же, окаянный, аки вышереченный Ихнилат, во едином часе, или паки не во мнозе времяни, все хощет извести, и расточить, и погубить, и ту цареву ризницу хощет пусту до конца оставити, аки пустую и безделную храмину» (л. 386 об.).

Автор раскрывает и тайные мысли «окаянного» грабителя, которые выдают его неуверенность в победе короля: отсылая «сатане», «своему величеству», сокровища, Андронов хочет заручиться его поддержкой, если «не на их (врагов, — *Н. Д.*) хотении зде у нас добро сотворится» (лл. 386 об.—387). Этим штрихом как бы завершается характеристика наглого, но трусливого изменника, который заранее спешит награбить, пока не поздно, и готовится к бегству из родной страны.

В своем осуждении боярского правительства «Новая повесть» сближается не только с агитационной письменностью, но и с историко-публицистической литературой. Однако таких выразительных, окрашенных и гневом и насмешкой, портретов Салтыкова и Андронова, какие нарисовал автор «Повести», нет у других писателей первых десятилетий XVII в.

«Домашнии врази» — так называет автор «Плача» русских пособников интервентов, которые «зол совет устроиша» с королем, чтобы он отпустил сына на русский престол, затем «злохищными глаголы» убедили москвичей присягать Владиславу, обещая, что он примет православную веру, и, наконец, допустили «пагубных волков», «нечестивых полских и литовских людей», в столицу. Среди этих «домашних врагов» и «Плач» выделяет особо «от сигклита царска» Михайлу Салтыкова и «от рода купецка» Федку Андронова, «предателей християнския веры, врагов Московскаго государьства».[166] Предательство Салтыкова и Андронова и «множества» «иных с ними» «Плач» объясняет самыми общими словами: они захотели «мимошедшия суетныя сея славы».[167] В отличие от «Новой повести», «Плач» безоговорочно осуждает договор о кандидатуре Владислава и определяет переговоры боярского правительства с королем как «зол совет». «Королевские епистолии» и «злохищные глаголы» бояр, по словам автора, «прелстиша» москвичей, и партиарх Гермоген, убеждая их не «вверять душа своя поганым поляком», ни словом не упоминает о возможности допустить на царский престол Владислава. Таким резко отрицательным отношением к договору с Сигизмундом III автор «Плача» сближается с оценкой этого договора в среде

---

[166] РИБ, т. XIII, стлб. 229—231.
[167] Там же, стлб. 229.

организаторов первого ополчения. Отметим, что, презрительно называя Андронова «Федка», автор все же ведет его «от купецка рода», а не от «смердовских рабов», как составитель «Новой повести».

Не останавливаясь подробно на деятельности боярского правительства, дьяк И. Тимофеев также возлагает всю ответственность за пособничество врагам на «ересиархов Михаила Салтыкова и Федку Андронова», которые «соприобщались» «латыни», и «на всю злолютную злобу» направляли их. Тимофеев именует обоих предателей на своем усложненном языке «новоблагоотступницы» и обвиняет в гонениях на патриарха. Презрительными именами «Михалка» и «Федка» он снимает то различие между ними, объясняемое разницей в происхождении, которое отмечено и в «Новой повести», и в «Плаче».[168]

Еще короче вспомнил о боярском правительстве И. Хворостинин, ограничившийся общей отрицательной характеристикой его, но не подчеркивавший особой роли в нем Салтыкова и Андронова: «Наши же боляре страха ради, инии же корысти ради, сложишася» с врагами и содействовали их насилиям.[169] Так же поступил и автор статьи в Хронографе 1617 г., еще больше смягчив отзыв о боярской власти: «Седмочисленныя же боляре. . . всю власть Русския земли предашя в руце литовскых воевод: оскудеша бо убо премудрыя старцы, изнемогошя чюдныя советники».[170]

К оценке Салтыкова и Андронова как «отступников» и «предателей» «христианской веры» возвращает нас Авраамий Палицын, обвиняющий их в «лукавом нраве» и «злом коварстве», а Салтыкова считающий прямым участником погрома, который учинили в Москве 19 марта 1611 г. оккупанты[171] («Новая повесть» еще не знает этих событий). «Повесть книги сея» именует «Михаила Салтыкова и Федку Андронова» «изменниками» и «явными изрядцами своего отечества», действовавшими вместе с оккупантами, хотя за ввод польского «воинства» в Москву она обвиняет не боярское правительство, а «московстии народи», которые будто бы «не разумеша бывшаго лаетелства сего («претителных обид», нанесенных Сигизмундом III русским послам, — *Н. Д.*), оскудеша умы своими. . . восприяша гетмана со всем воинством во град и предашася в руце его».[172]

---

[168] Там же, стлб. 440.
[169] Там же, стлб. 553.
[170] Там же, стлб. 1309; ср. то же в «Ином сказании» (стлб. 123).
[171] См.: там же, стлб. 1195—1196.
[172] Там же, стлб. 607, 604.

Как видим, «Новая повесть» не только подробнее, но и ярче, чем другие исторические повести, рассказала о предательстве боярского правительства, конкретнее описала и поведение Салтыкова и Андронова, и в этом она оказывается ближе всего к современной ей агитационной письменности.

9

Последняя тема, завершающая «Новую повесть», — это тема ее автора. Здесь раскрываются некоторые факты из его биографии, и с помощью откровенного рассказа о них он стремится вызвать у читателей доверие ко всем своим сообщениям, убедить их и в справедливости оценок, и в правильности призывов. Выше (стр. 89) мы уже указали, что эта «исповедь» вскоре после издания «Новой повести» была расценена как своеобразная «мистификация» читателя, имевшая целью скрыть подлинное лицо автора. Но затем у исследователей возобладало отношение к авторским признаниям, как к действительно соответствующим реальной биографии писателя. Напомним содержание этих признаний.

Насколько можно судить по словам автора, он состоит на службе у боярского правительства, причем «ныне зело пожалован». Он признается, что, «думы и мысли слышечи» своих хозяев, решил написать, чтобы «души своей грешной до конца» не погубить. Тем самым автор убеждает, что его словам («а они, злодеи наши и губители, одполично умышляют на нас. . . хотят нас погубити, а оставших в свою волю привести» — л. 387 об.) необходимо верить. Первая же фраза, которой начинается авторская исповедь, обнаруживает сознательное стремление автора введением некоторых подробностей о себе возбудить доверие к своему воззванию: «А сему бы есте писму верили без всякого сумнения. Яз вам сказываю и пишу» (л. 387 об.). Заканчивая автопортрет, автор еще раз просит верить ему: «Аще будет вам и молвити, что и яз вам ныне враг и наветник, ино господь зрит тайная моя, что с вами же хощу душу свою положити за православную веру и за святыя божия церкви» (л. 388—388 об.).

Автор «Новой повести» с откровенностью рассказывает о том, как он сначала «грехом своим великим и слабостию и славою мира сего прельстился и к ним, ко врагом, прилепился, тако же, яко же и прочая братия наша, для ради суетныя сея славы и тленнаго богатества» (л. 387 об.); теперь он осознал, чем грозит интервенция Сигизмунда III Русскому государству, понял, что враги «хотят нас до конца погубити» (л. 388 об.)

и «оставших в свою волю привести» (л. 387 об.), что спасти «царьство наше» от врагов русские люди смогли бы только «тщанием и аполчением и дерзновением на враги» (л. 384). Поэтому он и призывает москвичей к вооруженному сопротивлению против оккупантов.

Автор относит себя к числу тех «грешных» людей (л. 388), которых он не осуждает строго, объясняя нерешительность их позиции по отношению к врагам человеческими слабостями. В своей исповеди он раскрывает перед читателями свою «душу. . . грешную» (л. 387 об.), «тайпая» (л. 388) человека, сочувствующего патриотам, но не решающегося окончательно порвать с врагами.

Авторская «исповедь» в «Новой повести» ценна вниманием к психологии, к мотивам поступков живого человека с его плохими и хорошими чертами. В ней рассматриваются тайные «суетные» и «тленные» думы и соображения «грешного» человека, который уже понял («ныне аз усмотрих» — л. 387 об.), что «последуючи. . . врагом креста Христова», т. е. интервентам и поддерживающему их боярскому правительству, «не отстав от них» «ныне», «быти в геене огненей душею и телом» после окончательного захвата Русского государства королем-«сатаной», его «бесовским воинством» и «доброхотами» из его «бесовской сонмицы» (л. 387 об. и др.). Все же, придя к такому выводу, автор сознается, что «ныне» порвать с властью бояр-предателей он не может: «Явно мне не мощно от них отстати» (л. 387 об.). И далее в объяснение своего поведения он раскрывает жизненные условия, которые это поведение определяют.

Прежде всего автор оправдывается «шатостью», колебаниями, случаями предательств; их он боится и поэтому никому не решается назвать своего имени открыто (лл. 387 об.—388). Он не верит в успех патриотического освободительного движения уже «ныне», и это мешает ему решительно, открыто перейти на сторону народа против изменнического правительства, хотя он и предвидит гибельность политики последнего, «слышечи» «думы» и мысли предателей и врагов (л. 387 об.). Не скрывает автор и того, что он, как и всякий «грешный» человек, боится смерти («сами ведаете, что все мы смерти боимся» — л. 388), хотя и надеется, что за свою «правду», патриотическое «писмо», обретет бессмертие души («аще мне самому случится умрети, вестно, и на господа надежда, что не умрети, но ожити за ту правду» — л. 388).

Объяснением его нерешительности является также практический довод: «Аз же у них ныне зело пожалован» (л. 388), достиг и «суетной славы» и «тленнаго богатества», ради кото-

рых переметнулся к врагам. От решительного намерения порвать с врагами автора удерживают и опасения за свою семью («а се тако же имею жену и дети, яко же и вы» — л. 388); взывая к сочувствию, он убеждает, что не может спокойно покинуть жену и детей на произвол врагов («жена и дети осиротити, меж двор пустити или, будет всего того горши, на позор дати» — л. 388).

По мнению автора «Новой повести», его вполне оправдает перед родиной (спасет его «душу грешную» от «конечной» гибели в «геене огненей») то, что он «тайно» настроен против интервентов и боярского правительства и своим «писмом» горячо призывает к активной вооруженной борьбе, хотя и продолжает «нужда ради» служить врагам, скрывать свои патриотические настроения и пользоваться «милостями» противников. Автор предусматривает, как сможет повлиять на его дальнейшую судьбу составление подобного «писма» («писмом вам потрудихся написати» — л. 388), разоблачающего врагов и предателей, которым он продолжает служить, в случае поражения последних: «Аще господь помилует всех нас, и избавит нас от тех наших видимых врагов, и живи будем все, тогда явно вам будет и про нас, про грешных» (л. 388).

Грамоты и «отписки» агитационного характера также нередко сопровождали рассказ о событиях заверениями в правильности сообщаемых сведений и призывали поверить им. Но лишь в так называемой «смоленской» «грамотке» для большей убедительности составители сообщают факты своей биографии, будто они находятся среди «бедных пленных» под Смоленском и вместе с ними терпят страдания. Эти биографические эпизоды, как показано выше (стр. 60—64, 72), являются литературным вымыслом, цель которого придать особый вес призыву подняться на защиту Москвы, на защиту родины. Как и автор «Новой повести», неизвестные составители «смоленской» «грамотки» скрывают свое имя «страха ради смертнаго». Есть основание поставить вопрос: не представляют ли литературного вымысла и проникнутые такой искренностью признания автора «Новой повести»?

Когда рецензент «Русской мысли» заподозрил автора в «мистификации», он подверг сомнению его рассказ о семье: будучи убежден, что этот автор — монах Троицкого монастыря, изображение его женатым рецензент счел намеренным вымыслом. Что касается остальных сведений, то, видимо, они не вызывали у него сомнения. Для рецензента, как и для С. И. Кедрова, дважды повторенное выражение «у нас в Троице» служит дополнением к биографическим эпизодам «Новой повести» и

основанием считать автора монахом Троицкого монастыря или связанным с монастырем светским лицом.

С. Ф. Платонов, в поисках имени автора, пришел к предположению, что это был московский «дьяк Новгородской чети Григорий Елизаров, ушедший из Москвы от поляков в Троицкий монастырь».[173] О том, что автор «Новой повести» москвич, С. Ф. Платонов заключал, доверяя правдивости авторской исповеди и, кроме того, учитывая осведомленность этого дьяка в столичных событиях.[174] По тем же соображениям, а также учитывая позицию автора по отношению к духовенству, «спобникам» Гермогена, боярам «земледержьцам» и манеру — «примету» письма («. . автор, бойко владея пером, не имел вместе с тем книжных навыков»), С. Ф. Платонов утверждает, что создатель «Новой повести» не монах, даже не духовное лицо вообще и не боярин, а скорее всего — приказный дьяк.[175]

Присмотримся ближе, есть ли основание считать автобиографическое заключение «Новой повести» в целом таким же литературным вымыслом, каким являются биографические данные «смоленской» «грамотки», поддержанные московской грамотой. То, что составители «смоленского» воззвания выдавали себя за «бедных пленных» из-под Смоленска, безусловно повышало авторитет их рассказа о бедствиях русского народа под властью интервентов. Из всех автобиографических сведений «Новой повести» такую же роль убеждающего средства могло сыграть лишь одно сообщение, что автор «зело пожалован» врагами (боярским правительством и оккупантами) и слышит их разговоры о намерениях «погубити» «нас (т. е. москвичей,— *Н. Д.*). . . а оставших в свою волю привести» (лл. 387 об., 388). Но для чего же надо было автору-москвичу изображать себя перед читателями в таком неприглядном виде, человеком, сознающим, что он служит изменникам родины и ее врагам-захватчикам и все же из-за выгоды продолжающим им служить, дорожащим «суетной сей славой и тленным богатеством» (л. 387 об.)? Зачем он сочинил подобное самооправдание, которое никак не повышало его авторитет у читателя? Тем более, что это самооправдание сопровождается ссылкой на предшествую-

---

[173] П л а т о н о в. Древнерусские сказания, стр. 446, прим. 7; П л а т о н о в. Очерки, стр. 633, прим. 200.

[174] См.: П л а т о н о в. Очерки, стр. 480—481. Мы присоединяемся к мнению исследователя, что автор «Новой повести» во время ее создания жил в Москве; можно предположить, что неизвестный автор-дьяк служил в монастырском отделении приказа Большого дворца, который делал его близким и к властям Москвы, и к Троицкому монастырю.

[175] См.: П л а т о н о в. Древнерусские сказания, стр. 112.

щий рассказ о колеблющихся (л. 382 об.), которые, подобно ему, автору, «не могут ничево учинити и не смеют стати», хотя и сознают, что надо защищать «веру христианскую». И эти «избрании, сердцем желаннии» тоже думают, что сейчас открыто выступать против оккупантов еще рано, «не с кем поборати», «а им, врагом, ничево не сотворити» (л. 382 об.).[176] Если все эти биографические данные вымышлены, то становится непонятно, зачем автор так настойчиво убеждает читателей, что он им «ныне враг и наветник», что «нужда ради» он не «отстанет» от «губителей христианских»? Зачем он с такой откровенностью рассуждает о том, что своим «писмом» надеется искупить вину за службу врагам?

Все эти вопросы останутся без ответа, если мы будем рассматривать автобиографическое заключение к «Новой повести» как литературный вымысел. Но ответ на них становится ясным, если мы отнесемся к этим признаниям и самооправданиям как к искренней исповеди человека, действительно слабого, опасающегося и за свое положение, и за семью, но до конца осознавшего замыслы интервентов и преступность политики помогающего им боярского правительства. Сам он не способен к открытой активной борьбе, но тем выше ценит он тех, кто эту борьбу уже ведет, — отсюда такая героизация смольнян и неумеренно преувеличенная идеализация деятельности членов посольства и патриарха Гермогена. Отсюда и попытки оправдать «избранных», которые в Москве еще не поднялись на борьбу, и членов посольства, разъехавшихся по домам, когда король отверг их требования. Если бы даже автор и не рассказал о себе в конце повести, то у нас все равно по всему тону изложения, по оценкам поведения своих современников сложился бы в представлении именно такой его облик, каким он воссоздается по заключительному биографическому эпизоду.

С другой стороны, из рассказа о московских событиях видно, что автор хорошо осведомлен о них, особенно о том, как вели себя Андронов и Салтыков по отношению к Гермогену. В рассказе о столкновении патриарха с Андроновым есть живые подробности, которые даже наводят на предположение, не был ли автор свидетелем ссоры. Он так ясно представляет себе намерения врагов, как будто он действительно их «думы и мысли» сам слышал, или узнал от хорошо осведомленных лиц.

---

[176] Здесь следует вспомнить, что о подобных людях, ради «тленнаго богатества» служащих у интервентов, упоминает и агитационная письменность (ср. нижегородскую грамоту: ААЭ, т. 2, № 176).

Таким образом, у нас нет причин оценивать автобиографические сведения «Новой повести» как литературный вымысел. Все они не противоречат тому представлению об авторе, какое складывается на основании всего содержания памятника.

Широко введя автобиографические данные в свое публицистическое произведение, автор «Новой повести» примкнул к группе писателей своего времени, которые также сочли необходимым включить в крупные исторические сочинения сведения о своем участии в описываемых событиях. Достаточно назвать имена дьяка Ивана Тимофеева и троицкого келаря Авраамия Палицына.

Наиболее близки к «Новой повести» по своему замыслу автобиографические эпизоды «Временника» И. Тимофеева. Дьяк, подобно автору «Новой повести», нигде не называя себя по имени, не скрывая опасностей, которым он подвергался во время работы, объясняет читателю, почему и зачем он взялся за свой литературный труд. Автор «Новой повести» заключает свою исповедь словами: «. . . сего ради писмом вам потрудихся написати». Тимофеев пространно и, по своей манере, в сложных образах передает, как он размышлял о совершающихся событиях, об их причинах, как «мысль, облакоподобная. . . и скоролетящая высокопарне, яко по воздуху птица. . яко перстом тыкаше в моя ребра, понуждая же недостойного мя. . . написати богонаказания днешняя иже в нашей земли бывшая»[177] и т. д. Если автор «Новой повести» сравнивает себя с теми «избранними», которые медлят выступить против врагов, оберегая свои временные выгоды, то Тимофеев обвиняет себя вместе с другими в «. . безумном молчании» перед высшей властью. И хотя цели у авторов разные — «Новая повесть» стремится поднять москвичей на борьбу, а «Временник» пишется, «чтобы с течением многих лет не забылось воспоминание о тех, чья едва ли не вскоре и жизнь померкнет»,[178] — однако их сближает самая мысль объяснить читателю, почему писатель решил взяться за свой труд, с каким настроением приступил к нему.

Иной характер носят автобиографические эпизоды в «Сказании» Авраамия Палицына. Рассказывая о значительности своего участия в подготовке ополчения для освобождения Москвы, об успехе своих выступлений во время сражения под стенами столицы, наконец о том, какую важную роль он играл в предвыборной борьбе за кандидатуру Романова, Авраамий Палицын, даже вопреки исторической правде, стремится предста-

---

[177] Временник Тимофеева, стр. 115.
[178] Там же, стр. 117, 291.

вить свою деятельность в наиболее выгодном освещении и этим отвести обвинения в политической неустойчивости, которые на него не без основания возводились. Важно, однако, то, что и этот писатель счел возможным так подробно говорить о самом себе в историческом по теме сочинении. И ему, из практических соображений, нередко объединявшемуся в годы «семибоярщины» с прямыми врагами родины, пришлось искать оправданий перед читателем. Но, в отличие от автора «Новой повести», который искренне признавался в своем пристрастии к «тленным богатствам» и к «славе мира сего», Авраамий Палицын наполнил свой рассказ неоправданным фактами самовосхвалением.

О том, что авторские «самооправдания», «самозащиты» характерны для литературы эпох, подобных «Смуте», пишет В. Л. Комарович. На примере произведений И. Хворостинина «Словеса дней и царей» и С. Шаховского «Повесть известно сказуема на память великомученика Димитрия» исследователь показывает, как писатели XVII в., вопреки установившейся традиции, вносят в повествование «личный элемент», авторское «я».[179]

Итак, мы видим, что автор «Новой повести» не был одинок в своем намерении соединить рассказ об исторических событиях с изображением своего места в сложившейся обстановке. Внимание ряда авторов второго десятилетия XVII в. не только к поступкам своих героев, но и к внутренним побуждениям, определяющим их поведение, сказалось и в автобиографических эпизодах.

Авторские признания в «Новой повести» особенно ценны тем, что в них проявилось уменье писателя изобразить противоречивость человеческого характера, намерений и поведения. Автор несомненно сочувствует борющимся патриотам, зовет колеблющихся присоединиться к ним, а сам стоит в стороне, сохраняя свое служебное положение. Его страшит как осуждение после смерти за то, что он остается в стане врагов, так и боязнь мести в случае, если о его тайной подрывной деятельности станет известно оккупантам. Он пишет «писмо» и побуждаемый искренним желанием объяснить москвичам опас-

---

[179] См.: История русской литературы, т. 2, ч. 2, стр. 57—60. Призывом верить написанному («елика слышах и елика видех») начинается собственно историческая часть повести Ивана Хворостинина, уже не скрывающего в заглавии своего имени. Автобиографический эпизод (самовосхваление) введен в изложение через речь патриарха Гермогена, якобы выше всех оценившего Хворостинина (РИБ, т. XIII, стлб. 550). Ниже автор рассказывает о том, как у гроба Гермогена он оплакивал его «многаго ради ко мне любления» (там же, стлб. 555). И далее, до конца повести, помещены размышления автора о деятельности патриарха.

ность, какой они подвергаются, уступая интервентам, — надеется этим «писмом» заслужить у победившего народа прощение за свою службу врагам. Созданный в «Новой повести» автопортрет, вместе с приведенными выше характеристиками уклонявшихся от активной борьбы москвичей, показывает, что писатель начинал отходить от традиции прямолинейного изображения только положительных или только отрицательных характеров.

* * *

Что дает текст «Новой повести» для определения общественно-политической и литературной позиции ее автора?

Прогрессивность патриотической идеи «Новой повести», поднимающей на вооруженный протест против интервентов, оккупировавших Москву, против агрессии Сигизмунда III, неоспорима. Однако вопрос о том, был ли ее автор идеологом дворянства, «или посадского земского мира», или «демократических кругов населения, боровшегося против интервентов», может быть решен лишь предположительно, хотя отдельные стороны его идейной позиции все же выясняются из текста памятника.

Вне всякого сомнения — резко отрицательное отношение автора к политике боярского правительства, к отдельным его членам и их сторонникам, которых он именует «доброхотами» короля, «нашими злодеями», «нашими изменниками». Как показано выше, в данном случае автор имел в виду главным образом представителей господствующей верхушки. Эти «доброхоты» перешли на сторону короля, потому что «восхотеша прелести мира сего работати и в велицей славе быти, и инии, не сый человецы, не по своему достоиньству саны честны достигнути» (л. 373). Это они «хотят ево, злодея нашево, на наше великое государство посадити, и ему служити» (л. 373 об.), «аще бы им мощно, то единем бы часом привлекли его, врага, сюде и во всем бы с ними над нами волю свою сотворили» (л. 373 об.).

Уже из этих слов видно, что к «доброхотам» короля автор относит не только знатных бояр — правителей, «земледержьцев», «избранных» «от боярских родов» (хотя, разумеется, в основном к ним обращен его укор), но и тех, кто хотел возвыситься «не по своему достоиньству», т. е. представителей среднего и низшего слоев феодального класса, которые тянулись к боярским привилегиям; среди этих, стремившихся к «санам честным», могли быть и посадские «большие люди», вроде Ф. Андронова.

Выпад в адрес ищущих не по праву высокого сана напоминает споры, которые с середины XVI в. не прекращались внутри господствующего класса: о праве молодого служилого дворянства на привилегии, некогда принадлежавшие исключительно боярам. В начале второго десятилетия XVII в. дьяк Иван Тимофеев, размышляя на страницах своего «Временника» о причинах «смуты» в Русском государстве, одной из них считает «превращение» древних обычаев и, в частности, возражает против нарушения прав «нарочитых» знатных людей, когда принадлежащие им по праву рождения места стремятся занять люди, стоящие ниже их в сословной иерархии.[180] Перекликаясь с И. Тимофеевым, автор «Новой повести» укоряет боярских и дворянских детей, представителей знатных родов за то, что они во всем подчиняются Андронову, который им «и в подножие ног негожь» (л. 386). В этом вопросе «Новая повесть» приближается к позиции сторонников августовского договора, в котором, как известно (в отличие от февральского договора), пункт, допускающий повышение по заслугам людей «меньшего стану», был опущен.[181] Осуждая поведение своих современников — бояр из правительства, автор все же считает именно бояр «благородними», «избраними». Потому-то с оттенком презрения он говорит о происхождении занявшего при интервентах высокое положение в правительстве Федора Андронова, «торгового мужика», «сказывают, от смердовских рабов».[182]

Мнение об антибоярской позиции автора «Новой повести» ставится под сомнение и его отношением к августовскому договору, отличным, как мы видели, от оценки, которую давали этому документу в кругах организаторов народного ополчения, выражавших интересы дворян, и некоторые представители посадского земского мира (ср. казанскую грамоту). Так же, как агитационная письменность, «Новая повесть» разоблачала лишь нарушения договора, а самый договор ее автор упорно продолжал называть «правдой». Именно за стойкую защиту этой «правды», как уже говорилось, автор превознес членов посольства В. В. Голицына и Филарета, уподобляя значимость их дипломатической деятельности подвигу смольнян. По отно-

---

[180] См.: Временник Тимофеева, стр. 27, 74, 371 и др.

[181] См.: Очерки истории СССР, стр. 548.

[182] Если даже предположить, что определение «от смердовских рабов» вставлено как рифма в ряду наименований тех родов, к которым Андронов не принадлежал, — «ни от царских родов, ни от болярских чинов, ни от иных избранных ратных голов — сказывают, от смердовских рабов», — то все же самая резкость этого определения выявляет силу ненависти автора к Андронову.

шению к условиям выбора Владислава автор «Новой повести» настолько близок Гермогену, признававшему договор в целом, что повторяет все предварительные требования патриарха. Призывая подражать Гермогену, «Новая повесть» идеализирует патриарха, изображая только его подлинным патриотом и одиноким борцом против нарушителей «мирного» августовского «совещания», против Сигизмунда III, интервентов и их сообщников, русских предателей — «правителей», «земледержьцев».

Однако отношение к кандидатуре Владислава и к августовскому договору не может служить определенным критерием для выяснения политического и социального лица автора «Новой повести», так как в начальные месяцы организации первого ополчения, в особенности в конце 1610 (после убийства Лжедимитрия II) — январе—феврале 1611 г., сторонниками того и другого были представители различных социальных групп, которых объединило решение не присягать Сигизмунду III и осуждение интервентов за нарушение августовских условий. Можно только предполагать близость убеждений автора «Новой повести» и патриарха Гермогена, принадлежавшего к тем представителям господствующего сословия, которые приняли августовский договор во избежание социального протеста, вновь начинавшегося к тому времени под знаменем «царя Димитрия Ивановича». В этом отношении позиция автора «Новой повести» напоминает защиту интересов боярского сословия дьяком Иваном Тимофеевым.

Как указывалось выше, вопреки некоторым бесспорным фактам, С. Ф. Платонов уступил традиционной легенде (отразившейся и в «Новой повести»), представляя дело так, будто народно-освободительное движение было начато Гермогеном, «благословившим» и организовавшим участие в нем П. П. Ляпунова.[183] Эта точка зрения и легла в основу комментария к «Новой повести» — объяснения, почему автор ее ни словом не упомянул о патриотическом движении под предводительством П. П. Ляпунова. Причиной этого умолчания С. Ф. Платонов считал время создания «Новой повести»: ее автор, по мнению исследователя, еще не знал о поднимающемся народно-освободительном движении,[184] поэтому отсутствие сведений о нем в памятнике еще якобы не было свидетельством политических симпатий автора. Однако такой вывод вызывает сомнения.

---

[183] См.: Платонов. Очерки, стр. 481—486, 633—634, прим. 203—204.

[184] См.: Платонов. Древнерусские сказания, стр. 115—118.

Вряд ли автор, так хорошо осведомленный о намерениях врагов, об их неустанных попытках склонить Гермогена на свою сторону, хотя бы с помощью угроз, мог не знать об освободительном движении, начавшемся уже в ноябре—декабре 1610 г., и о борьбе под предводительством П. П. Ляпунова, который уже во второй половине 1610 г. начал оборонять Рязанский край от интервентов и к 1 января 1611 г., по свидетельству самого С. Ф. Платонова, развернул активную деятельность.

Не мог автор не знать также некоторых фактов, о которых было известно оккупационным властям и боярскому правительству, ибо в подробности их намерений и деятельности, судя по всему, он был посвящен не менее, чем в подробности жизни патриарха. Между тем об активном участии Ляпунова в политических событиях московской жизни 1610—1611 гг. правительство А. Гонсевского было осведомлено. Интервенты (Сигизмунд III, А. Гонсевский, Я. Сапега) осознавали серьезную опасность освободительного движения, поэтому, когда во второй половине 1610 г. в Рязанском крае началось выступление отрядов под предводительством П. Ляпунова и Д. Пожарского, А. Гонсевский незамедлительно двинул туда отряды своих союзников «черкассов».[185] Еще в конце ноября—начале декабря 1610 г. забило тревогу и боярское правительство, обратившееся к патриарху Гермогену с просьбой, чтобы тот письменно запретил Ляпунову «збираться» к Москве.[186] Вскоре после убийства Лжедимитрия II «бояре» писали в Тулу (где-то в первых числах января 1611 г.), напрасно призывая жителей ее не приставать к движению рязанцев; поняв всю опасность начавшегося патриотического движения, «они, — как сообщают рязанцы, — на Резань шлют войною пана Сопегу да Струса со многими людми литовскими».[187] Да и сами рязанцы, возглавляемые П. П. Ляпуновым, вели в конце 1610 г. активную агитацию, так что не знать об их борьбе и связанных с ней фактах автор не мог.

Оккупационным властям было также известно и о рассылке патриархом Гермогеном грамот, первые из которых были перехвачены ими во второй половине декабря 1610—первых числах января 1611 г.[188] Между тем об этой стороне деятель-

---

[185] См.: И. С. Шепелев. Организация первого земского ополчения в 1611 году. — Ученые записки Пятигорского государственного педагогического института, Кафедра общественных наук, Сборник 5, Изд. «Ставропольская правда», Ставрополь, 1949, стр. 182—183.

[186] ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, гл. 252, стр. 106.

[187] ААЭ, т. 2, № 176-III, стр. 301.

[188] См.: Платонов. Очерки, стр. 485 и др., стр. 634, прим. 204.

ности Гермогена автор не только не упоминает, но, наоборот, убеждает население не ждать от патриарха призывов к восстанию. Как видно, тенденциозность автора «Новой повести» проявляется не только в идеализированном изображении патриарха, но и в сознательном замалчивании патриотической борьбы под предводительством П. П. Ляпунова, тесно связанного в своих действиях с Гермогеном и Москвой.

С ростом и расширением освободительного движения, начиная со второй половины декабря 1610 г., когда вокруг рязанских отрядов сгруппировались отряды других городов, а в Москве по призыву Гермогена население отказалось присягнуть Сигизмунду, усилилась тревога оккупантов и сотрудничавшего с ними боярского правительства. В первых числах января П. П. Ляпунов уже оказывал давление на боярское правительство, добившись того, что патриарху вернули дворовых, отобранных за его участие в патриотическом движении. Ранее того, как вспоминает гетман Жолкевский, вскоре после первых известий о намерении крестоцелование Владиславу подменить присягой на верность Сигизмунду III (около конца ноября—начала декабря 1610 г.) боярское правительство получило первое письмо от Ляпунова, а за ним и второе с протестом против новой присяги.[189] 17 января (27 по новому стилю), еще, очевидно, до распространения двух известных воззваний, полученных в Нижнем Новгороде 27 января, об угрожающих действиях Ляпунова, державшего в Москве связь «с теми, кои. . . не расположены» к оккупантам, знали сами враги, находящиеся не только в Москве, но и под Смоленском: король Сигизмунд III с тревогой писал об этом Я. Сапеге, приказывая «употребить» против патриотов войска.[190] Как рассказывает сам Я. Сапега, 14 января 1611 г. к нему писали «с Москвы бояра князь Федор Мстисловской с товарищи, что отложились от Москвы Прокофей Ляпунов со многими городы; и писали ко мне с великим прошеньем бояре с Москвы, чтоб я шел на рязанские места на Прокофия Ляпунова, и на вас (калужан, — *Н. Д.*), и на те городы, которые с вами в совете».[191] Позднее, уже 26 января, М. Салтыков и Ф. Андронов «с товарищи» доносили из Москвы в королевский стан о деятельности Гермогена, о созыве им москвичей, об агитации против присяги королю, о рассылке грамот «во многие городы».[192] Как мы уже

189 См.: Записки Жолкевского, стр. 114—115.

190 См.: Сборник Муханова, № 110, стр. 184—185.

191 ААЭ, т. 2, № 182-II, стр. 311; см. также: СГГиД, ч. 2, № 223, стр. 489—490 (от января 1611 г., грамота бояр Сигизмунду III).

192 ААЭ, т. 2, № 176-II, стр. 300.

видели, «смоленская» «грамотка», вышедшая из кружка московских патриотов, свидетельствует о подъеме общего возмущения посадских «лутчих и мелких» людей в самой Москве сразу же после убийства Лжедимитрия II, о решительном выступлении после этого события Гермогена, о его грамотах, адресованных «во многие городы». «Грамотка» сообщает о том, что москвичи к тому времени надеялись уже на помощь Новгорода, Вологды и Нижнего Новгорода, куда отсылали свои воззвания.[193] О деятельности патриарха очень рано узнали и вне Москвы. Нижегородцы посылали за патриаршими грамотами в Москву еще до 12 января 1611 г.[194]

Если учесть все эти напоминаемые нами факты, станет очевидным замалчивание, затушевывание автором «Новой повести» тех из них, которые относились к концу декабря 1610—началу января 1611 г., и прежде всего того, что утверждение военной диктатуры правительства Гонсевского и предателей-бояр вызвало к ноябрю—декабрю 1610 г. сильный подъем народно-освободительного движения.

Замолчав организацию ополчения, автор вынужден был пропустить и такой важный для оценки деятельности Гермогена факт, как его сношения — личные и письменные — с организаторами ополчения, прежде всего с самим П. П. Ляпуновым, и, вопреки исторической действительности, изобразил патриарха одиноким борцом. Выше уже отмечались черты особого сходства между «Новой повестью» и «смоленской» «грамоткой». Его довершает отсутствие в обоих памятниках упоминаний о Рязани. И если, как мы предположили выше, в «смоленской» «грамотке» это было обусловлено установившимися уже к тому времени тесными связями между кружком московских патриотов и Рязанью, которая в их агитации не нуждалась и сама участвовала в пересылке и написании воззваний, то и автор «Новой повести», как видим, не мог не знать о начавшемся к тому времени освободительном движении городов во главе с рязанским ополчением, предводительствуемым Ляпуновым.

В чем же заключалась причина такого решительного замалчивания в «Новой повести» начавшегося патриотического движения?

Искать объяснения можно либо в тактических соображениях автора, не желавшего напоминать москвичам о борьбе других городов, чтобы не вселять в них надежды на помощь извне, а побудить их прежде всего самих к активному действию про-

---

193 См.: там же.
194 См.: там же, № 176-III, стр. 301.

тив оккупантов, к восстанию; либо в политических симпатиях автора: ему, возможно, не импонировало движение, руководство в котором принадлежало представителям служилого дворянства и посадского мира. Решить окончательно этот вопрос на основании текста повести невозможно. Но известно, что с конца 1610 г. энергичная агитация в пользу похода к Москве шла уже и из самой столицы, и эта агитация вряд ли миновала Гермогена (не случайно московское и «смоленское» воззвания были направлены в другие города от имени патриарха). Это обстоятельство побуждает еще раз усомниться в том, будто автор повести действительно «не знал» о движении городов, о народном протесте, поднимавшемся в самой столице. Оккупировавшие Москву польско-литовские отряды уже с начала 1611 г. были настороже, так как демократические слои московского населения все резче выражали свою враждебность по отношению к ним; столкновения вспыхивали не раз и усилились, когда в столицу дошли слухи о движении к ней народного ополчения. В этих условиях полное умолчание автора «Новой повести» о народном движении, направленном к освобождению Москвы, о породившей его межгородской переписке, которая разъясняла цели борьбы и вырабатывала планы конкретных действий, не могло быть случайным.

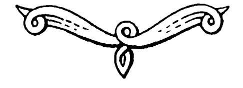
«Новая повесть» — агитационное патриотическое произведение. Кто бы ни был автор по своим взглядам, его произведение направлено против агрессивных планов Сигизмунда III, которые вызвали широкую волну недовольства в различных слоях населения. Идя по пути патриотической агитационной письменности, «Новая повесть» разоблачала обман короля и боярского правительства, убеждала в необходимости борьбы с ними посредством приведения тех же положительных и отрицательных примеров поведения, но не напомнила своим читателям (в первую очередь москвичам) ни о растущем в самой столице движении против оккупантов, ни о том, что страна идет Москве на помощь. Повесть появилась тогда, когда назрела необходимость оказать вооруженное сопротивление интервентам по всей Русской земле, и навстречу первому народному ополчению, собирающемуся под стенами Москвы, поднять восстание в самой столице.

Призывая к восстанию, автор «Новой повести» учитывал силу общественного мнения и старался привлечь на свою сторону широкие массы населения, и несмотря на то, что он умолчал о фактах развернувшейся со второй половины 1610 г. в стране патриотической борьбы, он уже не мог не сказать ничего о значении народных масс в это «нынешнее злое время». Образ

«великого. . . безводного моря», которое «словесы своими» успокаивает патриарх и «взмутити» которое и «потонути» в котором боятся враги и предатели, постоянно присутствует в «Новой повести», выражая представления автора о роли народа в развертывающихся событиях. За метафорой «море» он видит «множественный християньский народ» (л. 380), московский «мир». Он видит даже «зде» (т. е. в Москве), в этом «мире», «колебание и за веру стояние» и ясно показывает, насколько опасным считают для себя это движение интервенты, вынужденные, пока не подошли к Москве королевские полки, «лицемерство чинить», «уверять и прельщать», казнить своих не в меру зверствующих людей и заверять, что Владислав будет отпущен царствовать на Русь (л. 378). Враги серьезно боятся возмущения «моря», восстания, протеста против них широких масс так же, как этого опасаются и изменники, помогающие интервентам обманывать население, и сам М. Салтыков, постаравшийся замести следы своей ссоры с патриархом (л. 380).

Автор «Новой повести» не может обойти молчанием реальное значение «безводного моря», народа, для разгрома интервентов, когда пишет о защитниках Смоленска, о проповедях патриарха Гермогена и о страхе, который испытывают перед этим народным «морем» интервенты и предатели. Однако «православные християне» изображаются пассивными и смиренными: «Нашь же брат, православный християнин, видя свое осиротение и беззаступление и их, врагов, великое одоление, не смеет ин и уст своих отверсти, бояся смерти, туне живота своего сступается и толко слезами обливается» (л. 384 об.). Так автор снова сбивается на изображение москвичей покорными и беспомощными. Можно думать, однако, что эти слова относятся уже не к настроению того «множественного народа», которого боялся даже зарвавшийся М. Салтыков. Вероятно, «нашь брат» — это люди той среды, к которой принадлежал и сам автор. Но сам он, не смея «уст своих отверсти», все же решился, хотя бы скрыв свое имя, выступить с патриотическим воззванием. Можно предполагать, что политическая программа организаторов первого народного ополчения в чем-то не удовлетворяла автора «Новой повести». Своим воззванием он хотел побудить «избранных», «благородных» взять на себя руководство народным восстанием. Недаром он подчеркивал, что среди этих «избранных» есть готовые постоять за «веру православную», но пока им не с кем «поборати». Поэтому, укоряя их за бездейственность, он не смешивает их с «землесъедцами», «кривителями» из боярского правительства.

Итак, автор «Новой повести» сходится с патриотическим лагерем в общих целях, призывая к восстанию против интервентов, против предательского боярского правительства и агрессивных намерений Сигизмунда III, но это не дает основания считать его идеологом дворянства или посадского земского мира. Он еще признавал справедливыми привилегии боярства, «благородних», а своей недооценкой роли активного движения городов против интервентов как бы обособил себя от того «посадского земского мира», выразителем «национальных идеалов» которого его пытались представить.[195]



[195] См. выше гл. II, стр. 88, сноску 24.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выясняя место «Новой повести» в ряду историко-публицистических произведений на темы событий крестьянской войны и борьбы с интервенцией и соответственно место автора среди других писателей первых десятилетий XVII в., мы прежде всего должны учитывать прямую агитационную цель исследуемого памятника. Задача автора — подсказать оценки событий и их участников и поднять московское население на восстание против врагов. Автор — публицист, а не историк, он стремится сделать свое изложение максимально доходчивым и убедительным. Этой практической задачей определяется выбор автором самой формы грамоты-воззвания, которая помогла бы ему сосредоточить внимание на событиях сегодняшнего дня и вынудила уклониться от обычного у других писателей «исторического» подхода к их изложению.

Подобно тому, как в середине XVI в. «многие из тем, прежде чем проникнуть в публицистику, служили содержанием деловой письменности»,[1] все отдельные темы «Новой повести» уже были предметом широкого обсуждения в «грамотах» и «отписках» участников народно-освободительного движения. И если не случайно И. Пересветов, большая часть тем сочинений которого обсуждалась в деловых челобитных, избрал для изложения форму челобитной, то не случайно и автор «Новой повести» придал своему остро публицистическому произведению форму грамоты-воззвания, какой широко пользовались в своей организационной деятельности его современники из патриотического лагеря. В обстановке собирания народных сил для борьбы с интервентами эта форма деловой письменности была наиболее действенной, так же как в период обсуждения государственных реформ наиболее действенной оказалась форма челобитной. В свое время под пером Пересветова форма дело-

---

[1] Лихачев. Пересветов и его литературная современность, стр. 49—50.

вой челобитной «претворилась» в жанр публицистической художественной литературы.[2] В иной исторической обстановке автору «Новой повести» удалось превратить грамоту-воззвание в своеобразную разновидность рассказа о трагических событиях в Москве, отданной в руки врагов предателями из боярского правительства. Не случайно какой-то позднейший переписчик, копировавший текст уже тогда, когда эти трагические события отошли в прошлое и внимание сосредоточивалось именно на их описании, а не на сопровождавших его призывах, назвал это произведение «повестью».

Выше мы проследили, как темы агитационной письменности разработаны в «Новой повести», в чем обнаруживается ее идейная и даже стилистическая связь с «грамотами» и «отписками». Эта связь, конечно, не может рассматриваться как доказательство прямого использования автором определенных документов. Даже особенно ощутимое сходство между «Новой повестью» и «смоленской» «грамоткой» еще вовсе не свидетельствует о знакомстве автора именно с этой «грамоткой». Среди патриотов были широко известны воззвания подобного типа, они составлялись и для рассылки по городам, и для распространения по Москве. В конце декабря 1610 и в январе 1611 г. составители таких грамот-воззваний сосредоточивались вокруг Гермогена, к которому был близок несомненно и автор «Новой повести». Благодаря этому становится понятным само намерение писателя воспользоваться формой этих грамот.

Сопоставление «Новой повести» с современной ей агитационной письменностью патриотического лагеря обнаруживает сходство тем, общего патриотического направления в оценке изображаемых лиц и событий, призывов к вооруженной борьбе с интервентами и к противодействию боярскому правительству. Разоблачение нарушений августовского договора, резкое осуждение бояр, «правителей»-«кривителей», особенно М. Салтыкова и Ф. Андронова, призыв подражать в мужественной защите отечества героическому Смоленску и патриарху Гермогену — все это несомненно сближает «Новую повесть» с грамотами, «грамотками», «отписками» и воззваниями участников народно-освободительного движения конца 1610—начала 1611 г., хотя по сравнению с ними в «Новой повести» расширена тематика, углублена полемика с вражескими обещаниями, призыв идти к Москве заменен убеждениями в необходимости поднять вооруженное восстание в самой столице.

---

[2] Там же, стр. 53.

Но главное в «Новой повести», в отличие от агитационной письменности, самый способ воздействия на читателя стал иным. В рамке документальной письменности возникло литературное произведение.

Несмотря на то, что «Новая повесть», подобно другим воззваниям, ставит перед собой определенную практическую задачу, она уже не может быть отнесена к документальной письменности. Вся композиция «Новой повести» обнаруживает, как мы видели, стройный план, основанный на противопоставлении образов наиболее ярких представителей борющихся сторон. Автор прибегает к заострению характеристик, идеализируя примерных защитников родины и с гневом, презрением или насмешкой изображая «богоотступников», изменников. Не столько точно представленными фактами, сколько образностью изложения, особенностью приемов характеристики положительных и отрицательных героев своего повествования автор стремится убедить читателей подняться на борьбу с интервентами. Наиболее существенное отличие «Новой повести» от документальной агитационной письменности заключается, таким образом, в самом способе разработки общих с нею тем, в обилии выразительных средств, применяемых не только для описания фактов, но и для того, чтобы придать этим описаниям действенность, вызвать гнев, презрение к врагам, пробудить решимость к борьбе с ними. Средства эти, как мы видели, то связывают автора с давней литературной традицией, влияние которой отразилось и на других историко-публицистических произведениях первых десятилетий XVII в., то представляют собой новые литературные приемы, характерные для данного этапа развития исторического повествования, то, наконец, обнаруживают у нашего автора некоторые черты его индивидуального писательского «почерка».

Подведем итоги наблюдений, сделанных выше при анализе отдельных тем «Новой повести».

Если по своим темам «Новая повесть» сближается с весьма ограниченным кругом историко-публицистических повестей до 1620-х годов включительно, то своим художественным методом она объединяется со всеми произведениями о «Смуте», усвоившими традиции украшенного исторического стиля. Этот стиль, связывающий торжественное историческое повествование периода укрепления централизованного государства с Хронографом XV в., характеризуется драматичностью повествования, обилием психологических характеристик, общей эмоциональной приподнятостью изложения, усиливаемой авторскими восклицаниями, прямыми выражениями оценок

описываемых событий, пристрастием к тропам, к перифразу.[3] Применение этого стиля в «Новой повести», которое мы наблюдали, выясняя способ разработки в ней отдельных частных тем, роднит ее автора с писателями первых десятилетий XVII в., начиная с автора «Повести, како восхити престол Борис Годунов» (1606 г.). В характеристиках главных героев «Новой повести» собраны то одни светлые черты, если речь идет о примерном патриоте, то одни мрачные краски, если осуждаются враги; определения настойчиво напоминают эти восхваляемые или обличаемые качества героев, а библейские и хронографические (особенно «звериные») метафоры подчеркивают их. Любимый герой автора «Новой повести» — Гермоген — «добрый пастырь» (в «Повести како восхити. . .» — это Василий Шуйский); образ «древа» — рода (отсюда — корение, ветвь, цветы и плод), примененный в рассказе о Владиславе, обычен в повестях о «Смуте», когда речь идет о Годунове и Лжедмитрии I — губителях «царственного древа», т. е. потомков династии Ивана Калиты. Метафоры: «лютый лев», «змий», «скорпий», «безумный пес» реже встречаются в языке «Новой повести»; автор предпочитает им библейский образ врага-«волка» (с разными определениями: «злый», «человекоядный», «душепагубный», «лютый», «гладный»), противостоящего «доброму пастырю стада Христова» — Гермогену.

Вся система подобных сравнений, метафор, эпитетов в «Новой повести», как и в современных ей произведениях, направлена к тому, чтобы подсказать авторские оценки героев. Мы уже показали выше, что эти оценки не всегда односторонне прямолинейны. Хотя наш автор еще не теоретизирует (подобно автору статей о «Смуте» в Хронографе 1617 г.) на тему о происхождении доброго и злого в человеческом характере, как то и другое сочетаются в душе человека, однако он раньше, чем И. Тимофеев, И. Хворостинин и автор «Повести книги сея», подметил противоречивость поведения некоторых людей в обстановке бурных событий «Смутного времени». В отличие от названных писателей, которые изображали противоречивость характера и поведения Бориса Годунова, автор «Новой повести» обнажил противоречия между намерениями и поступками у своих современников и не только у врагов, но и у сочувствующих патриотам, и даже себя наделил той человеческой слабостью, которая ему, как и некоторым «благородним», мешала открыто выступить против предателей. Этот новый подход к изображению внутреннего мира и поведения не только

---

[3] См Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 343—346.

видных исторических деятелей, но и рядовых людей, определение места последних в исторических событиях, характеризует с особенной наглядностью литературное новаторство автора «Новой повести». И как бы мы ни расценивали авторскую исповедь — как достоверную автобиографию или как художественный вымысел, — ее историко-литературное значение остается неизменным. Эта исповедь — свидетельство нарастающего интереса литературы к раскрытию «помыслов» человека, определяющих его поведение, движения литературы по пути создания характера человека в его сложности и противоречивости. «Новая повесть» — ранний в ряду историко-публицистических произведений первой четверти XVII в. памятник, где это движение выявилось вполне отчетливо.

В своих обращениях к читателю автор «Новой повести» так же, как и другие писатели начала XVII в., щедр на эмоциональные восклицания, патетические нравоучения. Его обращения вырастают в подлинные образцы ритмически построенной ораторской прозы (с соблюдением единоначатия): «То ли вам не весть, то ли вам не повеление, то ли вам не наказание, то ли вам не писание. . . Како не восплачемся, како не возрыдаем, како от сердца не воздыхаем, како в перси не бием?! Како сами себе презираем и нерадим о себе. . А аще и плачем, аще и рыдаем, аще и в перси бием, аще и от сердца воздыхаем, и зелно ему досаждаем, а подвигу и радения не сотворяем, и к богу не прибегаем, и его не умоляем, и над ними, враги, ничего не промышляем, и все в презорство пущаем, и сами в свою землю и веру злое семя вкореняем» (л. 385—385 об.). Торжественное восхваление мужества Гермогена (л. 381) или описание вражеского насилия (л. 384—384 об.) приобретает ритмичность, подобную той, которая наблюдается в рифмованных риторических обращениях повестей начала XVII в., и прежде всего в близком к «Новой повести» по времени «Плаче о пленении».[4]

В связи с анализом строя речи подобных обращений возникает вопрос о том, как применил автор «Новой повести» один из излюбленных приемов значительной части повестей о «Смуте» — украшение изложения рифмованными предложениями. Наличие рифмы в «Новой повести» не раз отмечалось исследователями. С. Ф. Платонов писал, что автор «умеет подобрать рифму и даже весь свой рассказ покушается сделать рифмованным».[5] Были также сделаны попытки разбить

[4] РИБ, т. XIII, стлб. 223, 231.

[5] С. Ф. Платонов. Новая повесть о смутном времени XVII века.— ЖМНП, СПб., 1886, ч. 243, январь, стр. 67.

отдельные отрывки из «Новой повести» на стихи.[6] В статье «Об истоках русского литературного стихосложения» Л. И. Тимофеев, говоря о наличии рифмованной речи в «Новой повести» и в других повестях периода «Смуты» («Ином сказании», «Сказании» Авраамия Палицына, «Повести книги сея»), справедливо объясняет это явление эмоциональной окрашенностью литературы начала XVII в.[7] Во всех этих памятниках Л. И. Тимофеев отбирает прежде всего примеры глагольных рифм, наличие которых он приписывает появлению в это время так называемого «речевого стиха», связанного с традицией народного стиха и утвердившегося в деловой письменности XV—XVII вв.[8]

Рифмованные части длинных периодов встречаются в разных по характеру частях «Новой повести», начиная с пышного первого обращения к читателю и кончая авторским послесловием. Огромное большинство этих рифмованных предложений действительно имеет на конце глаголы, нередко представляющие собой синонимы или близкие по значению слова, с помощью сочетания которых автор усиливает впечатление от своих описаний или призывов, например: «И душь своих не потопят и во веки им погибнути не хотят. А хотят славне умрети, нежели безчестне и горко жити. И каково мужество показали и какову славу и похвалу учинили» (л. 369 об.); «. . .подо оным градом стоят и град тый, аки злыя волки, похитити хотят. . всегда их, врагов, губят и зелне им грубят» (л. 370); «. . .врага-короля попра и прогна и все свое великое государство удержа» (л. 370 об.); «. . . ветъвь от него отвратити, и водою и духом совершенно освятитися, и на высоком и преславном месте посадити» (л. 371); «. . .месту тому колебатися, и живущим на нем смущатися, и главами своими глубитися, и велицей крови литися» (л. 371 об.); «всею душею, без раскаяния отвратилися от християнства, и во враги нам претворилися, и с ними, со враги, соединилися, и вкупе с ними вооружилися» (л. 388 об.).

Подбирая подобные примеры «речевого стиха» в «Новой повести», Л. И. Тимофеев приводит к ним интересные параллели из глагольных рифм «грамот» 1611—1612 гг.[9] Однако

---

[6] См.: Лихачев. Национальное самосознание, стр. 117—118, 119. А. А. Назаревский, уделивший большое внимание рифмованным эпизодам «Новой повести» и сопоставлению их с ритмически организованной речью в публицистике и грамотах XVI в. и в литературе начала XVII в., в приложении к исследованию дал опыт издания всего текста с выделением в нем всех рифмованных и нерифмованных ритмических строк.

[7] См.: ИОЛЯ, т. XV, М., 1956, вып. 6, стр. 508.

[8] См.: там же, стр. 500—508.

[9] См.: там же, стр. 509.

в «Новой повести» нанизывание выражений, раскрывающих одну мысль, дает иногда не только глагольные рифмы: «Ни от царских родов, ни от болярских чинов, ни от иных избранных, ратных голов. Сказывают, от смердовских рабов» (л. 385 об.); «. . . невесту, красну и благородну, богату же и славну и всячески изрядну, паче же и благоверну» (л. 372 об.); «. . . с нашими земледержьцы, ныне же по своему уму достигли имя что землесъедцы» (л. 374); «. . . крестопреступников и веры отступников. . . видя зде, в мире, колебание и за веру стояние. . . с своими способники, с такими же безбожники» (л. 378) и т. п.

Среди рифмованных строк «Новой повести» обращают на себя внимание такие, в которых ощущается и ритм:[10] «Так ли сыну прочити, что все наконец губити» (л. 378 об.); «. . . у великого святителя и у незлобиваго учителя» (л. 380 об.); «Ни тула, ни меча, ни шлема, ни копия» (л. 380 об.); «. . . и есть избраннии, сердцем желании» (л. 382 об.) и т. п. Подобные ритмические словосочетания в «Новой повести» напоминают строй близкого к ней по времени «Послания дворянина дворянину». Однако, кроме этих примеров «речевого стиха», в «Новой повести», как мы уже видели, явственно ощущается другая струя рифмованной речи, характерная для торжественно звучащих риторически организованных фраз, в которых обычно рифмуются и глаголы, и существительные, свойственные лексике церковно-дидактической прозы:[11] «. . . во всех землях стала в разорении, и такое великое царство в запустении, и таковая великая царьская ризница в расточении» (л. 387); «. . . всегда многим смертное посечение, а иным зелное ранение, а иным грабление» (л. 384). В связи с этим любопытно сопоставить «Новую повесть» со стихами «покаянными», «умильными», исторического содержания, в особенности с теми из них, которые близки к «Плачу о пленении».[12] Кроме отдельных строк (посвященных патриарху Гермогену и др.), мы имеем в виду целые эпизоды, в частности описание притеснений, которые переносит население оккупированной Москвы.[13] (Этот отрывок по своей тематике и характеру рифмовки очень напоминает «Плач о земле Российской», «Стих о нашествии поганых» и др.).

Можно думать, что склонность к рифмованной и даже рит-

---

[10] См.: там же, стр. 509—510.

[11] Ср. лексику «Сказания» Авраамия Палицына (там же, стр. 497, 510).

[12] См. работы В. Н. Перетца (К истории древнерусской лирики («стихи умиленные»). — Slavia, т. XI, Praha, 1932, кн. 3—4, стр. 474—479) и В. И. Малышева (Стих «покаянны» о «люте» времени и «поганых» нашествии. — ТОДРЛ, т. XV, 1958, стр. 371—374).

[13] См.: Назаревский. Очерки, стр. 178—180 (со слов «Сами вси видите. . .»).

мизованной речи пришла к автору «Новой повести» от «речевого стиха», свойственного эмоциональной прозе, деловой и бытовой письменности, от народного ритмического сказа, от того «раешного» стиха, который в XVII в. начал проникать в литературу, слагавшуюся в среде посадского, по преимуществу демократического, населения и от церковно-дидактической литературы, исторической прозы и стихов «умильных», «покаянных».

Это предположение подкрепляется тем, что автор наряду с преобладающей у него книжной славянизированной речью, одновременно со сложными периодами помещает эпизоды, изложенные с помощью фраз простой конструкции и лексикой живого языка. В том, что сам он различал эти две разновидности языка своего времени, убеждает употребление им оговорки «просто рещи», отделяющей книжное выражение от близкого по значению просторечного: «. . . никако же бы тем нашим врагом и злым волком было в нашу землю входно, отнюдь, просто рещи, и повадно» (л. 370 об.); «. . . славою мира сего прелестнаго прельстилися, просто рещи, подавилися» (л. 382). В этих случаях употребление просторечных слов благодаря «переводу» и сопровождающей его оговорке приобретает по отношению к врагам иронически-презрительный оттенок. Гораздо чаще морфологические образования живого языка (стоячи, терпячи, слышечи, помнячи, ищучи, ведаючи, рассмотряючи и др.) и его лексика вводятся в рассказ без особого стилистического назначения: однолично, холопи, докуды, зглупали, мало-мало, поистановили и поизнасадили, прочити, сипит и др. Иногда это целые выражения то живой, то деловой речи: «. . . по коих мест которая добра мера от вас учинится» (л. 376); «Что стали, что оплошали?» (л. 383 об.); «. . . ино жена и дети осиротити, меж двор пустити» (л. 388), и т. п. Подобная лексика и построение предложений («ино и тот»; «чаять и до Рима. . . славу пустили»; «чаем, яко и малым детем. . . дивитися» и пр.) связывают «Новую повесть» не с литературой, а с агитационной письменностью, напоминая, что и в рамках исторического повествования, украшенного согласно литературной традиции, автор стремился приблизить свое изложение к языку широких масс читателей, к которым он в первую очередь обращался.[14]

С этой задачей связаны и те стилистические особенности «Новой повести», которые характеризуют индивидуальную

---

[14] Ср.: Л. Л. К у т и н а. Лексика исторических повестей о Смутном времени Московского государства. Автореферат, Л., 1953, стр. 20—21.

авторскую манеру: расширение области, откуда автор берет сравнения, собственное истолкование традиционных образов и стремление каждое более или менее развернутое сравнение или метафору тут же раскрыть читателю, не оставляя возможности иного (чем его, авторское) объяснения образа. Выше мы показали, с какой целью автор создает непривычные метафоры («безводное море» — народ, «столп посреди палаты», который «держит» ее, — Гермоген) или поясняет читателю значение обороны Смоленска целыми картинами, взятыми из жизни (город держит короля за сердце, город-воин держит жеребца), или сравнивает способ, каким Сигизмунд добивается господства над Русским государством (жених борется с «доброхотами и сродниками» невесты). Во всех этих случаях автор отходит от традиции, хотя и не противоречит ей в своем стремлении не только сообщить факты, но и разъяснить их смысл, прибегая к выразительным средствам художественного повествования.

Подобных чисто литературных целей не могли ставить перед собой составители грамот и «отписок» патриотического лагеря, для которых рассказ о событиях и разъяснение их значения оставались главными убеждающими средствами в течение всего периода народно-освободительной войны.

Таким образом, использовав опыт патриотической агитационной письменности своего времени, особенно той, которая исходила из кружка московских патриотов, автор «Новой повести» оформил свое воззвание как литературное произведение. Один из жанров деловой письменности — грамота-воззвание — превратился под пером этого писателя, искусного в риторике и словесном мастерстве, в особый вид рассказа об исторических событиях, многими своими чертами близкий историко-публицистическим повестям своего времени как в их традиционных, так и в новаторских элементах, и вместе с тем наделенный своеобразными признаками, которые были обусловлены самим назначением этого рассказа.

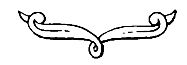
Темы, поднятые в агитационной письменности конца 1610— начала 1611 г. и разработанные «Новой повестью», сохранялись в межгородской переписке организаторов первого ополчения до момента его распада. Когда с июля 1611 г. в агитацию за освобождение Москвы включились книжники Троицкого монастыря, они сосредоточились на тех же темах, но в стилистическом их выражении оказались ближе к «Новой повести», чем к документальной межгородской письменности. Эта близость в особенности ощущается в идеализации патриарха Гермогена, которого троицкие авторы также представили в облике

мученика, «твердого адаманта и непоколебимаго столпа, крепкого поборника по православной истинной христианской веры, паче же, подобно рещи, нового исповедника и наместника престола великих чудотворцов Петра и Алексея и Ионы, пастыря и учителя словеснаго стада Христова», которого «безчестне изринуша и в изгнании нужно затвориша».[15] Обилие риторических вопросов, предостережения в обращениях к адресатам («. . .помяните и смилуйтеся над видимою общею смертною погибелию, даже и вас самих та же лютая не постигнет смерть») [16] также напоминают манеру изложения «Новой повести».

Когда в 1612 г. началась организация второго ополчения для освобождения Москвы, в грамотах его руководителей был воспринят призыв, бытовавший в течение всей народно-освободительной войны, — «быти нам всем, православным християном, в любви и в соединении», «в одном совете».[17] Однако новая историческая обстановка внесла в содержание агитации существенные изменения. Уже не требовалось больше так обстоятельно, как в конце 1610—начале 1611 г., разоблачать обман королевских обещаний, разъяснять, что кандидатурой Владислава прикрываются захватнические замыслы Сигизмунда III. На очередь стал вопрос об избрании царя «всею землею», отвод кандидатуры «Маринкина сына»; требовалось примирить внутренние разногласия, ускорившие распад первого ополчения. Грамота князя Д. Пожарского из Ярославля к вычегодцам (от 7 апреля 1612 г.) составлялась при участии опытного книжника, владевшего и деловым языком документа, и риторическим слогом украшенного исторического повествования, и фразеологией религиозно-дидактической литературы. В изложение ее введен обзор исторических событий со времени окончания династии Калиты. Так наметился иной, чем в конце 1610—начале 1611 г., путь сближения литературы и документальной письменности: авторы грамот стали обращаться к историческим повестям о «Смуте», которые уже с 1606 г. начали давать истолкование исторических событий, последовавших за смертью сына Грозного — Федора. Традиция этих грамот уже далеко отходит от той, с которой была связана «Новая повесть о преславном Росийском царстве».

[15] ААЭ, т. 2, № 190, стр. 328.
[16] Там же, стр. 329.
[17] Там же, № 201, стр. 339, 340.

ТЕКСТ
и
АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ



НОВАЯ ПОВЕСТЬ О ПРЕСЛАВНОМ РОСИЙСКОМ ЦАРСТВЕ И ВЕЛИКОМ ГОСУДАРСТВЕ МОСКОВСКОМ

Новая повесть о преславном Росий- л. 369 ском царстве и великом государстве Московском, и о страдании новаго страстотерпца святейшаго кир Ермогена патриярха всеа Русии, и о посланых наших: пресвященнаго Филарета митрополита ростовскаго и болярина князя Василия Голицына с товарыщи, и о крепком стоянии града Смоленска, и о новых изменниках, и [1]мучителей, и гонителей, и разорителей, и губителей[1] веры християнские Федки Ондронова с товарыщи.

Преименитаго великого государства матере градовом Росийскаго царства православным християном, всяких чинов людем, которые еще душь своих от бога[2] не отщетили,[3] и от православные веры не отступили, и верою прелести не последуют, и держатся благочестия, и к соперником своим не прилепилися, и во отпадшую их не уклонилися, и паки хотят за православную свою веру стояти до крове.

Бога ради, государи, моляще его, всемилостиваго бога, и пречистую его матерь,[4] заступницу нашу, и молебницу, и помощницу всему роду нашему християньскому, и великих чюдотворцов, иже у нас в Троице преименитых, и всех святых, не нерадите о себе! Вооружимся на общих сопостат наших и врагов и постоим вкупе крепостне за православную веру, и

[1-1] *Может быть, в оригинале в конце слов было выносное* х, *неверно раскрытое писцом, хотя контекст требовал здесь местного падежа.*

[2] *В ркп. буква* г *написана по букве* о, *а над строкой поставлено титло.*

[3] *Испр. Платоновым. В ркп.* ощетили.

[4] *В слове* матерь *по ошибке под титлом поставлено* с.

за святыя божия церкви, и за свои души, и за свое отечество,
л. 369 об. и за достояние, еже нам господь дал! || И изберем славную смерть; аще и будет нам то, и по смерти обрящем царство небесное и вечное, нежели зде безчестное и позорное и горкое житие под руками враг своих.

Поревнуем и подивимся великому оному нашему граду Смоленьску, его же стояние к западу, како в нем наша же братия, православныя християне, сидят и великую всякую скорбь и тесноту т*е*рпят,[5] и стая*т*[6] крепце за православную веру, и за святыя божия церкви, и за свои души, и за всех за нас, а общему нашему сопостату и врагу, королю, не покорятся и не здадутся. Сами ведаете, с коего времяни сидят и всякое великое утеснение терпят. И ни на- которую меру не поползнутся, и [7]никакову[7] их вражию прелесть и на обещание не прельстятся, что им обещевает и сам нашь сопостат. И вси стоят единодушьно, и непреклонно, и неподвижно умом и душею на их прелестное ложное обещание. И душь своих не потопят и во веки ими погибнути[8] не хотят. А хотят славне умрети, нежели безчестне и горко жити. И каково мужество показали и какову славу[9] и похвалу[9] учинили во все наше Ро-
л. 370 сийское || государьство! Да не токмо в нашу во всю пресловущую землю, но и во иншия орды, в литовскую, и польскую, и во иные[10] многие, чаят, и до Рима, или будет и дале паки же, ту славу и хвалу пустили, яко же и у[11] нас. Да и самого того короля, лютаго врага, сопостата нашего, и его способников, таких же безбожников, яко же он, которыя с ним тамо, подо оным градом, стоят и град ты*й*[12] аки злыя волки, похитити хотят и которые у нас зде, в великом нашем граде, живут, и на сердцах наших стоят, и, аки лютыя лвы, всегда поглатити нас хотят, и сот*в*орител*я*[13] нас всех еще удивили. И ужасали еще, и до самого их злокозненаго и злоестественаго сердца им досадили,[14] понеже у них многих доброхотных их, а наших врагов, перерубили, и перегубили, и позорныя смерти многим

---

[5] *Испр. Платоновым. В ркп.* трпят.

[6] *В ркп.* стая, *Платоновым переправлено в* стоят.

[7-7] *Так в ркп. Возможно, вместо правильного* ни на какову. *Ср. в начале фразы* ни на которую.

[8] *В ркп. в этом слове видны следы исправления тем же почерком.*

[9-9] *Испр. Платоновым. В ркп.* по и похвалу.

[10] *В ркп.* и *тем же почерком переправлено из* ы.

[11] *В ркп.* у *тем же почерком переправлено из* о.

[12] *Испр. Платоновым. В ркп.* ты.

[13] *В ркп.* соторитель. *Платонов исправляет* сотворитель *и производит перестановку текста (см. об этом стр. 214).*

[14] *В ркп.* л *выносное. У Платонова* досадил *(см. об этом стр. 214).*

давали. Да и ныне божиею помощию всегда их, врагов, губят и зелне им грубят.[15] Чаем, яко и малым детем слышавше, дивитися той их, гражан, храбрости, и крепости, и великодушию, и непреклонному уму. Аще будет их [16]*до* конца[16] бог тако укрепит, яко же ныне, и учинят таковое свое крепкое стояние и великое скорбное терпе||ние за православную веру, и за святыя л. 370 об божия церкви, и за себя, и за всех за нас, и усидят. И тою своею крепостию все царство удержат от того лютаго нашего сопостата, по коих мест сам господь весть и, неизреченными своими судбами, невидимо великую свою милость подаст всему нашему великому государьству, и избавит нас всех от толиких неудобносимых бед, и измет нас из рук тех врагов наших, аки агнецов, изо уст волчиих. Тогда кто готов будет изрещи ту их доблесть и крепость? Тогда и паки достоит дерзостно рещи, что такоже не в свою едину землю, но и во иныя многия орды: до Царяграда и до Рима, и до Иерусалима, и к самому Востоку же, и Западу, к Северу и Югу славе той проити: во оном царстве сам той град спасеся, и иных спасе, и соп*о*стата[17] и врага-короля попра и прогна, и все свое великое государство удержа. Аще бы таких крепкостоятелных[18] и побарательных по вере градов в Росийском[19] государстве хотя и немного было, не токмо что все, никако же бы тем нашим врагом и злым волком было в нашу землю входно, отнюдь, просто рещи, и повадно.

Подобает же нам ревновати и дивитися и посланным нашим от всея нашея велики||я Росия; в начале от подражателя и л. 371 сопрестолника святых святейших вселеньских патриярх, от первенца и главы церковныя всея Русии, пастыря нашего и учителя, и отцем отца и святителя, неложнаго стоятеля, и крепкаго[20] побарателя по вере християнстей, потом от благородных и великих самех земледержцов наших и правителей, ныне же, близ рещи, и кривителей; и не о том днесь слово, иже впредь узрите; таже и о[21] всех людей всяких чинов — под онный град Смоленеск, к тому сопостату нашему и врагу-королю, на добрейшее дело, на мирное совещание и на лутшее

---

[15] *В ркп. исправлено из* грабят.

[16-16] *Испр. Платоновым. В ркп.* дконца.

[17] *Испр. Платоновым. В ркп.* сопстата.

[18] *В ркп.* крепиостоятелных.

[19] *Платонов читает в ркп.* Росиском *и дает исправление* — Росийском, *между тем в ркп. есть надстрочный знак, обычно заменяющий второе* и *в сочетании* ии.

[20] *В ркп. в результате поправки из букв* рѣ *получилась вязь.*

[21] *Испр. Платоновым. В ркп. омега, но надстрочный знак ошибочно поставлен не тот, которым обозначается* т *в слове* от.

уложение, чтобы от того гнилаго и нетвердаго, горкаго и кри-
ваго корении древа, и в застени стоящего, — на него же, мню,
праведному солнцу мало сияти и совершенней благодати от
него бывати, и аще будет по строю своему вмале на него и
призирает, но искоренения его ожидает, — токмо за величества
рода, хотящую нама ветъвь от него отвратити, и водою и духом
совершенно освятитися,[22] и на высоком и преславном месте
л. 371 об. посадити, иже всех мест превыше и славнее своим || изрядством
во всей поднебесней вышняго волением. И рости бо той ветви
и цвести во свете благоверия, и своея бы ей горести отбыти, и
претворитись бы в сладость, и всем людем подовати плод сладок.
И злое бы корение и зелие ис того места вон вывести, понеже
много того корения злаго и зелия лютаго на том месте вкоре-
нилось. И уже бы тому высокому и преславному месту не колеба-
тися, занеже, за некое неисправление пред сотворшим вся,
месту тому колебатися, и живущим на нем смущатися, и гла-
вами своими глубитися, и велицей крови литися. И тое бы по-
саженую ветвь брещи со всяким опасением, единодушна,[23]
а не двоедушно. Сиречь рожденнаго бы от него у него испро-
сити, и к нам с ним приити, и нам бы его, по нашему закону,
аки новородити, и от тмы неведения извести, и, аки слепу,
свет дати, и на великий престол возвести,[24] и посадити, и ски-
петр Росийскаго царства вручити. И ему бы у нас вся добрая
творити, и закона бы нашего и устава ничем не разоряти, и
своего бы ему злаго прироженния забыти. А нам бы ему također
неизменно и непоползновенно служити. И тех бы врагов наших
л. 372 и губителей от на||с, с царствующаго града и изо всея нашея
земли, вон выслати и выгнати, аки злых и гладных волков,
в свою их проклятую землю и веру. И уже бы к тому неповин-
ней крови християнстей не литися, и волнению престати, и
впредь тихо и безмятежно жити, аще всемилостивый владыко
по толико время праведный свой гнев утолит.

Злонравный же, злый он, сопостат-король, никако же ничего того не хотя и не мысля в уме своем, тако тому быти, яко же нам[25] годе, — понеже от давных лет мыслят на наше великое государство все они, окаянники и безбожники, иже и преже

---

[22] *Может быть,* освятити (*см. об этом на стр. 214*). *Платонов предлагает чтение* освятити ея.

[23] *Платонов отмечает, что в ркп.* единодушна *якобы переправлено в* единодушно.

[24] *Испр. Платоновым. В ркп.* возвеести. *Может быть, следует читать* ево звести: *пауза между* ево *и* звести *очевидна. Не дописав* престо *на предыдущей строке, писец начал следующую с буквы* л *и к ней, очевидно, приписал* ево.

[25] *Испр. Платоновым. В ркп.* на. *Буква* м *надписана почерком XIX в.*

того были ево же братия в той же их проклятой земле и вере, како бы им великое государьство наше похитити, и вера християньская искоренити, и своя богомерзская учинити. Но не у бе им было время, дондеже прииде до того нынешняго нашего сопостата-врага, короля. Но зело зель возрадовася во злокозненом сердцы своем и воскипе всеми уды своими, яко бы некто, не изгубя, велико богатество хощет обрести, и вельми рад бысть в сердцы своем, и, некоея ради вины, еще не до конца его видит в руках своих. Također и он,[26] ‖ окаянный король.[27] л. 372 об.
Ни ему искони дано от бога и паки ни его достояние, ни отечество, а хощет сие великое наше государство и в нем безчисленное богатество взяти и владети, и радуется, и кипит злым своим сердцем, чаяти, яко и на месте мало сидит или також мало и спит от великия тоя своея радости. И непокорением и удержанием того крепкаго нашего града еще не до конца все наше Росийское великое государьство у себя в руках видят.[28] Или некий же злый и силный безбожник, яко же он, не по своему достоянию и данию ему от сотворителя всех, хощет поя*ти* [29] за ся невесту, красну и благородну, богату же и славну и всячески из*р*ядну,[30] паче же и благоверну. И нехотения ради невестня и ея сродников и доброхотов, кроме ея злодеев, не можаше ю вскоре взяти и за ся пояти. Дондеже сродников и доброхотов невестних силою и некоим ухищрением их победит и под ся покарит,[31] тогда и невесту за ся и со всем ея богатеством получит. Также и он, окаянный, нехотения[32] ради к нему царствующаго великаго нашего града и оного крепкаго нашего же заступника и поборника, иже он, окаянный, под ним ‖ стоит, и иных и всех градов наших, не хотящих л. 373
за него, кроме его доброхотов, а наших злодеев, которыя от него ныне прелщены и тленною и мимотекущею и погибающею славою и богатеством ослепляны (о них же нам впреди вмале будет слово), еще не до конца великое наше государство в руках своих держит.

---

[26] *Испр. Платоновым. В ркп.* онъо.
[27] *Испр. Платоновым. В ркп.* корль.
[28] *У Платонова переправлено* видит. *Однако текст может быть оставлен и без исправления, так как речь здесь может быть отнесена к замыслам не одного Сигизмунда, а всех интервентов. Во всяком случае, так, видимо, читалось и в оригинале, в котором писец, даже при недостаточном внимании, едва ли мог прочитать юс малый вместо* и.
[29] *Испр. Платоновым. В ркп.* поя.
[30] *Испр. Платоновым. В ркп.* изядну.
[31] *В ркп. чернила расплылись. Может быть,* покорит, *как читает Платонов.*
[32] *Испр. Платоновым. В ркп.* нехътения, *но* ъ *переправлен в* о.

И паки надеяся на то, окаянный, что божиим изволением царский корень у нас изведеся: вместо тленнаго и мимотекущаго, царство небесное и вечно восприяша, и земли нашей без них, государей, овдовевши[33] и за великия грехи наша в великия скорби достигши. И горши всего, разделение в ней на ся учинися. И гордости ради и ненависти не восхотеша многи от християньска рода царя изобрати и ему служити, но изволиша от иноверных и от безбожных царя изыскати и ему служити. И те, прежереченныя его доброхоты, а наши злодеи, — о именех же их несть зде слова — растлилися умы своими и восхотеша прелести мира сего работати и в велицей славе быти, и инии, не сыи[34] человецы, не по своему достоиньству саны честны достигнути. И сего ради от бога отпали, и от [35]православн*ыя*
л. 373 об. вер*ы*[35] отстали, и к нему, сопостату нашему, королю, ‖ вседушно пристали, и окаянными своими душами пали, и пропали, и хотят ево, злодея нашево, на наше великое государство посадити, и ему служити. И по се время мало не до конца Росийское царство ему, врагу, предали. Аще бы им мощно, то единем бы часом привлекли его, врага, сюде и во всем бы с ними над нами волю свою сотворили. Но всемилостивый владыко еще на нас, грешных, своею милостию призирает, и мысль их и совет разает,[36] и тем крепким нашим градом, иже он, злодей, под ним стоит, его утвержевает, и к нам итти воспрещает. Аще за великия грехи наша его же божиим прогневанием [37]и *его*[37], злодея нашего, злым умышлением которою мерою возмет тот наш крепкостоятелный град, тогда и царствующаго града доидет, и всех достигнет, и нас себе покорит. И паки те ево доброхоты, а наши злодеи, вси об нем радят, и во всем ему[38] добра хотят, и великое Росийское царство до конца хотят ему отдати для своея мимотекущия славы и величества. И того ради он, окаянный, не хощет так сотворити, яко же нам годе. И уже конечно во уме своем мыслит, что великое наше государ-
л. 374 ство обовладел, а бесовъскаго сво‖его воиньства всю нашу землю наполнил и конечно надежен стал быти.

И тех посланных наших держит и всякою нужею, гладом и жаждою конечно морит и пленом претит. И пошли от нас со многими людьми в велицем числе, а ныне-де и в мале дружине осталися вящих самых два. А то-де и все, для великие

---

[33] *В ркп.* оввдовевши.
[34] *Может быть,* нецыи *или* несыти.
[35-35] *Испр. Платоновым. В ркп.* православнья верь.
[36] *Может быть,* разоряет.
[37-37] *Испр. Платоновым. В ркп.* иго.
[38] *Испр. по смытым чернилам.*

скорби и тесноты, не мога терпети, тому сопостату-врагу, королю, поклонилися и на ево волю верилися. Того не вем, все ли от желаннаго сердца к нему приклонилися, или будет втайне искренное к нам, и ныне-де, жжаты, с нами же за веру стояти хотят? Токмо разошлися и разъехалися овии к нам, а овии инуде, по своим местом. И те-де наши оставшии, [39]сами ваши,[39] стоят крепце и непреклонно умом своим, яко же оне, гражане, за святую непорочную християньскую веру и за свою правду, на чем был зде с подручником его, з Желтовъским, с таким же безбожником, яко же он, сопостат нашь, совет положил с нашими земледержьцы, ныне же по своему уму достигли имя что землесъедцы.[40]

Подобает же им велми дивитися и хвалити их. Что есть того похвалнее, и дивнее, и безстрастнее?! || В руках будучи л. 374 об. у своего злаго сопостата и врага, и у смерти стоячи, и всякую нужу терпячи, и лиц своих противу его, сопостата, не стыдят и в очи ему говорят, что отнюдь ево воли не бывати и самому ему у нас не живати, да не токмо ему, но и рожденному от него, аще не освятится тако, яко же мы, божиею благодатию.

Паче же подивимся и удивимся пастырю нашему и учителю, и великому отцем отцу, и святителю! Имя же его всем ведомо. Како, яко столп, непоколебимо стоит посреди нашея великия земли, сиречь посреди нашего великаго государства, и по православной вере побарает, и всех тех душепагубных наших волков и губителей увещевает. И стоит един противу всех их, аки исполин-муж*е*,[41] безо оружия и безо ополчения воинъскаго, токмо учение, яко палицу, в руку свою держа протива[42] великих агарянских полков и побивая всех. Такоже и он, государь, вместо оружия токмо словом божиим всем соперником нашим загражая уста и посрамляя лица и безделны отсылая от себя. И нас всех укрепляет и поуч*а*ет,[43] чтоб*ы*[44] страха их и прещения не боятися, и душами своими от бога не отщетитися, и стояти бы крепце || и единодушно за преданную[45] нам от л. 375 Христа веру и за свои души, яко же оне, граждане, во оном граде, и послании наши под тем же градом.

О великое божие милосердие! Еще не до конца прогневася на християньский род. О чюдо и дивъство! И воистинну ве-

---

[39-39] *Так в ркп. Платонов предлагает чтение* самые вящие.
[40] *Испр. Платоновым. В ркп.* землеземлесъедцы.
[41] *Так в ркп. У Платонова переправлено* муж.
[42] *Платонов читает* противу.
[43] *В ркп.* поучет (*нарушена рифма*).
[44] *В ркп.* чтобь.
[45] *В ркп.* д *переправлено из* т.

ликим слезам достойно, како мати градовом в Росийском государстве всеми стенами и многими главами и душами врагом и губителем покорилася, и предалася, и в волю их далася, кроме того нашего великого крепкаго и непоколебимаго столпа, разумнаго и твердаго адаманта, и с ним еще многих православных християн, которыя хотят стояти за православную веру и умерети. И оный, прежереченный, воистинну великий град, по своему действу противу тех же сопостат наших и врагов, паче же рещи, противу самого того лютаго сопостата нашего, злаго короля, хотящаго погубити святую нашу и непорочную веру, крепко вооружился, и укрепился, и не покорился, и не здался. Да и ныне стоит и крепится, близ рещи, что все великое наше Росийское государство держит и всех тех врагов наших, тамошних и здешних, и того самого общаго нашего сопостата-короля страшит. И, аки прехрабрый
л. 375 об. воин, лютаго и свирепа‖го и неукротимаго жребца, ревущаго на мску, браздами челюсти его удержевает, и все тело его к себе обращает, и воли ему не подаст. Аще ли подаст, то и сам от него погибнет: занесен будет в неисходный ров и сокрушится. Такоже и оный великий гра*д*,[46] по своим делам и паки великий, тому сопостату нашему и похитителю веры нашея православныя, ревущему на великое на*ше*[47] государство и на вс*е*х[48] нас, во уме ему запрещает и к нам[49] итти возбраняет. Аще бы не оный град по се время ему претил и держал, без всякаго бы сомнения, давно сопостат нашь у нас зде был. И аще бы ему бог попустил за великия грехи наша, вконец бы всеми нами обовладел и во всем бы над нами волю свою сотворил. Горше бы всего, святую и непорочную нашу веру такоже вконец искоренил, разве по бозе великий и непоколебымый нашь столп удержал бы или нет до конца, не смею дерзнути рещи. А ныне его, сопостата нашего, злаго короля, той нашь град ни за главу, ни за руце, ни за нозе, но за самое злонравное и жестокое сердце держит и к нам итти претит. И посланники наши такоже крепце и вседушно по православней вере
л. 376 побарают, ‖ и противу того супостата нашего ни в чем лиц своих не стыдят, и в правде противу его стоят. Аще и не во ограде со гражаны сидят и усты своими с ними совету не чинят, и божиим промыслом сердцы своими вкупе со гражаны по благочестии горят.

А зде, у нас, прежереченный непоколебимый столп сам

---

[46] *В ркп.* гра. *У Платонова исправление не оговорено.*

[47] *Испр. Платоновым. В ркп.* наще.

[48] *В ркп.* вех. *У Платонова исправление не оговорено.*

[49] *В ркп.* а *вставлено тем же почерком.*

крепко и непоколебимо во уме своем стоит, и не стены едины великаго нашего града держит, но и живущих в них всех крепит, и учит, и умными[50] их в погибельный ров впасти не велит. И паки великое сие безводное море словесы своими утишивает и украчает. Сами вси видите. Аще бы не он, государь, зде держал, кто бы таков ин востал и противу тех наших врагов и губителей крепко стал? Давно бы страха ради, прещения от бога отступили, душами своими пали и прапали.

Аще будет божиим волением и поможением и всех нас грехов непомяновением от дву сих крепких стоятелей[51] и поборателей по вере нашей християньстей все великое наше государьство спасется, и от тех врагов избавится, и отстоится, по коих мест которая добра мера от вас учинится, и промысл вашь [52]над теми[52] враги явится? Глаголю же — тамо от града, а зде от того крепкаго нашего и непоколебимаго столпа. ‖ Никако же такова повесть велия и притча во многих землях утаится, л. 376 об.
но повсюду пронесется и прославится, яко таковыми мерами оно царство спасеся и от врагов своих избавися. Паки реку: «О велико божие милосердие и щедроты на всех нас!» Тамо град стоит, и супостата держит, и во уме ему претит, и всем нам по бозе и по православной вере побарати ревность дает, чтобы мы все, видев его крепкое и непреклонное стояние, такоже крепко вооружилися и стали противу сопостат своих. А зде, у нас, нашь крепкий и непоколебимый столп стоит, и всех нас крепит, и учит, и [53]тому же[53] граду ревновати велит.

Приидите, приидите, православнии! Приидите, приидите,[54] христолюбивии! Мужайтеся, и вооружайтеся, и тщитеся на враги своя, како [55]бы *их*[55] победити и царство свободити! Не выдайте по бозе спасителей наших и крепкостоятелей: тамо града и посланых под него, а зде — общаго же нашего пастыря и учителя, и отцем отца, и святителя.

Скажу вам истинну, а не лжу, что одноличпо сопостаты наши, которыя у нас ныне с нашими изменники-единоверники, и с новыми богоотступники, и кровопролители, и разорители веры христианския, ‖ с первенцы сатанины, со июдиными л. 377
предателя Христова братиею, с началники, и со иными их подручники, и угодники, и единомысленники, иже недостойны по своим злым делом прямым своим званием именоватися

[50] *Может быть*, умным (*см. об этом на стр. 214*).
[51] *В ркп. переправлено из* стеятелей.
[52-52] *Испр. Платоновым. В ркп.* над па теми.
[53-53] *Испр. Платоновым. В ркп.* тому о же.
[54] *Испр. Платоновым. В ркп.* приидиите.
[55-55] *Испр. Платоновым. В ркп.* бых.

(рещи достоит их — душапагубныя волки), хотят нас конечно погубити, и под меч подклонити, и подружия наша и отроды в работу и в холопи поработити, и прижитие наше пограбити, горше же всего и жалостнее, — святую нашу непорочную веру вконец искоренити, и свою отпадшую учинити, и сами в нашем достоянии жити. Сами видите, что они ныне над нами чинят. Всегда во очех наших всем нам смерть показуют, и поругаются, и насилуют нам, и посекают нас, и домы наша у нас отнимают, и поносят нам в лепоту, яко волцы, зубы своими[56] скрегчют, и грозят нам, и претят смертию. Да не токмо нам ругаются и смеются, но и самому [57]создателеву образу и рождьшей его. И руками дерзают и в вид существа божия и пречистыя его матере стреляют, яко же ныне свидетельствуют злодейственнеи руце, пригвожденнеи к стене под образом матери божии, и всем им, окаянным, в страх и в трепет. И хотят вси вооружеǁны и изоострелены быти, на [58]сущих злодеев изготовляны. Ведят, окаяннии, что не в свое достояние пришли и не свою меру хотят достигнути, аще им бог до конца попустит.

л. 377 об.

А ныне послали во все городы, по которым стоят такия же губители и кровопролители неповинных новоизраительских кровей. А велели[59] им быти сюда, к нам, а наших людей же в воиньском[60] чину, которыя живут у нас, здс, тех всех ссылают долов. А умышляючи то, чтобы их, врагов, было много, а нас было мало, чтобы нам отнюдь противу их стати не мочно и вконец бы им нами обовладети и себе покорити. На то не смотрите, православнии християне, и не имите тому веры, что они ныне пред вами лицемеръство чинят: сами своих людей казнят. А все нам блазнят, уверяючи и прелщаючи вас тем, тако творят и сказывают, что не отцу быти у нас, но сыну.[61]

А и сам тот злодеец нашь, сыновень отец, тоже льстит и блазнит, аки сатана, мечты творит и, аки бесов, с вестьми присылает, что хощет[62] сына своего нам дати по здешним[63] его, злодея злодеев наших, а его доброхотов, по прежереченных

л. 378 онех ǁ изменников, всему нашему великому государству крестопреступников и веры отступников и умышлению и [64]добра-

[56] *Испр. Платоновым. В ркп.* своии.
[57] *Испр. Платоновым. В ркп.* самомуо.
[58] *Платоновым прочтено* несущих *и исправлено в* но сущих. *В ркп.* а *вставлено над строкой.*
[59] *В ркп.* вевели.
[60] *Испр. Платоновым. В ркп.* виньском.
[61] *В ркп.* сну *без титла.*
[62] *Испр. Платоновым. В ркп.* хощет *повторено.*
[63] *Может быть,* здешних (*см. об этом на стр. 214—215*).
[64-64] *Испр. Платоновым. В ркп.* добрахотени ему.

хотени*ю* ему,[64] злодею. Видя зде, в мире, колебание и за веру стояние, для того нам лстят и блазнят, чтобы нас всех тем областити, и укротити, и великим бы нашим морем не взмутити, и им бы самем, врагом, в нем не потонути, и главами своими не наложити. А се умышляючи то, докуды с своими способники, с такими же безбожники, соберутся в число много и докуды сам той супоста*т*[65] нашь и сущий враг всех нас коею злою мерою и божиим попущением и всех нас великим грехом и неисправлением пред ним, господем, возмет тот нашь крепкий поборник, сопротивный ему, злодею, град. Тогда, аки змий, возлетит к нам со всем своим бесовс*к*им[66] воинъством. И которые ныне зде, у нас, все на нас востанут, аки змии и скорпии, или, яко волки лютыя. И обладает нами. И тогда нам будет от них конечная погибель, аще господь бог за великия грехи наша разгневается на нас и конечно захочет нас предати им, аки псом, на снедение.

Отнюд ничему тому не бывати, православнии, что сыну зде, у нас, живати. Сами видите, что все блазный оман и прелесть. Или с ним не уверитеся, видев над собою я||вное умышление? Чаю, яко и малым отрочатем, слышавше, разумети мощно, не токмо сверстным и в разуме совершеным человеком. Коли отец лиха хощет сыну?! И на*м*[67] сына дати, а самому, аки злому волку, под гор*о*дом[68] Смоленьском стояти, и тем врагом воля дати землю нашу разоряти, и неповинную кров христьяньскую разливати, и на достолных безмерныя и неподъятныя кормы имати, и до смерти же мучити, и тамо посланных наших насмерть морити, и у нас зде, в великом граде, великое утеснение чинити. Так ли сыну прочити, что все наконец губити?! А он, окаянный, тем делом не токмо сыну прочить, но и сам зде жити не хощет. Токмо бы ему своя воля сотворити и великая бы слава учинити, что всеми бы нами обовладели, и нам бы под рукою его быти и его слыти. И ему бы своих подручников, таких же безбожников, в великом государстве нашем посадити, и все б сим царство, что еще вживе останется, предате правити и ведати, и дани-обраки всякия тяжкия имати, и к нему бы, ко врагу, аки бесом к сатане, жертва приносити. Сему слову болше верте, христолюбцы, что сыну[69] не бывати.

---

[65] *Испр. Платоновым. В ркп.* супост.
[66] *Испр. Платоновым. В ркп.* бесовсим.
[67] *Испр. Платоновым. В ркп.* на.
[68] *Испр. Платоновым. В ркп.* гордом.
[69] *В ркп.* сну *без титла.*

л. 379 Преже сих дней было, все вы слышели самое его, ‖ отцово, злокозненое сердце и тайна вся. Некто, тое же душепагубныя бесовъския сонмицы, от[70] нашего Христа тезоименитаго рода, злуначальный губитель божияго жребия — именем по всему[71] его злому делу не достоит его во имя мысленнаго или святого назвати, но достоит его нарещи злый, человекъядный волк — тому же нашему великому столпу и отцем отцу и святителю (имя же его всем вам ведомо) тот душепагубный волк яд свой изблевал и тайную свою общую яве открыл. И помыслил во злохитром своем уме того непоколебимаго нашего столпа покачати и на свою отпадшую от бога страну кочнути, аки [72]зми*й*, из[72] своих уст изрек, что он, великий столп и тверды адамант, в их, в суеумышленную и человекоубиенную мысль и волю сам бы поколебался, здался в их вражие х*о*тение,[73] и всему бы множесвенному народу безплотным своим в погибелный ров во веки пасти понудил, и, всего бы мира спасение, злодейцу-отцу усты касатися повелел. Великий же и непоко*ле*бимый[74] столп богом крепко водружан, не на песце основан, но на земли сердечней тверде, сам никако же не поколебался и не покачнулся нимало на их отпадшую от бога страну, и
л. 379 об. великую пола‖ту широтою и долготою и округ, иже об нем стоит и держится, и в ней многочисленнаго народа живуща такоже на зло не поустил, и умных их вовеки не пленил, но и паче укрепил. Видев же той прежереченный многодушьный губитель и злый разоритель великаго государства крепкое и непреклонное того столпа стояние за святую и непорочную веру и за все православное християньство, отверзл свои человекоубиенныя уста, и начат, аки безумный пес, на аер зря, лаяти, и нелепым*и*[75] славами, аки сущий буй, камением, на лице святителю метати, и великоимянитое святительство безчестити, и до рождьшия его неискусным и болезненым словом доходити. Он же, государь, твердый адамант, никако тому речению внят, и того его буесловия не убоялся, ни устрашился, наипаче же посмеялъся тому его безумному словесному дерзновению, но и зело ему вспретил и [76]вели*е* ему[76] зло провозвестил, из пречестных своих уст ему изрек. Мню, яко острым оружием, своим святительским словом тело и злохитрую душу его посекл:

[70] *Испр. Платоновым. В ркп.* ω (*омега*).
[71] *В ркп.* свему. *У Платонова ошибочно указывается, что в ркп.* своему.
[72-72] *Испр. Платоновым. В ркп.* зми их.
[73] *Испр. Платоновым. В ркп.* хртение.
[74] *Испр. Платоновым. В ркп.* непокобимый.
[75] *Испр. Платоновым. В ркп.* нелепымы.
[76-76] *Испр. Платоновым. В ркп.* вели ему. *Неясный надстрочный знак над* и, *возможно, показывает, что писец заметил пропуск одного* е.

«Да будеши проклят со всем своим соньмом в сем веце и в будущем, но и с тем, его же желаеши, и, всего ми‖ра спасение,[77] л. 380
ему всем усты касатися поущаеши!» И еще прирек: «Не токмо нам он годе, но и тако его отрасль, аще не приидет в наше хотение». Он же, окаяный, стули лице свое, отиде со всем своим сонмом посрамлен и изумлен, паче же зло возъярен на великаго пастыря и учителя и в правде крепкаго стоятеля, аки змий, дыша, или, аки лев, рыкая. Последи же окаянный обшедся умом своим, и позна свою вину, и виде свою злую совесть, и раскаяся в себе о прадерзке словесней, что не ў бе ему было время тако говарити и яве и нагло великому господину тайну свою открыти. И побояся множестеннаго християньскаго народа: такое слово к ним пронесется, что о недостойном и злом деле и нехотящем ими, и паки не в правде на того высочайшаго верха и непоколебимаго столпа приходил и, не яко святейшаго, но яко простейшаго, в лепоту, яко пес, лаял, и бранил, и в том своем слове запрение учинил, яко несть говорил, и, аки в темне храмине, в скверном своем теле лукавую свою душу затворил. И потом же, злодей, еще лицемеръство учинил, яко шумен был, и без памяти ‖ говорил, и у великаго л. 380 об.
святителя и у незлобиваго учителя прощение испросил. Обаче же аще и прощение испросил, а еще[78] злого своего нрава-обычая и впредь умышления[79] на злое дело от себя не отщетил. И ныне дышит и сипит, аки скоропия, и не престая крамолы воздвизаст, и всю свою плотную бесовъскую сонмицу возмущает, и всяко ему, государю, стужает. И теснят, сами вси видите, и еще конечно мыслят со всеми своими пособники, како бы его, государя, погубити, что без него все свое желание совершити и всех нас, аки змиям, поглотити.

Яко же и преже рех, что некому иному будет без него им, врагом, возбранити и стати накрепко, яко же он, государь, вел*и*кий[80] же он столп, и твердый адамант, и крепкий воин Христов, не имея ни тула, ни меча, ни шлема, ни копия, ни воин вооруженных — по*неже*[81] ему не дано то, ни повелено от сотворшаго вся того держати —, к тому же ни стен, крепко огражденных, и словом божиим, аки неким изрядным оружием препоясався, или, яко изящными воины, ополчився, или некими крепкими стенами оградився. «Не бойте‖ся, — рече, — л. 381
от убивающих тела: души же коснутися не могут». И молитве-

[77] *В ркп.* спсение *без титла.*
[78] *В ркп. первое* е *вставлено.*
[79] *В ркп. было* умышление, *переправлено тем же почерком.*
[80] *Испр. Платоновым. В ркп.* велкий.
[81] *Испр. Платоновым. В ркп.* пожне.

ныя своя словеса от желаннаго своего сердца к богу и пречистей его матери, аки благовонный фимиян, всегда возсылая о себе и о всех нас, паче же о святей и непорочней християньстей нашей вере, чтобы православная християньская наша вера от тех врагов наших и губителей не погибла, и слезы от очию своею, аки речныя быстрины, испущая пред образом господа нашего Исуса Христа, и пред пречистою его материю, и великих чюдотворцов, иже в Руской земле просиявших, и всех святых. И надеяся теми своими силными слезами и молитвеными словесами, аки острыми стрелами, от себя и *от*[82] всех нас тех общих наших видимых врагов отгоняти, и погубити, и все великое государство от них свободити.

О столп крепкий и непоколебимый! О[83] по бозе и по пречистей его матери[84] крепкая стена и забрала! О твердый адамант, о поборник непобедимы! О непреклонный в вере стоятель! О воистинну пастырь неложный, в лепоту реченно бысть,
л. 381 об. к таковым великим и крепкодушным — пастырь || добрый. Пастырь добрый душу свою полагает за овца. Воистинну, воистинну пастырь добрый себе, а не наемник. Душу свою полагает за овца, иже ему преданы пасти. И на выи его возложены все мы, православни християне. И поминает божественное писание: подобает словес ради божиих и до смерти стояти. Видим же вси, не даст тому божию слову пасти на землю и всегда близ смерти стоит[85] от тех общих наших врагов и губителей. Обаче же на сотворшаго вся, и на рождьшую[86] его, и на великих чюдотворцов, на общих наших заступников и богомолцев надежу держит. Аще ему, государю, случится за слово божие и умрети, не умрет, но жив будет вовеки. Вестно и дерзостно достоит рещи, аще бы таких великих и крепких и непоколебимых столпов было у нас не мало, никако же бы в нынешнее злое время от таких душепагубных волков, от видимых врагов, от чюжих и от сво*их*,[87] святая и непорочная вера наша не пала, наипаче бы просияла, и великое бы наше море без поколебания и без вол*не*ния[88] стояло.

л. 382 А ныне един уединен стоит, и всех держит, и вра||гом сурово прет. А иному некому пособити ни в слове, ни в деле: кроме бога и пречистыя его матери и великих чюдотворцов,

---

[82] *Испр. Платоновым. В ркп.* ω (*омега*).
[83] *В ркп. надстрочное* т *зачеркнуто.*
[84] *В ркп.* а *переправлено в* т *и над словом поставлено титло.*
[85] *В ркп. исправлено неразборчиво.*
[86] *В ркп. исправлено неразборчиво.*
[87] *Испр. Платоновым. В ркп.* своx.
[88] *Испр. Платоновым. В ркп.* воления.

способников себе не имеет никаго же. Которые его были сынове и богомолцы, той же сан на себе имеют, и те славою мира сего прелестнаго прельстилися, просто рещи, подавилися, и к тем врагом приклонилися, и творя*т* [89] их волю.

А сами наши земледержьцы, яко же и пре*же* [90] рех, землесъедцы, те и давно от него отстали, и ум свой на последнее безумие отдали, и к ним же, ко врагом, пристали, и ко иным к подножию своему припали, и государьское свое прирожение пременили в худое рабское служение, и покорилися, и поклоняются неведомо кому, сами ведаете, и смотря*т* [91] из рук и [92] искверных [92] уст его, что им даст и укажет, яко нищии, у богатаго проклятаго. Иже впереди и мы вам проклятое имя его от бога и от человек вмале объявим. Зде же еще впреди поидем. И тако те наши благороднии зглупали и душами своими пали и пропали навеки, аще от того зла и худа на добро не обратятся. Горши же нам всего учинили, что нас всех выдали, || да не токмо выдали, ино заедино с ними, со враги, л. 382 об.
вооружилися вкупе и хотят нас всех погубити, и веру християньскую искоренити. Аще будет и есть избраннии, сердцем желаннии, по християньстей вере и по всех по нас жалеют и радят, от тех же чинов и боляръских родов, но не могут ничево учинити и не смеют стати, что не с кем поборати, и своего величества отбыти. А им, врагом, ничего не сотворити, понеже силно обовладели, и многих маловременным богатеством и славою прельстили, и иных закормили, и везде свои слухи и доброхоты поистоновили и поизнасадили.

Ина толка у нас ныне по бозе и по пречистей его матери стены и забрала, что он, государь, великий святитель и крепкий заступитель. Аще которою мерою от тех врагов наших что над ним, государем, учинитца и телесне разрешитца, и от света сего прелестнаго в вечныя обители преселится, конечно и вера наша изгубится настоящих [93] наших губителей, аще ваше противление к ним не явится. Аще ли его, государя, от них бог соблюдет и неврежен пожи||вет, тогда бога, и пре- л. 383
чистую его матерь, и великих наших чюдотворцов, и всех свя-

---

[89] *Испр. Платоновым. В ркп.* творя.

[90] *Испр. Платоновым. В ркп.* пре.

[91] *Испр. Платоновым. В ркп.* смотря.

[92-92] *Так в ркп., благодаря ассимиляции конечного* з *предлога и начального* с *прилагательного. Платонов восстанавливает (согласно с орфографией нового времени и по аналогии с предшествующим предлогом) написание* из скверных.

[93] *Очевидно, должно было быть* от настоящих (*см. об этом на стр. 215*).

тых умолит и себя [94] и нас [94] всех спасет, и веру удержит, и врагов победит молитвою [95] своею.

А вы, православнии, не помогаете ему, государю, ни в чем. Говорите усты, а в делех ваших, государь [96] весть, что у вас будет. Паки молю вы с великими слезами и сокрушенным сердцем: «Не нерадите о себе и о всех нас!» Мужайтеся, и вооружайтеся, и совет межу собою чините, како бы нам от тех врагов своих избыти! Время, вре*мя* [97] пришло, во-время дело-подвиг показати и на страсть дерзновение учинити, как вас бог наставит и помощь вам подаст.[98] Прибегнем к богу, и пречистей его матери, и к великим чюдотворцем, и ко всем святым! Припадем к ним с теплою верою, и со умильным сердцем, и з горящими слезами, некли нам милость свою подадут! И препояшемъся оружием телесным же и духовным, сиречь молитвою и постом и всякими добрыми делы, и станем храборъски
л. 383 об. за православную веру и за все великое государство, за || православное християньство, и не подадим того пастыря нашего и учителя и крепкаго поборателя по вере православной и того нашего преславнаго града, иже за всех за нас такоже стоит и сопостата нашего держит. Сами все ведаете, что аще не ныне умрем, всяко умрем. А некли за правду нашу соблюдет ны господь нев*р*едимы,[99] и живы будем от них, врагов своих. Аще ли ныне терпим, время длим, сами от себя за свое нерадение и за недерзновение погибнем.

Что стали, что оплошали, чего ожидаете, и врагов своих на себя попущаете, и злому корению и зелию даете в землю вкоренятися, и паки, аки злому горкому пелыню, распложатися?! Али того ожидаете, чтобы вам сам великий тот столп святыми своими усты изрек и повелел бы вам *на* [100] враги дерзнути и кровопролитие воздвигнути? Сами ведаете, ево то есть дело, что такому повелевати на кровь дерзнути! Ей, ей, никако же такова от него, государя, поущения не будет, понеже и сам он, государь велика разума и смысла и мудра ума, мню, мыслит, чтобы
л. 384 не от него зачалося, а им бы добро сотворилося, || ево бы крепкым стоянием и молитвою к богу, а вашим бы тщанием [1] *и* апол-

---

[94—94] *В ркп. исправление*: и н *написаны поверх букв* по.

[95] *В ркп. было* молитвою, *по последнему* ю *написана первая буква следующего слова.*

[96] *Платонов предполагает* господь.

[97] *Испр. Платоновым. В ркп.* врея.

[98] *В ркп.* поподаст. *Платонов предполагает, что первоначально в ркп. было* подаст, *но переправлено.*

[99] *В ркп. исправлено, было* неведимы.

[100] *Вставлено Платоновым. В ркп. нет.*

II,1—1 *В ркп.* наполчением. *Платонов исправляет* и ополчением.

чением [1] и дерзновением на враги. То вам не весть ли от него, государя, что, аки пастырь добрый, всех нас опасает от тех душепагубных, человекоядных волков и чистыя нашея голубицы не даст им, аки змииными усты, поглотити и погубити, а ожидает с часу на час божия поможения и вашего тщания и дерзновения на них. Аще и без его, государева, словеснаго повеления и ручнаго писания по своей правде дерзнете на них, злых, и добро сотворите и их, врагов, победите, царство от бед свободите, и веру удержите, и его, государя, святителя великаго, и себя и всех [2] нас от них, врагов, избавити, не будет от него на вас клятва и прещение, паче же — велие благословение на вас и на чадех ваших в роды и роды, комуждо до живота его.

Сами вси видите, какое гонение на православную веру и какое утеснение всем православным християном от тех губителей наших и врагов: всегда многим смертное [3] посечение, а иным зелное ранение, а иным грабление, [4] и женам безчестие [5] и насилавание и куплыствуют не по цене, отнима||ют л. 384 об.
силно. И паки не ценою ценят и сребро платят, но с мечем над главою стоят над всяким православным християнином, куплю деющаго, и смертию [6] претят. Нашь же брат, православный християнин, видя свое осиротенение и беззаступление и их, врагов, великое одоление, не смеет ин и уст своих отверсти, бояся смерти, [7] туне живота своего сступается и толко слезами обливается. И уже еще нечего им, врагом, замыслити, и всех нас, православных християн, теснити, и ругатися над нами, [8] и величатися, и смеятися, яко же мы сами видим, замыслили и умыслили во всем великом и силном нашем государстве в ресноту, аки в великом и неудержанном мори. Которая страна и стена имеет двои врата в ряд по себе, и одни врата затворити, и замки закрепити, а другия — бутто ся отворити, да и те в полы. И множественнаго християньскаго народа не теснопроходными и ускими враты проходити, но и широкими не одними, и многими толька так было исходити, понеже божиею было благодатию безчисленно християньска народа распло||дилося и умножилося. Ныне так за грехи всех нас л. 385
умалилося, высечено и выгнано в плен от тех же врагов и губи-

---

[2] *Испр. Платоновым. В ркп.* вех
[3] *В ркп.* смртное *без титла.*
[4] *В ркп. исправление, было* грабленые.
[5] *Испр. Платоновым. В ркп.* безчести.
[6] *В ркп.* смртию, *без титла.*
[7] *Испр. Платоновым. В ркп.* смрерти.
[8] *В ркп.* ними.

телей проклятыя их земли и веры. А аще и умалилося, аще[9] и мало зритца, а еще много соберется, и всегда в тех — теснити, нелепо рещи, аки мышей, давити, и шуму, и виску, и крику быти для того ускаго и нужнаго проеждения и прохождения. И им, самем врагом, вооруженым всяким[10] смертным оружием, обапол тех утесненых врат пешим и на конех готовым стояти, и противу самех вый наших и сердец то свое оружие в руках своих держати, и всем нам живую и явную смерть[11] казати.

То ли вам не весть, то ли вам не повеление, то ли вам не наказание, то ли вам не писание! Ох, ох, увы, увы, горе, горе, люте, люте! И где идем, и камо бежим? Како не восплачемся, како не возрыдаем, како от сердца не воздыхаем, како в перси не бием? Како сами себе презираем и нерадим о себе, видя за великия и безчисленныя грехи наша от саздателя и зижителя
л. 385 об. всех конечное на нас смирение, и *их*,[12] тех врагов, чюжих || и своих, попущение, и всякое от них на себя ругание, и смеяние. А аще и плачем, аще и рыдаем, аще и в перси бием, аще и от сердца воздыхаем, и зелно ему досаждаем, а подвигу и радения не сотворяем, и к богу не прибегаем, и его не умоляем, и над ними, враги, ничего не промышляем, и все в презорство пущаем, и сами в свою землю и веру злое семя вкореняем.

Паки реку, ох, за безчисленныя грехи наша чим нас господь не смиряет, и каких казней не посылает, и кому нами владети не повелевает! Сами видите, кто той есть. Неси[13] человек, и неведо*мо*[14] кто. Ни от царских родов, ни от болярских чинов, ни от иных избранных, ратных голов. Сказывают, от смердовских рабов. Его же, окаяннаго и треклятаго, по его злому делу не достоит его во имя Стратилата, но во имя Пилата назвати, или во имя преподобнаго, но во имя неподобнаго, или во имя страстотерпьца, но во имя землеедца, или во имя святителя, но во имя мучителя, и гоните*ля*,[15] и разорителя, и губителя веры християньския. И по словущему реклу его,
л. 386 такоже не досто||ит его по имяни святого назвати, но по нужнаго прохода людцкаго, Афедронов. Таким именитым государством владеет, аки великим морем, колеблет. Что хощет, то

---

[9] *В ркп.* а еще, *причем первое* е *зачеркнуто. Эта поправка отмечена Платоновым.*

[10] *В ркп. было правильно* всяким, *затем исправлено ошибочно на* всяких. *Платонов восстанавливает правильное* всяким, *не отмечая, что так читалось первоначально и в ркп.*

[11] *В ркп.* смрть, *без титла.*

[12] *Испр. Платоновым. В ркп.* ис.

[13] *В ркп. первоначально было* неси, *затем поверх* е *написан ять.*

[14] *Испр. Платоновым. В ркп.* неведо.

[15] *Испр. Платоновым. В ркп.* гонителе.

творит, а никто ему не возбранит. А сами наши земледержьцы и правители, ныне же, яко же и преже рех, землесъедцы и кривители, те, яко ослепоша или онемотеша. Паче же рещи, не смеют ни един тому *врагу*[16] воспретити и великому государству ни в чем пособити. А инии молчат, и не говорят, и ни в чем ему не претят, понеже с ним же, со врагом, всех нас погубити хотят. И полцы велицы всяких чинов люди за тем врагом ходят[17] и милости и указу от него смотрят. Не токмо простии и неимянитии люди, но и сами болярския и дворянския дети, и сами дворяне, добродродни и изрядни всем, иже иному он, враг креста Христова и всех православных християн, и в подножие ног негожь. И еще же враг и лютый злодей нашь не в свое достояние вниде, аки Ихнилат, в цареву ризницу въеся, казити и губити то великое царское сокровище, от многих лет многими государи-самодержьцы, великими князи и цари || всеа л. 386 об.
Русии собраны и положено. Он же, окаянный, аки вышереченный Ихнилат, во едином часе,[18] или паки не во мнозе времяни, все хощет извести, и расточить, и погубить, и ту цареву ризницу хощет пусту до конца оставити, аки пустую и безделную храмину. А уже и оставил. И ныне те великия сокровища, тяжкоценныя камыки, и портища,[19] и всякия вещи, иже нами неведомы и незнаемы, своими единомысленники разбивает и вещь к вещи прибирает, к тому же злата и сребра и бисерия велия ковчеги насыпает, и к тому прежерече*н*ному[20] сопостату нашему, врагу-королю и похитителю, под оный заступный наш град посылает. А мыслят, окаянныя, то во уме своем: коим божиим промыслом и вашим над ними, над враги, домыслом, что добрая на*м*[21] учинится, и над ними, враги, победа явится, и им, врагом, от нас убежати случится, и им бы у сатаны у своего величества своего не отщетится, и тем бы многочисленным и дорогоценным сокровищем к нему примирится, и смертию бы от него не скончатися, что будет божиею милостию не на их хотении: зде у нас добро || сотворится. И царьство наше от л. 387
них не отстоится, погибнет, кто не восплачется, кто не возрадуется,[22] кто не воздохнет. Не токмо кто от нашия православныя веры и християнска рода православный християнин, мню, о*т*[23] иноверных или от тех же врагов, мало мало кто мякок и

[16] *Испр. Платоновым. В ркп.* вргу.
[17] *Испр. Платоновым. В ркп.* хотят.
[18] *В ркп.* чсе, *без титла.*
[19] *Испр. Платоновым. В ркп.* потрища.
[20] *Испр. Платоновым. В ркп.* прежеречеиному.
[21] *Испр. Платоновым. В ркп.* на.
[22] *Платонов предлагает предположительное чтение* возрыдает.
[23] *Испр. Платоновым. В ркп.* ω (*омега*).

жалостив сердцем, ино и тот, аще не заплачет, и он воздохнет и речет: «Како таковая великая и преславная земля во всех землях стала в разорении, и такое великое царство в запустении, и таковая великая царьская ризница в расточении!»

И вы, православнии, богом почтеннии, умилитеся душею, содрогните[24] сердцем, зряще на себе такия неудобносимыя беды, и скорби, и смерть свою всегда видяще во очех своих и попрание веры нашея православныя! И не давайте сами себя в руки врагом своим! Взяв бога на помощь, и пречистую его матерь, и великих чюдотворцов, и всех святых, дерзайте на врагов своих! Некли господь нашь бог Исус Христос, наказав нас праведным своим гневом, да и помилует и на них, врагов,
л. 387 об. победу даст, и избавит, и спасет || нас от них. А они, злодеи наши и губители, одноличо умышляют на нас. Яко же и прежде рех вам, хотят нас погубити, а оставших в свою волю привести.

А сему бы есте писму верили без всякого сумнения. Яз вам сказываю и пишу,[25] и *а*з их [25]думы и мысли слышечи, помнячи свою православную веру, и не *х*ощу[26] души своей грешной до конца погубити и в геене ею быти. Грехом своим великим и слабостию и славою мира сего прельстился и к ним, ко врагом, прилепился, тако же, яко же и прочая братия наша, для ради суетныя сея славы и тленнаго богатества. Все мы, того ищучи, в том и погибли. Аще бы того не искали, все бы от бога не отпали и душами и телом не пали и не пропали. И ныне аз сусмотрих, что последуючи им, врагом креста Христова и всех нас православных християн губителем, и будучи в их во отпадшей от бога вере, и не отстав от них, быти в геене огненей душею и телом. Явно мне не мощно от них *от*стати[27] и вам про се[28] сказати.
л. 388 Или бы единому кому от вас || втайне рещи боюся: некли тот человек умом своим поползнется, и не утерпит, и вам скажет имя мое, и от вас разнесется, и до них, врагов и губителей християнских, донесется. Тогда мя взяв, злой смерти предадут. Аз же у них ныне зело пожалован.[29] Сами ведаете, что все мы смерти боимся. А се тако же имею[30] жену и дети, яко же и вы. Аще мне самому случится умрети, вестно, и на господа надежда, что не умрети, но ожити за ту правду, ино жена и дети осиротити, меж двор пустити или, будет всего того горши,

---

[24] *Так в ркп. Может быть*, содрогнитеся (*см. об этом* на стр. 215).
[25–25] *Испр. Платоновым. В ркп.* изих.
[26] *Испр. Платоновым. В ркп.* лощу.
[27] *Испр. Платоновым. В ркп.* остати.
[28] *Так в ркп. Платонов предлагает предположительное чтение* себя.
[29] *Испр. Платоновым. В ркп.* пожаловано.
[30] *В ркп.* имиею (? *неразб.*).

на позор дати. А вам будет, православнии, в те поры ничего не учинити, понеже ныне врагов воля и сила стала. Для ради того явно вам сам не дръзну сказати, от них отстати: сего ради писмом вам потрудихся [31] написати. Аще господь помилует всех нас, и избавит нас от тех наших видимых врагов, и живи будем все, тогда явно вам будет и про нас, про грешных. Аще будет вам и молвити, что и яз вам ныне враг и наветник, ино господь зрит тайная моя, что с вами [32] же хощу душу свою положити за православную веру || и за святыя божия л. 388 об.
церкви. А ныне, яко же и выше рех, нужда ради не отстану от них.

И кто сие писмо возмет и прочтет, и он бы ево не таил, давал бы, разсмотряючи и ведаючи, своей братие, православным християном, прочитати вкратце, которыя за православную веру умрети хотят, чтобы им было ведомо, а не тайно, а не тем, которыя были наша же братия, православныя християне, а ныне всею душею, без раскаяния, отвратилися от християнства, и во враги нам претворилися, и с ними, со враги, соединилися, и вкупе с ними вооружилися, и хотят нас до конца погубити, — тем бы есте отнюд не сказывали и не давали прочитати. Буди же вам всем, доброхотящим Росийскому царству, милость божия и помощь и пречистыя богородица, и великих чюдотворцов, иже у нас в Троице преимянитых,[33] и всех святых! Аминь.

---

[31] *В ркп. исправление. Было* подрудихся (*неразб.*).
[32] *В ркп. буква* в *неразб.*
[33] *В ркп. на месте буквы* ы *неразборчивое исправление.*

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Текст «Новой повести о преславном Росийском царстве и великом государстве Московском» сохранился в сложном по составу сборнике из собрания бывшей Московской духовной академии, № 10 (175; ныне хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина) и помещен на лл. 369—388 об. В рукопись, форматом в четверку, входят статьи, написанные (большей частью на отдельных тетрадях) полууставом и скорописью XVI и XVII вв. на 561 лл. и объединенные поздним (XVIII в.) картонным переплетом, покрытым кожей. (На сгибе переплета свободно выделяется четыре до того, возможно, самостоятельно существовавших крупных части, переложенные, как правило, чистыми листами бумаги и отличающиеся меж собой по содержанию, почеркам, бумаге, филиграням).

По определению архим. Леонида, указанный сборник состоит из статей канонического, полемического и исторического содержания; сохранившееся заглавие «Сказание вкратце о ересях латинских» относится лишь к содержанию 14 глав.[1] Однако сборник и во всем своем составе характеризуется определенным подбором материала, связанного с темой защиты православия от латинских ересей. Поэтому вряд ли случайно в него включены историко-публицистические повести о борьбе с польско-литовской интервенцией начала XVII в., которая изображалась как борьба «православной христианской веры» с «безбожным латинством».

В сборнике преобладают статьи, написанные полууставом XVII в. (лл. 1—323 об. и лл. 425—561) и освещающие церковную историю, различные вопросы православия, обязанности христианина, православных властителей, царей и духовенства, еретические течения.

Особый интерес представляет вторая часть сборника (1 л. чистый вначале, лл. 324—422 и 2 лл. чистых в конце), все произведения которой каким-то образом связываются с Троице-Сергиевым монастырем. Каждое из произведений этой части написано скорописью XVII в. на отдельной тетради (первые и последние листы их бумажных обложек несколько загрязнены). Возможно, что эти тетради предварительно были объединены в тематический сборник еще в XVII в. Содержанием первой из них являются так называемые первые шесть глав «Сказания» Авраамия Палицына — «История в память сущим предъидущим родом. . .» (1 л. чистый, лл. 324—368 и 1 л. чистый в конце), вошедшие в сборник как история о божественном гневе, разразившемся над людьми по предсказанию препо-

---

[1] Сборник описан архимандритом Леонидом в его работе «Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троице-Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году» (ЧОИДР, кн. III, 1884, стр. 182).

добного Сергия Радонежского. В третьей тетради (лл. 389—422 и 2 лл. чистых в конце) единым почерком подряд переписаны челобитная старца Троице-Сергиева монастыря Арсения Глухого и «Утешительное послание» Авраамия Палицына архимандриту того же монастыря Дионисию (лл.389—422). «Новая повесть» помещена среди этих тетрадей (на лл. 369—388 об., 1 л. в начале и 3 лл. в конце чистые) непосредственно за «Сказанием» А. Палицына, «Историей» «. . .киих ради грех попусти господь бог нашь праведное свое наказание и от конец до конец всея Росия. . .», очевидно, как «новая повесть» «о новых» «страстотерпцах» за православие и «о новых изменниках», «мучителях», «гонителях» и «разорителях» «веры християнские» (среди «гонителей» в заглавии поименован только Ф. Андронов, ко времени составления списка уже казненный). В заглавии, приписанном не позднее времени составления списка «Новой повести», очевидно, подчеркнута связь с предшествующим произведением.

Списки произведений, непосредственно окружающих «Новую повесть», по почерку и филиграням близки ей по времени. Список первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына датируется 20—30-ми годами XVII в. и, возможно, даже переписан тем же почерком, что и «Новая повесть».[2] Это еще раз подтверждает возможность существования сборника названных произведений уже в XVII в.

Тематическое единство этого сборника произведений, связанных с Троице-Сергиевым монастырем, поддерживается в «Новой повести» дважды повторяющейся в начале и конце ее фразой: «. . . иже у нас в Троице преименитых» (лл. 369 и 388 об.). Возможно, что включение «Новой повести» в состав «троицкого» сборника подкрепляет предположение, что в ее авторе составители сборника видели человека, связанного с Троице-Сергиевым монастырем.

Рукопись «Новой повести» написана почерком профессионального писца 30—40-х годов XVII в. По водяным знакам, сходным с филигранями из альбома Н. П. Лихачева № 3327 (соответствует 1601 г.) и № 4125 (из документа 1606 г.) и еще ближе со знаками, помещенными у Черчилля (Watermarks in paper by W. A. Churchill. Amsterdam, 1935) под № 460 (относящийся к 1611 г.), бумага рукописи предположительно датируется первой четвертью XVII в.

Сохранившийся список «Новой повести» представляет собой копию, возможно, даже не первую, с оригинала памятника. Об этом свидетельствуют ошибки переписчика, в отдельных случаях исправленные им. Поправки сделаны чаще той же рукой, например, л. 383: «. . . и себя (по) и нас», «молитвою (ю) своею», «. . . помощь вам (по) подаст»; л. 383 об. «неведимы» переправлено в «невредимы» и др. Но встречаются и поздние правки, внесенные почерком XIX—XX вв., типа надписи «мъ» на л. 372: «на(мъ) годѣ».[3] Большая часть ошибок представляет пропуск букв. Например, в одном и том же слове «множественный» писцом пропущена то одна, то другая буква: на л. 379 — «множесвенному», на л. 380 — «множестеннаго». Пропуски букв дали написания: «дконца» (л. 370, вместо «до конца»), «сопстата» (л. 370 об.), «трпят (л. 369 об.), «корль» (л. 372 об.), «изядну»

[2] «Сказание» Авраамия Палицына. 1955, стр. 71.

[3] Этим же почерком на полях рукописи сделаны многочисленные надписи, пометки (на лл. 373, 377, 377 об., 378 об., 379, 385 об., 386), подчеркивания в тексте. Пометки чаще всего разъяснительного характера: о ком или о чем идет речь в тексте (о Федоре Андронове) или какие материалы следует привлечь для исторического комментария к данному месту (указаны страницы из Маскевича). В приведенных примерах поправки переписчика даны нами в круглых скобках.

(л. 372 об., вместо «изрядну»), «в виньском» (л. 377 об., вместо «в воиньском») и др. Иногда пропущенным оказывается слог: «супост» (л. 378) вместо «супостат», «непокобимый» (л. 379) вместо «непоколебимый» и т. п.

Очевидно, в оригинале, с которого списан текст, широко использовались выносные буквы, отсюда ряд ошибок у данного писца, который то совсем пропускал их, то неверно раскрывал. Так возникли, например, написания: «ощетили» (л. 369) при правильном — «отщетил» (л. 380 об.), «хощет поя. . . невесту», вместо «пояти» (л. 372 об.), «и на сына дати», вместо «и нам сына дати» (л. 378 об.), «яко же и пре рех», вместо «яко же и преже рех» (л. 382), «всяких [4] смертным оружием», вместо «всяким смертным. . .» (л. 385), «неведо кто», вместо «неведомо кто» (л. 385 об.).

Переписчик, как видно, плохо справлялся не только с чтением выносных букв оригинала повести.[5] Иногда он, пропустив слово, начинал писать следующее за ним, затем замечал ошибку и, не зачеркнув начатого слова, возвращался к предыдущему. Так, видимо, получилось чтение: «славу по и похвалу» (л. 369 об.) вместо «славу и похвалу». Или, начав повторять уже написанное, бросал и шел дальше, например, «над на теми враги», вместо «над теми. . .» (л. 376).

Есть неверные чтения, которые получились от неправильного слияния двух слов: «тако же и онъо» (конец л. 372). В оригинале дальше шло слово «окаянный», очевидно, писец начал его писать, слив с предыдущим, но места не хватило, и он перешел на оборот листа, не зачеркнув начального «о» На л. 373 об. читаем: «. . . иго, злодея нашего, злым умышлением» вместо «и его»; на л. 376 об. — «. . . тщитеся на враги своя, како бых победити», вместо «. . . како б (или — бы) их победити»; на л. 378—«умышлению и добрахотени ему, злодею», вместо «. . . и добрахотению ему. . .»; на л. 379 — «и аки змиих своих уст изрек», вместо «аки змий, из своих уст.»; на л. 380 об. «пожне ему не дано», вместо «понеже ему не дано» и т. п.

Иногда в спешке неверно написаны отдельные буквы (описки), например: на л. 373 — «православнья верь», вместо «православныя веры»; на л. 384 — «наполчением», вместо «и аполчением» (т. е. «ополчением»; случаев «аканья» в списке немало); на л. 387 об. — «лощу», вместо «хощу» и т. д.

Встречаются случаи двойного написания букв, слогов или целых слов («землеземлесъѣдцы» — л. 374; «хощет хощет» — л. 377 об.). Все эти ошибки подтверждают, что данная рукопись «Новой повести» — не оригинал, а один из списков.

Однако если почти все перечисленные ошибки рукописи могли бы быть отнесены и к числу допущенных самим автором, то в отношении ряда ошибок подобное предположение невозможно: они обнаруживают явное непонимание смысла переписываемого. Последнее дает нам право считать, что рукопись «Новой повести» представляет собою копию. Многие из таких смысловых искажений возникли в результате неправильного раскрытия переписчиком сокращений или внесения в текст выносных букв. Основываясь на этих несомненных ошибках писца, предлагаем исправить следующие чтения, воспроизведенные в издании С. Ф. Платонова без поправок.

Л. 369. В заглавии — несогласованные определения «Ондронова с товарыщи» — «о новых измениках и мучителей и гонителей и разорителей

---

[4] В рукописи «х» в слове «всяких» переправлено на «м» самим переписчиком.

[5] Часто переписчик забывал ставить титла, сокращая слова, а иногда сохранял лишние титла, уже раскрыв полное написание слова (л. 374 «оставший», л. 375 «воистину», л. 382 «богомолцы»).

«Новая повесть о преславном Росийском царстве» (начало).

Список ГБЛ, собр. Моск. духовн. акад., № 175, XVII в., л. 369.

и губителей веры християнские» читать, заменив «й» в конце слов на «х», так как выносное «х» легко могло быть принято при невнимательной переписке за «й».

Л. 370. «Да и самого того короля. . . и его способников. . . и Соторитель нас всех еще удивили и ужасали еще и до самого их злокозненаго и злоестественаго сердца им досадил, понеже у них многих доброхотных их, а наших врагов, перерубили и перегубили и позорныя смерти многим давали». Эта фраза представляет наиболее трудно понимаемое место текста. Из-за сложности построения фразы произвести исправление ее, которое было бы до конца убедительным, трудно. Ввиду этого предполагаем вариант исправления, не менее обоснованный, чем предложенная С. Ф. Платоновым поправка к тексту.

С. Ф. Платонов предлагает переставить слово «Сотворитель», отнеся его к сказуемому «досадил», т. е. читать: «. . . еще удивили и ужасали. И Сотворитель нас всех еще и до самого. . . досадил».[6] При такой сложной перестройке всей фразы отрывается ее конец, начинающийся с «понеже». К тому же в данном отрывке речь идет о том, что сделали с королем и его «способниками» смольняне, т. е. сказуемые ожидаются во множественном числе, как они и поставлены, кроме «досадил». В слове «досадил» «л» выносное, и слово вполне может быть прочтено как «досадили». Самое словосочетание «Сотворитель. . . досадил» представляется нам невозможным — «досадить» может человек, но применить этот глагол для определения действий «Сотворителя нас всех», т. е. божества, автор XVII в. не мог. Очевидно, и слово «Сотворитель» в данном случае писец воспроизвел неверно: он не только пропустил в нем «в» («Соторитель»), но и конечное выносное «л» раскрыл неправильно, поставив после него «ь» вместо «я». В этой длинной, в соответствии с манерой автора, фразе речь идет о том, что защитники Смоленска «удивили» короля, его «способников» и «Сотворителя нас всех» и врагам «до самого их злокозненаго и злоестественаго сердца им досадили» и т. п. Во всяком случае, глаголы «удивили», «ужасали» и «досадили» должны быть согласованы в числе. Автор чрезвычайно склонен к глагольной рифме, опирающейся на синтаксическое построение, и примеров ее нарушения, введения несогласования подобного рода в тексте «Новой повести» нет. Словосочетание «Сотворитель нас всех» — обычное в языке автора: «пред Сотворшим вся» (л. 371 об.), «от Сотворителя всех» (л. 372 об.), «от Сотворшаго вся» (л. 380 об.), «на Сотворшаго вся» (л. 381 об.) так же и — «от Саздателя и зижителя всех» (л. 385).

Л. 371. «. . . Ветвь от него (Владислава, — *Н. Д.*) отвратити, и водою и духом совершенно освятитися, и на высоком и преславном месте посадити. . .» Строй фразы делает лишним «ся» в глаголе «освятитися». Не требуется здесь и предлагаемой С. Ф. Платоновым поправки «освятити ся».[7]

Л. 373 об. «. . . Но всемилостивый владыко еще на нас, грешных. . . призирает, и мысль их и совет разает», — возможно, «разоряет».

Л. 374 об. «. . .И нас всех укрепляет и поучет» — «. . .поучает». Нарушена рифма, присущая автору.

Л. 376. «. . .Живущих в них всех крепит и учит, и умными их в погибельный ров впасти не велит». Очевидно, следует читать «. . .и умным их», раскрыв выносное «м» без добавления «и»: ср. ниже, л. 379 об.: «и умных их во веки не пленил».

Лл. 377 об.—378 «. . . Хощет сына своего нам дати, по здешним его, злодея, злодеев наших, а его доброхотов, по прежереченных онех изменников. . .» Очевидно, «здешний», как и «прежереченных» одинаково отно-

---

[6] РИБ, т. XIII, стлб. 190, прим. 4.

[7] См.: РИБ, т. XIII, стлб. 191, прим. 3.

сится к родительному падежу «злодеев», «изменников», поэтому читать следует: «. . . по здешних его злодея, злодеев. . .», т. е., как на л. 385 (в данном случае спутаны выносные «х» и «м»).

Л. 382 об. «Конечно и вера наша изгубится настоящих наших губителей». Очевидно, пропущено «от»: «. . .изгубится от настоящих». В рукописи над «н», следующим за «от», — крупная точка: возможно, писец заметил пропуск «от», но затем забыл его вставить.

Л. 384 об. «И всех нас, православных християн, теснити и ругатися над ними и величатися и смеятися». Следует: «. . .ругатися над нами».

Л. 387. «Умилитеся душею, содрогните сердцем». Очевидно, пропущено выносное «с» над словом «содрогните», которое следует читать «содрогнитеся», с правильно идущим за ним творительным падежом.

Кроме того, возможно, следовало бы исправить:

Л. 369 об. Вместо «ни на которую меру не поползнутся и никакову их вражию прелесть» — «ни на какову их».

Л. 373. «. . . и инии не сын человецы не по своему достоинству саны чесны достигнути». Может быть, вместо «не сын» — «неции» или «несыти».

* * *

«Новая повесть о преславном Росийском царстве и великом государстве Московском» издана в XIII томе «Русской исторической библиотеки» под редакцией С. Ф. Платонова (изд. 1-е, СПб., 1892; изд. 2-е, СПб., 1909; изд. 3-е, исправленное по рукописи, Л., 1925).

Остальные издания текста «Новой повести» воспроизводят издание С. Ф. Платонова, не обращаясь к рукописи и допуская сокращения. Такой тип изданий с сокращениями характерен для «Хрестоматии по древней русской литературе XI—XVII вв.», составленной Н. К. Гудзием. Все издания этой «Хрестоматии», вплоть до шестого, «исправленного», вышедшего в 1955 г., дают текст «Новой повести» по изданию С. Ф. Платонова 1909 г., хотя в издании 1925 г. ряд ошибок, допущенных в предыдущем издании, был исправлен при сверке с рукописью.

С небольшим сокращением и без сверки с рукописным текстом издана «Новая повесть» Н. И. Тотубалиным в книге: Русская повесть XVII века. Гослитиздат, 1954. Текст (дан на стр. 9—28, а перевод — на стр. 169—189) воспроизведен по РИБ (т. XIII, изд. 3-е, Л., 1925).

В 1958 г. появился опыт издания текста «Новой повести», разбитого (выборочно) на рифмованные и ритмические строки, принадлежащий А. А. Назаревскому (см.: Назаревский. Очерки, стр. 158—183). Текст также публикуется без сверки с рукописью (по отдельному оттиску (СПб., 1907 г.) из т. XIII РИБ).

Приступая к изданию «Новой повести», С. Ф. Платонов подал записку о принципах, которым он намеревался следовать при воспроизведении памятника. Эта записка была принята за основу на заседании Археографической комиссии. Правила орфографии приспособлялись к нормам XIX в., титла раскрывались, ѡ заменялось «о».

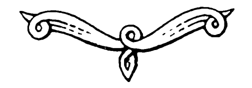
С. Ф. Платонов предполагал: 1) вставить в текст недостающие в рукописи буквы, взяв их в круглые скобки, например: святейшаг(о), кор(о)ль, д(о)конца, раз(ъ)ехались и т. п.; 2) поставить описки в квадратных скобках, вроде: ѡнъ[ѡ] каянный (л. 372 об.); 3) устранить явные ошибки, допущенные при письме: на л. 376 об. «како быхъ побѣдити» заменить на «како бъ их побѣдити»; на л. 379 «аки змиихъ своих устъ изрекъ» — «аки зми(и) изъ своихъ устъ изрекъ»; 4) пропуски слов в тексте (смысловые) оговорить в примечании (на л. 369 «во отпадшую ихъ вѣру не уклонимся»); 5) испорченные места воспроизвести слово в слово, отметив возможные

толкования в подстрочных примечаниях (на лл. 370, 372 об., 377 об., 381) и др.[8]

Следуя этим принципам, С. Ф. Платонов в издании 1909 г.[9] согласовал употребление «ять» — «е», «и» — «і», «ъ» в конце и в середине слов с орфографической системой конца XIX—начала XX в. В рукописи «ъ» в конце слова после согласной то ставится, то пропускается, но издание всюду помещает его, последовательно добавляя его и при переносе в строку выносных букв. Зато «ъ», употребляемый иногда в рукописи в середине слова после согласных, в издании опускается. Но если писец пропустил «ъ» в середине слова перед гласным, издание его восстанавливает.

За вычетом этих отступлений от оригинала, целиком опирающихся на грамматическую систему, современную изданию, рукопись воспроизводится точно. Количество ошибок, общих изданиям 1909 и 1925 гг.[10] (сводящихся частично к опечаткам, частично — к неверным прочтениям) — незначительно.

Нами тексты повести и грамот публикуются согласно принципам, утвержденным в Секторе древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.[11]



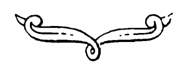
[8] С. Ф. Платонов. Записка о неизвестной исторической повести касательно Смутного времени. Летопись занятий Археографической комиссии (1885—1887), вып. X, СПб., 1895, отд. IV, Выписка из протоколов заседаний Археографической комиссии за 1885—1887 годы, стр. 28.

[9] Даем характеристику издания 1909 г., так как до 1955 г. именно это издание воспроизведено в широко распространенной «Хрестоматии», составленной Н. К. Гудзием, и других работах.

[10] В 3-м издании С. Ф. Платоновым «Новой повести» (РИБ, изд. 3-е, Л., 1925) правила издания сохранились те же: за счет повторной сверки текста с рукописью количество ошибок в этом издании сократилось.

[11] Р. П. Дмитриева. Проект серии монографических исследований — изданий памятников древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. XI, стр. 491—499. Исправления в тексте выделены курсивом. Буква «ѣ» заменена «е», «юс» малый — «я», «і» и «ї» заменяется «и», «фита» — «ф», «кси» — «кс», «омега» — «о», «оу» — «у»; «ъ» и «ь» в середине слова сохранены (в тексте «Новой повести» «ь» сохранен в конце слов). Титла раскрыты соответственно написанию, принятому писцами. Буквы-цифры переданы арабскими цифрами. Пунктуация современная. — За помощь в работе над публикуемыми рукописями глубоко признательна В. И. Малышеву, И. М. Кудрявцеву, С. Н. Валку.

ПРИЛОЖЕНИЯ



«ОТПИСКА» ЖИТЕЛЕЙ ОСАЖДЕННОГО СМОЛЕНСКА СМОЛЬНЯНАМ, НАХОДЯЩИМСЯ В МОСКВЕ И В ПОЛКАХ М. В. СКОПИНА-ШУЙСКОГО. КОНЕЦ СЕНТЯБРЯ 1609 г.[1]

Господам города Смоленска, голове стрелетцкому Федору Михайловичю, и дворяном, и детем боярским, и стрельцом, и всем служилым людем Смоленска города из Смоленска земские старостишки, Лучка Горбачов да Юшка Огопянов, и все посадцкие люди, и пушкари, и воротники, и стрельцы, и затинщики, от мала и до велика, челом бьют.

В нынешнем во 118 году сентября в 16 день пришол под Смоленеск литовской король со многими с литовскими и с неметцкими людьми. И мы, для королевского приходу, посады все выжгли, а сели в осаде в городе. А литовской король с воинскими людьми к городу приступали великими приступы, и Днепровской мост весь выжгли, и по городу из снаряду бьют безпрестанно и огнянными пушками. И листы от короля и от панов к нам присланы, чтоб нам быти под королевскою рукою.

А Смоленсково, господа, уезда ваши жены и дети в осаду в город приехали со всем осадным запасом до королевского приходу здорово.

И вам бы, господа, как даст бог победу на врагов государю нашему царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии, государю б об нас бити челом и самим бы вам вскоре к нам ехати. И литовским бы людем жон своих и детей и всего православного хрестьянства не выдати.

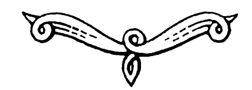
---

[1] *Публикуется по рукописи из собрания ЛОИИ, коллекция С. В. Соловьева, № 371 (см.: М. Г. Курдюмов. Описание актов, хранящихся в Археографической комиссии. Коллекции. Пгр., 1923, стр. 53. — Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 год, вып. 31).*

А мы здесь, в Смоленску, с служилыми людьми и со всеми православными крестьяны обещались господу богу и пречистой богородицы, и к угодникам ее Меркурью и Аврамью и Офрему, и всем святым, что нам за дом пречистые богородицы, и за государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии, за ево крестное целование, и за ваши жены и дети, и за все православное крестьянство в дому у пречистой богородицы помереть, и города не здать, и литовскому королю не поклонитьца.

А где ся отписка придет к Москве, и вам бы сослать сее отписку в полки, ко князю Михайлу Васильевичю, к смольняном. А будет придет в полки, и вам бы послать к Москве, к смольняном же, чтобы всему городу Смоленску дворяном и детем боярским было ведомо. А мы вам, господам своим, много
Кон. стлб челом бьем. ‖ [2]

На обороте надпись: Господам, голове стрелецкому Федору Михайловичю и города Смоленска дворяном, и детем боярским, и стрельцом, и всяким служивым людем. *Там же помета*: przełożono *и черновосковая печать*.



[2] *Здесь и в публикуемых ниже грамотах два вертикальных штриха обозначают места разрезов, сделанных Строевым при подшивке и переплете рукописей, или конец столбца. На полях конец столбца обозначается* — кон. стлб., *разрез и разрез по месту бывшей склейки листов — соответственно*: разрез *и* разрез по скл.

«ОТПИСКА» ИЗ ВЯТКИ В ПЕРМЬ С ПРИЛОЖЕНИЕМ КАЗАНСКОЙ «ОТПИСКИ» И КРЕСТОЦЕЛОВАЛЬНОЙ ЗАПИСИ. ЯНВАРЬ 1611 г.[1]

Вятская «отписка» в Пермь[2]

Господам Ивану Ивановичю, Пятому Фалелеевичю и Перми Великой посадцким и волостным старостам, и целовальником, и посадцким людем, и волостным крестьяном Дмитрей Пушечников, Иван Поздеев и Вяцких всех городов и уездов старосты, и целовальники, и посадцкие люди, и волостные крестьяне челом бьют.

В нынешнем, господа, в 119 году генваря в 19 день писали к нам ис Казани бояря и воеводы Василей Петрович Морозов, Богдан Яковлевич Бельской да дьяки Никонор Шульгин да Степан Дичков и головы, и дворяне, и дети боярские, и сотники, и стрельцы, и пушкари, и всякие казанские служилые и жилецкие люди, что генваря в 9 день целовали они, бояре и воеводы, и дияки, и вся земля Казанского государьства, крест государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии. А по которой записи они крест целовали, и с тое записи прислан к нам список. И нам бы, всяким людем, потому же государю крест целовати. И мы, всех вяцких городов всякие люди, по той записи государю царю и великому князю Дмитрею Ивановииччю всеа Русии крест целовали. Разрез по скл.

А како грамоту и целовальную запись к нам ис Казани бояря, и воеводы, и дияки и всего Казанского государьства

---

[1] *Публикуются по рукописям из собр. ЛОИИ, К. 122, Соликамские акты, т. I (1606—1612 гг.), столбцы №№ 323—325 (см.: М. Г. Курдюмов. Описание актов, хранящихся в архиве Археографической комиссии. 1. Акты Кунгурские. 2. Акты Соликамские (описи №№ 75 и 122). СПб., 1909, стр. 97. (В дальнейшем — Курдюмов. Акты Соликамские).*

[2] *ЛОИИ, К. 122, Соликамские акты, т. I, стлб. № 325.*

прислали, и мы с тое грамоты и с целовальные записи списки послали к вам с вятчанином с Гришею Щулеповым. И вам бы, господине, того вятчанина Гришку отпустить к нам на Вятку, не издержав, и что у вас каких вестей и вам бы к нам с ним
Разрез о всем отписати подлинно. ||

На обороте надпись: Господам Ивану Ивановичю, Пятому Фалелеевичю и Пермской земли старостам, и целовальником, и всяким жилецким людем; *затем помета о получении грамоты*: 119 февраля в 15 день привез грамоту вятченин Гриша Щулепов.

Казанская «отписка» в Вятку[3]

Список з грамоты

Господам Дмитрею Юрьевичю да Ивану Поздееву, и головам, и дворяном, и детем боярским, и сотником, и стрельцом, и пушкарем, и всяким вятцким служылым и жылецким людем Василей Морозов, Богдан Бельской, Никонор Шульгин, Степан Дичков, и головы, и дворяне, и дети боярские, и сотники, и стрельцы, и пушкари, и всякие казанские служылые и жылецкие люди челом бьют.

Генваря в 9 день целовали мы и вся земля Казанского государьства крест государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии на том, что нам ему, государю своему, служыти и прямити[а] во всем.

А нынешнего 119 году генваря в 7 день приехал с Москвы дьяк Офонасей Овдокимов и сказывал митрополиту и нам: «На Москве боярин князь Федор Иванович Мъстисловской, князь Иван Васильевич Голицын с товарыщи, а владеют всем боярин Михайло Глебович Салтыков, Федор Ондронов. Да з бояры ж сидит и владеет пан Александр Гасевский, а называют его старостою московским. И в Стрелецком приказе ведает он же. А приходят к нему дьяки з доклады вверх и к нему на двор, а стоит он в Кремли-городе на Борисовском дворе Федоровича Годунова. И иные литовские люди в Кремли
Разрез по скл. и в Китае и Большом Каменном городе по бояръ||ским и по дворянским и торговых людей на дворех стоят многие. А тех людей с их дворов ссылали ис Китая за Деревянной город.

И наряд з Деревянного города и с Каменного Большего города сымали, ис-под навесу от Земского двора имали. А велели литовские люди волочити наряд в Кремль-город и ста-

---

[3] *ЛОИИ, К. 122. Соликамские акты, т. I, стлб. № 324.*
[а] *В ркп.* прямяти. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 170-I.*

вили в городе против ворот и по всем воротам. И в Кремли, и в Китае, и в Большом Каменном городе по воротам стоят литовские люди и ночи. И в Большом Каменном городе по площади и по улицам ездят на конех литовские люди, а руским людем по утру рано и в вечере поздо ходить не велят.

И стрельцов осми человек на Неглинне побитых нашли и привезли в город. А хто их побил, того он, Офонасей, не ведает, а говорят на литовских людей.

И перед Николиным днем, в пятницу, в вечеру, к патреярху на двор приходили боярин Михайло Салтыков да Федор Ондронов, а говорили о том, чтоб их и всех православных крестьян благословил крест целовати королю. А на утрее того приходили о том же боярин князь Федор Иванович Мьстисловской да они ж Михайло да Федор. И патреярх им отказал, что он их и всех православных крестьян королю креста целовати не благословляет. И у них-де о том с патреярхом и брань была, и патреярха хотели за то зарезати.

И посылал патреярх по сотням, к гостям и х торговым людям, чтоб были они к нему в со||борьную церковь. И гости и торговые и всякие люди, пришед в соборною церковь, отказали, что им королю креста не цаловати.[б] А литовские люди к соборной церкви в те поры приежали ж, на конех и во всей збруе. И они литовским людем отказали ж, что им креста королю не целовати.[в] И о том московские люди, что их заставливают королю крест целовать, скорбят. Разрез по скл.

А бояря, князь Ондрей Васильевич Голицын да князь Иван Михайлович Воротынской, за приставы, а жывут на своих дворех. А приставлены у них литовские люди. А боярин князь Василей Васильевич Голицын с товарыщи, которые посланы х королю просити королевича, стоят под Смоленским. А было им скорьбно, а королевича под Смоленским нет. А сказывают, что в Литве.

А по приказом бояря и дьяки в приказех не сидят. И в торгу гости и торговые люди в рядех, от литовских людей, после[г] стола не сидят.

И вам бы, господа, и всяким вятцким людем по тому ж государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии || крест целовати и быть в соединение. И стати бы, господа, нам, православным крестьяном, за истинную православную Христову веру всем единодушно, чтоб нам, право- Разрез по скл.

[б] *В ркп.* цавати. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 170-I.*
[в] *В ркп.* цевати. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 170-I.*
[г] *Так в ркп.*

славным крестьяном, не отдатись и православные крестьянские веры в злую и в проклятую латинскую веру.

И в вятцкие б городы вам, против сее отписки, подълино о всем отписати и человальные записи к ним послать, чтобы они по тому ж государю крест человали. А что, господа, у вас на Вятке учнет делатьца, и вам бы о том к нам отписати. А по которым запысам крест целовали, им [д] с тое записи [е] послати к нам [е] список под сею грамотою. А как вы по той записи крест поцелуете, и вам бы о том к нам отписати.

А которые, господа, у вас на Вятке [ж] денежные зборы, и вам бы тех денежных зборов к Москве, по московским грамотам, не отпущати, а держати [з] их в государеве цареве и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии казне до ево государева указу.

[и]А с сею,[и] господа, отпискую мы послали к вам сына боярсково Смирново Ондреянова, да казанских стрельцов Фетку Федорова сына Лаишевца да Максимка Микитина Казанца, да посадцково человека Богдана Белозерца, да вятченина Калину Третьякова сына Балезина. И вам бы их к нам отпустити и

Разрез по скл. о всем подлинно отписати не издержав. ||

Крестоцеловальная запись [4]

Целую крест государю своему царю и великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии на том, что нам ему, государю своему, вовеки служити и прямити и добра хотети во всем, как и прироженным государем царем и великим князем всеа Русии. А лиха ему, государю своему, нам не хотети, ни мыслити, ни думати; иново никово из Московсково государьства, и короля, и королевича, опричь государя царя и великово князя Дмитрея Ивановича всеа Русии, не хотети, по сему крестному целованью.

И от литовских людей нам никаких указов не слушати, и с ними не сылатися, и против их стояти и битись до смерти. А ждати нам указов о всем от государя своего царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии ис Колуги.

И промеж себя нам, бояром, и дияком, и головам, и дворяном, и детем боярьским, и сотником, и стрельцом, и посад-

---

[4] *ЛОИИ, К. 122. Соликамские акты, т. I, стлб. № 323.*

[д] *Так в ркп. В ААЭ, т. 2, № 170-I испр.* и мы.

[е—е] *Так в ркп. В ААЭ, т. 2, № 170-I испр.* послали к вам.

[ж] *В ркп.* Лятке. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 170-*I.

[з] *В ркп.* дежати. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 170-I.*

[и—и] *В ркп.* А сею. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 170-I.*

цким всяким людем, друг друга не убивати, и не грабити, и никому [а] лиха не хотети. А у ково услышу какое дурно, и совет, и скоп, и заговор, и нам того человека поимати и привести перед бояр и воевод и перед дияков, и стояти нам на того человека лихо || во всем с одного. А хто ково по недружбе убьет, и нам тово [б] человека сыскати всею землею и привести потому же перед бояр и воевод и перед дияков. Разрез по скл.

И стрельцов нам по пригородком, человек по сту и по двести, не росылати. А слушати нам во всем бояр и воевод, Василья Петровича Морозова, Богдана Яковлевича Бельскова, да дияков, Никонура Шульгина да Степана Дичкова, до государева указу. А нам, бояром и воеводам и дияком, о всем делати вправду. А казаков [в] нам волских, и донских, и терских, и яицких, и астороханских стрельцов в город многих людей не пущати и их указов не слушати же. А пущати казаков в город для торговьли не помногу, десятка по два или по три, и долго им в городе не жити.

Яз (имя рек) целую сей святый животворящий крест господень на том на всем, как в сей записе писано. || Кон. стлб. или разрез (?)

[а] *В ркп.* никому, *испр. из* ни на кому.
[б] *В ркп.* и тово. *Испр. по ААЭ*, т. *2*, *№ 170-II*.
[в] *В ркп.* у казаков. *Испр. по ААЭ*, *т. 2*, *№ 170-II*.

«ОТПИСКА» ИЗ НИЖНЕГО НОВГОРОДА В ВОЛОГДУ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ВОЗЗВАНИЯ МОСКВИЧЕЙ, «СМОЛЕНСКОЙ» «ГРАМОТКИ» И ГРАМОТЫ ИЗ РЯЗАНИ В НИЖНИЙ НОВГОРОД. ФЕВРАЛЬ 1611 г.[1]

Нижегородская «отписка» в Вологду[2]

Список з грамоты на Вологду

Господам преосвященому архиепискупу,[а] архимаритом, и игуменом, и протопопом, и всему освященому собору, и воеводом, и дияком, и дворяном, и детем боярским, и земским ста||ростам, и целовальником, и всем посадцким людем, и всяким служилым и жилецким людем — Нижнева Новагорода архимариты, и игумены, и протопопы, и попы, и весь освященый собор, и воеводы, и дьяки, и дворяне, и дети боярские Нижнево Новагорода и розных городов, и Нижнева Новагорода головы литовские и стреляцкия и казачьи, и литва, и немцы, и земские старосты, и все посадцкие люди, и пушкари, и стрельцы, и казаки, и розных городов всякие люди, которые в Нижнем, челом бьют.

Разрез по скл.

Писали[б] мы к вам преж сево, чтоб вам на Вологде и в уезде собрати всяких ратных людей, конных и с лыжами, и велети им со всею службою готовым быти в поход к Москве.[в]

Генваря в 27 день писали к нам с Резани воевода Прокопей

---

[1] *Собр. ЛОИИ, К 122, Соликамские акты, т. I, стлб. №№ 333, 335, 336 (см.: Курдюмов. Акты Соликамские, стр. 99).*

[2] *ЛОИИ, К. 122, Соликамские акты, т. I, стлб. № 333. Список с «отписки» помещен на одном столбце (без среза и подклейки) как продолжение предшествующего списка нижегородской грамоты в Вологду (Курдюмов. Акты Соликамские, № 332), опубликованного в т. 2 ААЭ, под № 175, на стр. 296.*

[а] *В ркп.* архиеписупу. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 176.*

[б] *В ркп.* псали *без титла. Испр. по ААЭ, т. 2, № 176.*

[в] *В ркп.* Мокве. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 176.*

Ляпунов, и дворяне, и дети боярские, и всякие люди Рязанские области, что они, по благословению святейшаго Ермогена патриарха московского и всеа Руси собрався со всеми сиверски [г] и украйными городы, и с Тулою, и с колужскими со всеми людми, идут на польских и на литовских людей к Москве. А нам бы также, свестяся с околными и с поволскими городы и собрався с тех городов со всякими ратными людми, ити в Володимер, к Москве, и к ним бы тотчас отписати.

Да тово ж дни прислал к нам святейший Ермоген патреарх московский и всеа Руси две грамоты: одну ото вся||ких московских людей, а другую, что писали ис-под Смоленска московские люди к Москве. И мы те грамоты, подклея под сю грамоту, послали к вам на Вологду. Да приказывал к нам святейший Ермоген патриарх, чтоб нам, собрався с околными и с поволскими городы, однолично ити на польских и на литовских людей, к Москве, вскоре. Разрез по скл.

И мы, по благословенью и по приказу святейшаго Ермогена, патриарха московского и всеа Руси, собрався со всеми людми из Нижнево и с околными людми, идем к Москве. А с нами [д] многие ратные люди розных и околных и низовых городов, и дворяне, и дети боярския, и стрельцы, и казаки, и всякие служилые многие люди. Да из Мурома идет околничей воевода князь Василей Федорович Мосальской, а с ним многие городы, дворяня и дети боярския, стрельцы и казаки, многие люди.

И вам бы, господа, однолично пожаловати, на Вологде и во всем уезде собрався со всякими ратными людми, на конях и с лыжами, ити со всею службою к нам в сход тотчас, немотчяв, как из Нежнего к вам отпишем, где вам прити в сход. И однолично бы к Москве подвиг учинити вскоре, не иново чево ради, но избавы кристьянския, чтоб топерво Московскому государьству помочь на польских и на литовских людей учинити вскоре, докаместа Московского государьства и окрестных городех литва не овладели и крестьянския веры ничем не порушили, и докаместа многие люди не прельстилися и крестьянския веры не отступили, чтоб всем нам топерво за православную крестьянскую веру и за свои души стати заодин. И нечто ту милосердый бог, по своей великой неизреченной милости, пощядет || род христьянский, не предаст всех жен и детей и всего рода крестьянского в плен и в расхищение вра- Разрез по скл.

[г] *Так в ркп.*

[д] *В ркп.* ними. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 176.*

гом нашим, злым похишником, польским и литовским людям. Всех нас и вас православных крестьян подвигом Московскому государьству и крестьянской вере без нарушения доброе устроити бог. Москва от литвы очиститца и православныя крестьяне многие, от латынские и люторские пагубныя веры хотящих ныне вмале, суетныя ради славы света сего, прельститися и в вечную пагубу душам своим, а иным по неволе насилием[е] в преступление привестися. И всее такие пагубы род крестьянской избавит бог нынешным подвигом всех нас. И то нам от всемогущяго и преизряднаго хитреца бога великия милости к навечной славе и похвале учинитца за избаву крестьянскую, на воспоминание, на память душам нашим, во вся роды, в предидучяя веки. А от святейщаго Ермогена патриарха московского и всеа Руси и ото всего освященого собору и всево христьянсково рода приведетца нам вечное благословенье.

Да генваря 31 день писали к нам с Рязани, думной дворянин Прокофей Петрович Ляпунов, дворяне, и дети боярские, и всякие люди Рязанские области. И прислали для договору стряпчево Ивана Ивановичя Биркина да диака Степана Пустошкина, дворян, и детей боярских, и всяких чинов людей. И мы с тое их грамоты список списками послали к вам.

А мы, прося у бога милости, идем к Москве на Федорове неделе во вторник. А как, господа, пойдете к нам в сход, и
Разрез по скл. вам бы взяти с собою в поход пороху и свинцу немало. ||

Воззвание москвичей[3]

Список з грамоты

Пишем мы к вам, православным крестьяном, общим всем народом Московского государьства, господам братьям своим, православным крестьяном. Пишут к нам братья наша, разореные пленные, которые отцов, матерей, и жон, и детей своих оставших, в последнее оскуденье дошедших и неимущих, где главы подклонити, как нам, всему крестьянскому народу московскому, так и вам, ничево для, токмо для единово бога всемогущого, видячи вконец погибели пришедших всех нас, утвердить совет, как нам, всем православным крестьяном, останку не погибнути ото врагов всево православнаго крестьянства, литовских людей.

---

[3] *ЛОИИ, К.122, Соликамские акты, т. I, стлб. № 335. Вверху помета:* Списано.

[е] *В ркп.* насилилиесмя. *Испр. по ААЭ, т. 2. № 176.*

Что к нам писали братья наша, и мы тое грамотку к вам послали. И вы, уведевше, станете разумети неисцелную язву богопопустным гневом праведным за наше согрешение, которую, погибель видечи над собою, нам извещают.

И мы не слухом слышим, до самех нас на Москве видением[а] конечная погибель приходит. Для бога, судьи живым и мертвым, не призрите беднаго[б] и слезнаго[б] нашего рыдания, будьте с нами обще, заодно, против врагов наших и ваших[в] общих! Помяните одно: только коренью основанье крепко, то и древо не подвижно; только корени не будет, к чему прилепитца? Здесь образ божия матере, вечныя заступницы крестьянские, богородицы (ея же евангелист Лука написал), и великие светильники и хранители, Петр и Алексей и Иона чюдотворцы. Или вам, православным крестьяном, то ни во что же поставити?! Се же и глаголати и писати страшно. Только того ради не будете с нами обще страдати, елико сила, елико милосердый бог помощи подаст, и богородица и великие чюдотворцы помощь свою дадут, нихто не мни и не веруй никоторому блазненному и лстивому слову, чтоб пощаженым быти.

Писали к нам истину братья наша, и нынечя мы сами видим вере крестьянской переменение в латынство и церквам божьим разоренье. А о своих головах что и писати вам много?! Сами правду ведаете, что в тех во всех городех зделалось, где литовские люди владеют, святыми церквами || и над иконами образа божья. Не везде ли разорено и поругано? А вы ни един того мните, что над вами будет то же. А чтоб всем вам подлинно и достаточно ведати вся нашедшая пагуба на все Московское государьство, на веру крестьянскую разоренье и людем на погубление от немногих людей, предателей крестьянских, которые ныне на то стали, что без останка до конца разорити православная вера и без вести сотворити: таково делаетца от них на Москве. Разрез по скл.

Пощадите нас, бедных, к концу погибели пришедших душами и головами! Станьте с нами обще против врагов креста Христова! Аще общаго нашего моленья услышит милосердый бог и даст нам помочь.

И вам бы однолично, для всемилостиваго бога, на него же имеем надежду, чтоб послати вам грамоту тое, что писана к вам от братьи нашей ис-под Смоленска, и сю нашу грамоту,

---

[а] *В ркп.* виденением. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 176-I.*
[б–б] *В ркп.* силезнаго. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 176-I.*
[в] *В ркп.* ващих. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 176-I.*

и свой совет отпишете[г] во все городы, чтоб было ведомо смертная наша погибель конечная.

Поверте тому нашему письму! Ей, поистинне, немногие вслед идут с предатели с крестьянскими, с Михайлом Салтыковым да с Федором Ондроновым с своими советники! А у нас, православных крестьян, вначале божия милости и пречистыя богородицы и московских чюдотворцов, да первопрестольник апостольные церкви святийши[д] Ермоген патрыарх, прям, яко сам пастырь, душу свою за веру крестьянскую полагает несуменно. А ему все крестьяня православные последуют, лише неявьственно стоят. И вам бы не презрети непрезрением, ни восхотети ведети поруганну образу пречистыя богородицы, иконы Владимерские, и великих московских чюдотворцов, и нас, братий своих, православных крестьян, не ведити быти посеченым и в плен розведеным в латынство!

«*Смоленская*» «*грамотка*»[4]

Список з грамоты

Господам братьям нашим всево Московского государьства.

Братия есми и сродницы, понеже от святыя купели святым крещением породихомся и обещахомся веровати во святую и единосущную троицу, богу живу истинну, вси православнии крестьяня.

Ведомо вам смертная наша погибель, как мы и вы дались без всякого противления литовским людем во своих городех (Разрез по скл.) и в уездех и при || несли есмя свои головы и животы к ним для избавления душ своих, чтоб не отбыть православного кресть-

[4] *ЛОИИ, К. 122, Соликамские акты, т. 1, стлб. № 335. Данную «грамотку» М. Г. Курдюмов обозначает тем же номером, что и предшествующее воззвание, принимая оба памятника за «воззвания московских людей» (Курдюмов. Акты Соликамские, стр. 99, № 335). Списки воззваний переписаны одним почерком на одном и том же листе (между ними среза нет). Следов подклейки не сохранилось также в начале и конце столбца, на котором помещены эти воззвания (возможно, они были срезаны при переплетении). Из сопроводительной нижегородской «отписки» видно, что копий с обеих этих грамот (якобы присланных Гермогеном) в Нижнем Новгороде не делали; их переслали в Вологду, «подклея» под нижегородскую «отписку» (следы подклейки сохранились на нижегородской «отписке»). Однако установить, где могли быть переписаны на один столбец оба воззвания (в кругах ли, связанных с Гермогеном, в Рязани ли), мы не можем, так как подлинников публикуемых памятников не сохранилось. Оба воззвания, нижегородская и рязанская грамоты, дошли до нас в составе февральской устюжской «отписки» в Пермь, в списках.*

[г] *В ркп.* отпищете.

[д] *Так в ркп.*

Конец списка воззвания москвичей и начало списка так называемой «смоленской» «грамотки».

Рукопись из собр. ЛОИИ, К. 122, Соликамские акты, т. I, стлб. 335.

янства в латынство и в конечной погибели и в посеченье ни во плененье не розведенным быть. И мы все, изо всех городов, из уездов, без останка и без всякого пощаженья погибли [а] и не малыя милости и пощаженья не нашли.

Во всех городех и в уездех, где завладели литовские люди, не поругана ли наша крестьянская вера и не разорены ли божия церкви?! Не сокрушены ли и поруганы злым поруганьем и укоризною божественныя иконы и божия образы?! Все то зрят очи наши. Где наши головы, где жены и дети, и братья, и сродницы, и друзи? Не остались ли есмя от тысящи десятой, или ото ста един, токмо единою душею и единым телом?

И та вся нашедшая нам смертная наша погибель неведомо вам. Пришли есмя *из* [б] своих розореных городов, из уездов к [в] королю в обоз, под Смоленеск, и живем тута немало, иной больше году живет, иной мало не год, чтоб нам выкупити от плену, из латынства и от горкия смертныя работы бедных своих матерей и жон и детей. И нихто не смилуетца, и нихто не пощадит. А многие из нас ходили в Литву, в Польшу для своих матерей и жон и детей, и те свои головы потеряли. И собрано было Христовым имянем окуп, и то все розграбили. И нихто, ни един человек от всех литовских людей, над бедными над пленными людьми, на*д* [г] православными крестьяны и безлобивыми младенцы [д], *не смилуется.*[д] И вси порабощены смертною работою и в латынство отдавшеся.

Возплачемся пред господем, сотворшим нас, аще пощадит и аще помилует, аще отовратит от нас свой праведный гнев, нанесенный нам по праведному суду! Он есть царь царьствую-
Разрез по скл. щим и господь господьствующим, и все мы чело || веколюбие его и щедроты превозходяща всякого согрешенья.

Не ото многих бо предателей крестьянских вся земля погибла, которые нашу крестьянскую веру в разоренье и всем крестьяном погибель, для своего ненасытного грабленья, свое учетно дияволом предательство совершити хотя к погибели крестьянской.

И нынешняго году, за два дни пред рожеством Христовым, писали с Москвы к королю Михайло Салтыков, да Федор Ондронов, да князь Василей Мосальской и *с* [е] своими советники, что вора убили, которой назывался царевичем Дмитреем.

[а] *В ркп.* погибели. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 176-II.*
[б] *В ркп.* и. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 176-II.*
[в] *В ркп.* а. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 176-II.*
[г] *В ркп.* на. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 176-II.*
[д–д] *В ркп. нет. Испр. по ААЭ, т. 2, № 176-II.*
[е] *В ркп. нет. Испр. по ААЭ, т. 2, № 176-II.*

И в то время на Москве, руские люди возрадовалися и стали меж себя говорить, как бы-де во всей земле всем людем соединятись и стати против литовских людей, чтоб литовские люди изо всее земли Московские вышли все до одново, на чем крест целовали. И после тово, после рожества Христова на пятой недиле[ж] во суботу, писали со Москвы Федор же Ондронов да Михайло Салтыков с товарыщи, что на Москве патриарх призывает к себе всяких людей явно и говорит о том: будет королевич не креститца в крестьянскую веру и не выйдут из Московские земли все литовские люди, и королевич-де нам не государь. Такие-де свои словеса патриарх и в грамотах своих от себя писал во многие городы. А москвичи-де посадцкие всякие люди, лутчие и мелкие, все принялися и хотят стоять. А те предатели пишут к королю с великим своим молением, что дал ему бог, их службою, Москву, и ему бы Москвы не потеряти. Только-де не притти самому королю со многими людьми к Москве и не вывести с Москвы лутчих людей, и Московскою-де землею не владети.

Естьли которые еще хотят в православной крестьянской вере скончатись, начните таковому делу душами своими и головами, чтоб быти всем крестьяном обще, всем в соединении.

Оставьте || свой страх! Или которым милосердием *и* [з] ласкою прельщают, и все ли чаете жыти в миру и в покое?! Мы не противились и жывоты свои все принесли, все погибли и в вечную работу и в латынство пошли. Вас же всех, московских людей, [и]литовские люди[и] зовут собе противниками и врагима собе. Какую хотите милость и пощаду собе найти?! Не будете только ныне в соединении, обще со всею землею, горько будет плакати и рыдати неутешимым вечным плачем, переменена будет вера крестьянская в латынство и разорятца божественныя церкви со всею лепотою, и убьен будет лютою смертью род наш[к] крестьянской, поработят и осквернят и розведут в полон матеря, и жон, и детей ваших. Каким словом клятвенным верити? Что обещевает вам все сладкое и луччее Михайло Салтыков да Федор Ондронов *с* [л] своими советники? И по тому знаете ли, не предатели ли своей вере и земле?! Польские и литовские люди дали вам веру крестным целованьем всей земле Московской, а что на их вере вправду устояло? Разрез по скл.

[ж] *Так в ркп.*

[з] *В ркп.* а. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 176*-II.

[и–и] *В ркп. исправление было* митовских людей.

[к] *В ркп. исправление, было* ваш.

[л] *В ркп. нет. Испр. по ААЭ, т. 2, № 176-II.*

Не помните того и не смышляйте никоторыми делы, что быть у нас на Москве королевичю государем: первое за то, что видят на Москве над лутчими людьми непостоянство во всем крестопреступлением, да за то, что все люди в Польше и в Литве никако тово не поступятца, что дати королевичя на Московское государьство мимо своего государьства. Много о том было у литвы на соймище думы со всею землею да и положено на том, чтоб вывесть лутчих людей, и опустошить [м] всю землю, и владити [н] всею землею Московскою. Зде мы немало время живем и подлинно про *то* [о] ведаем, для того и пишем к вам.

Для бога, положите о том крепкой совет меж собя: пошлете

Разрез по скл. в Новгород, и на Вологду, и в Нижней || нашу грамотку, списав, и свой совет к ним отпишите, чтоб всем было ведомо, всею землею общею стати за православную крестьянскую веру, покаместа еще свободны, а не в работе и в плен не розведены.

А то вы сами ведаете, что делаетца [п]в *С*моленске.[п] Не на божию ли помощь надеютца?! Стали за православную крестьянскую веру и седят крепко и несумнено. И милосердый бог и пречистая богородица не заступает ли их?!

И послали есмя к вам товарыщев своих, а имян их не написали страха ради смертнаго. А будет мы вам, братьям своим, православным крестьяном, что ложно и непрямо писали про все, для православные крестьянские веры, то сведетель бог. Да не будет на нас милость божыя в сем веке и в будущем! Все истинная правда написана: можете ото всех людей русских

Разрез то уведати. || [5]

Грамота из Рязани в Нижний Новгород [6]

Список с Прокопьевы отписки Ляпунова

В преименитый Новгород Нижней священного причета архимаритом и игуменом, и протопопом, и всего освященному собору, и государьственнаго же сана господам воеводам, и дияком, и дворяном и детем боярским Нижнею Новагорода, из розных городов [а] и Нижнего Новагорода головам литовским и стрелецким и казачьим, и литве, и немцом, и земским ста-

---

[5] *Следов наклейки следующего столбца нет.*

[6] *ЛОИИ, К. 122, Соликамские акты, т. I, стлб. № 336.*

[м] *В ркп.* опостушить. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 176-II.*

[н] *Так в ркп.*

[о] *В ркп. нет. Испр. по ААЭ, т. 2, № 176-II.*

[п–п] *В ркп. было* в Моленске. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 176-II.*

[а] *В ркп. исправление, было* городом.

ростам и целовальником, и всем посадцким людям, и пушкарем, и стрельцом, и казаком, и розных городов всяким людям, обитающим в Нижном Новегороде, всему христоименитому народу — Прокофей Ляпунов, и дворяне, и дети боярские, и всякие служилые люди, и торговые, и чорные Резанские области челом бьют.

Генваря, господа, в 24 день писали вы к нам с сыном боярским, с Иваном Оникиевым, что генваря же в 12 день приехали с Москвы к вам, в Нижней, сын боярской Роман Пахомов да посадцкой человек Родион Мосеев, которые посланы были от вас к Москве, ко святейшему Ермогену патриарху московскому и всеа Русии и ко всей земли, с отписками и для подлинных вестей. А в роспросе, господа, вам сказывали, что приказывал с ними в Нижней, к вам, святейший Ермоген патриарх московский и всеа Русии речью. А письма, господа, к вам не привезли, что-де у него писати некому: дияки и подьячие и всякие дворовые люди пойманы, а двор его весь розграблен.

Да вы же, господа, прислали к нам на Резань целовальную запись, по которой записи вы меж собою крест целовали и з балахонци. И нам бы, господа, памятуя бога и пречистую богородицу и московских чудотворцов, по той записи также крест целовати и с вами стати || за Московское государьство заодин. Разрез по скл.
А вы, господа, по благословенью святейшаго Ермогена патриарха московского и всеа Русии и по совету всей земли, идете из Нижного к Москве в тот час. И нам бы прислати к вам в Нижней всяких чинов добрых людей для совету и с ними отписати, где нам с вами сходитца.

И мы, господа, про то ведаем подлинно, что на Москве святейшему Ермогену патриарху московскому и всеа Русии, и всему освященному собору, и христоименитому народу от богоотступников, от бояр, и от польских и от литовских людей гоненье и теснота велия.

И мы бояром московским давно отказали и к ним о том писали, что они, прельстяся на славу века сего, бога отступили и приложился к западным и к жестосердным, на своя овца обратились, а по своему договорному слову и по крестному целованью, на чем, им договоряся с корунным гетманом, Желковской, королевскою душею, крест целовал, ничево не совершили. И на том, господа, мы, сослався с колуженскими, и с тульскими, и с михайловскими, и всех сиверских и украйных городов со всякими людьми, давно крест целовали, что нам за Московское государьство с ними и со всею землею стояти вместе, заодин, и с литовскими людьми битись до смерти.

А как, господа, мы к бояром о патриархе и о мирском гонение и о тесноте писали, с тех мест патриарху учало быти повольнее [б] и дворовых людей ему немногих отдали.

Да бояря, господа, пишут с Москвы на Тулу, чтоб они к нам не приставали, а к нам они, на Резань, шлют войною пана Сопегу да Струса со многими людьми литовскими. И туленя им, господа, по тому же отказали и ту боярскую || грамоту к нам прислали. А Володимер, господа, и иные городы с нами одномышлены же, хотят за веру все померeть.

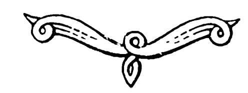
Разрез по скл.

И мы, господа, послали к вам, о всяком договоре и о добром совете, стряпчего Ивана Ивановича Биркина да дьяка Степана Пустошкина з дворяны и всяких чинов людей.

И вам бы, господа, прося у бога милости, в тот час итти со всеми людьми к царьствующему граду Москве, на разорител*ей* [в] веры крестьянской, на польских и на литовских людей, на Володимер или вам на которые городы податние, а к нам тотчас отписати. И мы со всеми людьми и с понизовою силою, которые ныне стоят под Шадцким, пойдем на Коломну; а с Тулы — Иван Зарутцкой; а ис Колуги бояром велим итти прямо к Москве, чтоб нам к царьствующему граду к Москве притти всем в один день. Да и во все, господа, понизовские городы и поморские и к Ондрею Просовецкому велите отписати, чтоб они все шли к царьствующему граду к Москве наспех, к нам же в сход. А мы, господа, к ним о том писали же. Да пришлите, господа, к нам с теми, которых к нам пошлете, пороху и свинцу пудов з десять и з дватцать, будет есть. А у нас, господа, и здесь пороху мало. А с Москвы, господа, к нам пороху не присылывали. А ныне, господа, на Москве порох у торговых людей в лавках весь поимали и ввезли в Кремль в город, и всякие бои у всех людей поимали, и купити пороху промыслить не мочно. Да и на Вологду, господа, и в иные поморские городы отпишите, чтоб, пошед к нам в сход, воеводы имали пороху и свинцу немало. А здесь, господа, в украйных городех, пороху оскудело.

И на Коломне, господа, ворует Василий Сукин, потому что, господа, он был под Смоленским у короля и крест королю целовал, и король ему дал совсем Коломну в путь. А коломенские, господа, дворяня и дети боярские и черные люди с нами в одной мысли. ||

Разрез по скл.



[б] *В ркп.* повольние. *Испр. по ААЭ, т. 2, № 176-III.*
[в] *В ркп.* разорителя. *Испр. по ААЭ, т. 2, №* 176-III.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. СПб.

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные Археографической комиссией. СПб.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (в Москве).

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.

ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения. СПб.

ИЗ — Исторические записки. М.

ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР. М.—Л.

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, изданных Археографической комиссией.

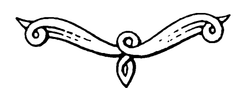
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб.

СГГиД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. М.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР. М.—Л.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ



СОДЕРЖАНИЕ

ТЕКСТ И АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Надежда Феоктистовна Дробленкова

НОВАЯ ПОВЕСТЬ
О ПРЕСЛАВНОМ РОСИЙСКОМ ЦАРСТВЕ

*

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский дом) Академии Наук СССР

*

Редактор Издательства *Е. И. Михлин*
Художник *С. Н. Тарасов*
Технический редактор *М. Е. Зендель*
Корректоры *Н. М. Шилова* и *Н. П. Яковлева*

Сдано в набор 13/I 1960 г. Подписано к печати 25/III 1960 г. РИСО АН СССР № 60-113 В. Формат бумаги 60×92 1/16. Бум. л. 7 1/2. Печ. л. 15=15 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 14.75. Изд. № 1039. Тип. зак. № 524. М-33883. Тираж 1800.
Цена 10 р. 85 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

10 р. 85 к.